

Дело «Мерабишвили (Merabishvili) против Грузии»¹

(Жалоба № 72508/13)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ²

г. Страсбург, 28 ноября 2017 г.

По делу «Мерабишвили против Грузии» Европейский Суд по правам человека, заседавая Большой Палатой в составе:

Гвидо Раймонди, Председателя Большой Палаты,

Ангелики Нуссбергер,
 Линос-Александра Сисилианоса,
 Анны Юджовской,
 Роберта Спано,
 Ноны Цоцория,
 Ишиль Каракаш,
 Кристины Пардалос,
 Фариса Вехабовича,
 Ксении Туркович,
 Йона Фридрика Кьёлбро,
 Йонко Грозева,
 Жоржа Раварани,
 Пере Пастора Вилановы,
 Алёны Полачковой,
 Георгия А. Сергидеса,
 Латифа Гусейнова, судей,

а также при участии Сёрена Пребенсена, заместителя Секретаря Большой Палаты Суда, рассмотрев дело в открытых слушаниях 8 марта и 20 сентября 2017 г.,

вынес в последнюю указанную дату следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 72508/13, поданной против Грузии в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод

(далее – Конвенция) гражданином Грузии Иване Мерабишвили³ (*Ivane Merabishvili*) (далее – заявитель) 20 ноября 2013 г.

2. Заявитель утверждал, что его задержание и предварительное заключение под стражу с 21 мая 2013 г. по 17 февраля 2014 г. были незаконными и необоснованными, что 25 сентября 2013 г. по его делу не была проведена судебная проверка законности и обоснованности его заключения под стражу и что ограничение его права на свободу применялось для целей, отличных от тех, для которых оно было предназначено.

3. Жалоба была передана в производство Четвертой Секции Европейского Суда (пункт 1 правила 52 Регламента Суда). 24 мая 2016 г. Палата этой Секции в следующем составе: Андраша Шайо, Председателя, Винсента А. де Гаэтано, Боштяна М. Зупанчича, Ноны Цоцория, Пауло Пинто де Альбукерке, Эгидиуса Куриса и Юлии Моток, судей, а также при участии Мариалены Цирли, Секретаря Секции Суда, – объявила жалобу приемлемой для рассмотрения по существу. В Постановлении, вынесенном 14 июня 2016 г., Палата Европейского Суда установила, что по делу не было допущено нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции и пункта 3 статьи 5 Конвенции в отношении первоначального решения о заключении заявителя под стражу до суда, но заключила, что по делу было допущено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции ввиду отсутствия каких-либо оснований для принятия решения от 25 сентября 2013 г., отклоняющего просьбу заявителя об освобождении из-под стражи. Палата Европейского Суда пришла к выводу, что отсутствует необходимость рассматривать жалобу в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Конвенции. Кроме того, она установила нарушение статьи 18 Конвенции во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 5 Конвенции.

4. 14 сентября 2016 г. власти Грузии (далее также – власти государства-ответчика) в соответствии со статьей 43 Конвенции ходатайствовали о передаче дела на рассмотрение в Большую Палату Европейского Суда. 17 октября 2016 г. коллегия судей Большой Палаты Европейского Суда удовлетворила это ходатайство.

5. Состав Большой Палаты Европейского Суда был определен согласно положениям пунктов 4 и 5 статьи 26 Конвенции и правила 24 Регламента Суда. На заключительном совещании по делу Фарис Вехабович, первый запасной судья, заменил Хелену Ядерблом, которая не смогла принять участие в дальнейшем рассмотрении дела (пункт 3 правила 24 Регламента Суда).

6. Заявитель и власти Грузии представили дополнительные письменные замечания по делу

¹ Перевод с английского языка ООО «Развитие правовых систем» / Под ред. Ю.Ю. Берестнева (примеч. редактора).

² Настоящее Постановление вступило в силу 28 ноября 2018 г. в соответствии с пунктом 1 статьи 44 Конвенции (примеч. редактора).

³ В некоторых источниках и средствах массовой информации также упоминается как Вано Мерабишвили (примеч. редактора).

(пункт 1 правила 59 Регламента Суда во взаимосвязи с пунктом 1 правила 71 Регламента Суда).

7. Открытое слушание дела состоялось во Дворце прав человека в г. Страсбурге 8 марта 2017 г. (пункт 3 правила 59 Регламента Суда во взаимосвязи с пунктом 1 правила 71 Регламента Суда).

В заседании Европейского Суда приняли участие:

(а) со стороны властей Грузии:

А. Барамидзе (*A. Baramidze*), первый заместитель министра юстиции Грузии, консультант,

Б. Джамашвили (*B. Dzamashvili*), Уполномоченный Республики Грузия при Европейском Суде,

М. Билиходзе (*M. Bilihodze*), начальник отдела судопроизводства, сотрудница Департамента государственного представительства в международных судах Министерства юстиции Грузии,

Н. Чантуридзе (*N. Tchanturidze*), юрисконсульт отдела судопроизводства, сотрудница Департамента государственного представительства в международных судах Министерства юстиции Грузии,

Р. Багашвили (*R. Bagashvili*), заместитель начальника следственной части, сотрудник Генеральной прокуратуры Грузии,

Е. Берадзе (*E. Beradze*), начальник департамента международных отношений и европейской интеграции, сотрудница Министерства по исполнению наказаний, probation и юридической помощи Грузии, консультанты;

(б) со стороны заявителя:

П. Лич (*P. Leach*),

Дж. Сойер (*J. Sawyer*), адвокаты,

О. Кахидзе (*O. Kakhidze*),

Д. Какоишвили (*D. Kakoishvili*),

А. Ходжелани (*A. Khojelani*), консультанты.

Европейский Суд заслушал выступления Сойер, Лича и Барамидзе, а также ответы Лича и Барамидзе на вопросы судей.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

8. Заявитель родился в 1968 году и в настоящее время отбывает наказание в виде лишения свободы в г. Тбилиси.

A. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ ВОЗНИКНОВЕНИЮ СПОРА В НАСТОЯЩЕМ ДЕЛЕ

9. В 2003 году в Грузии после того, прошедшие там выборы воспринялись как сфальсифицированные, произошла так называемая «Революция роз». Она заключалась в 20 днях мирных протестов, в результате которых бывший Первый

секретарь Коммунистической партии Грузии и бывший министр иностранных дел СССР, возглавлявший Грузию с 1992 года, действовавший в это время Президент Грузии Эдуард Шеварднадзе ушел в отставку. В 2004 году состоялись новые президентские и парламентские выборы. Они были выиграны партией «Единое национальное движение», руководимой Михаилом Саакашвили, одним из главных действующих лиц «Революции роз».

10. Заявитель был активным участником тех событий, ближайшим соратником Саакашвили и ведущей фигурой в партии «Единое национальное движение».

11. До 1 октября 2012 г., когда партия «Единое национальное движение» проиграла парламентские выборы коалиции «Грузинская мечта» во главе с Бидзиной Иванишвили, заявитель являлся членом Правительства Грузии: с 2005 по 2012 год он был министром внутренних дел Грузии, а с июля по октябрь 2012 года – премьер-министром Грузии.

12. 15 октября 2012 г., через две недели после парламентских выборов, заявитель был избран генеральным секретарем партии «Единое национальное движение», которая стала основной оппозиционной партией в Грузии.

13. Вскоре по окончании срока своих полномочий, после президентских выборов 27 октября 2013 г., Саакашвили, который был Президентом Грузии с 2004 года, покинул страну.

В. ИНЦИДЕНТ В АЭРОПОРТУ г. ТБИЛИСИ 30 НОЯБРЯ 2012 г.

14. В период с 1 ноября 2012 г. по 21 мая 2013 г., когда заявитель был задержан (см. § 26 настоящего Постановления), он совершил пять поездок за границу, всегда возвращаясь в установленный срок.

15. Согласно информации, предоставленной властями Грузии, 30 ноября 2012 г. заявитель попытался пересечь границу в аэропорту г. Тбилиси по поддельному паспорту.

16. После проверки паспорта по официальной электронной базе данных сотрудник пограничной полиции обнаружил несоответствие между фотографией в паспорте, которая соответствовала внешности заявителя, и другими данными, включая имя Левана Майсурадзе (*Levan Maisuradze*), которые отличались от информации о заявителе в базе данных. Сотрудник полиции вернул паспорт личному помощнику заявителя с просьбой дать разъяснения. Затем помощник заявителя принес из офиса еще один паспорт, выданный на настоящее имя заявителя и совпадающий со всеми его личными данными. После проверки подлинности паспорта заявителю было разрешено пересечь границу.

17. В тот же день пограничная полиция начала уголовное расследование этого инцидента. Старший сотрудник немедленно отправился в аэропорт г. Тбилиси, чтобы опросить сотрудника, обнаружившего предположительно поддельный паспорт. Согласно доказательствам, собранным в ходе последовавшего расследования, во время нахождения старшего сотрудника в аэропорту заявитель по мобильному телефону позвонил начальнику пограничной полиции. Ссылаясь на свой статус и давние личные связи в Министерстве внутренних дел, заявитель потребовал, чтобы инцидент не расследовался и чтобы сотрудника пограничной полиции не просили дать показания в связи с инцидентом. В соответствии с показаниями, данным позже следователям начальником пограничной полиции, заявитель угрожал ему лично, а также в отношении его карьеры и использовал нецензурные выражения во время их телефонного разговора.

18. Во время допроса 1 и 7 декабря 2012 г. в связи с инцидентом заявитель отрицал, что предъявлял паспорт на имя Левана Майсурадзе, и сказал, что у него было только четыре паспорта, два обычных и два дипломатических, все выданные на его настоящее имя.

С. УГОЛОВНОЕ ДЕЛО ПРОТИВ ЗАЯВИТЕЛЯ, КАСАВШЕЕСЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА И СОБСТВЕННОСТИ В СЕЛЕ КВАРИАТИ

1. Первоначальная стадия производства по делу

19. 13 декабря 2012 г. прокуратура Западной Грузии в г. Кутаиси возбудила уголовное дело в отношении заявителя и З.Ч., министра здравоохранения, труда и социальных дел в его правительстве (который сразу после выборов в октябре 2012 года был назначен губернатором Кахетии) за предполагаемые растрату и злоупотребление должностными полномочиями в отношении Государственной программы трудоустройства, введенной в действие правительством заявителя в июле – сентябре 2012 года.

20. В тот же день заявитель и З.Ч. явились в прокуратуру и были допрошены в качестве свидетелей.

21. 18 января 2013 г. прокуратура Аджарской Автономной Республики возбудила отдельное уголовное дело в отношении заявителя за предполагаемое злоупотребление служебными полномочиями в отношении частного дома в селе Квариати, находящемся на курорте Южночерноморского побережья Грузии.

22. 13 февраля 2013 г. заявитель был допрошен в качестве свидетеля в рамках этого отдельного уголовного дела.

23. 20 мая 2013 г. два дела были объединены в одно производство.

2. Задержание заявителя и его заключение под стражу

(а) Задержание

24. 21 мая 2013 г. заявитель и З.Ч. были вызваны следователем при прокуратуре Западной Грузии в г. Кутаиси, которая занималась объединенным делом, на допрос в этот же день. В тот же день жена заявителя уехала из Грузии.

25. Заявитель явился на допрос, который проходил 21 мая 2013 г., с 12.25 до 15.05.

26. Через 45 минут после допроса, в 15.50, заявитель был задержан следователем в соответствии с пунктом «е» части второй статьи 171 Уголовно-процессуального кодекса Грузии (см. § 144 настоящего Постановления). Следователь указала, что заявитель был задержан, поскольку существовали обоснованные подозрения в совершении преступления и риск возможного наказания, а также заявитель мог попытаться скрыться. Эта возможность была подтверждена его попыткой пересечь границу по поддельному паспорту в 2012 году (см. §§ 15–18 настоящего Постановления), а также многочисленными поездками за границу, которые свидетельствовали о том, что у него не возникнет трудностей с выездом из Грузии. Следователь также отметила, что заявитель много лет занимал высокие посты в государстве и до сих пор является влиятельным человеком. Таким образом, существует опасность того, что он воспрепятствует расследованию по делу.

27. Незадолго до этого, в 15.31, следователь также задержала З.Ч.

28. Позже в тот же день, в 21.50, заявителю были предъявлены обвинения.

29. Первое обвинение состояло в том, что в период между июлем и сентябрем 2012 года заявитель разработал, а З.Ч. и директор Агентства социального обслуживания Грузии реализовали схему создания фиктивных рабочих мест в государственном секторе для 21 837 человек, с помощью которой этим лицам была незаконно выплачена общая сумма в размере 5 240 880 грузинских лари (на тот момент примерно 2 421 953 евро) из бюджетных средств на проведение агитационной работы в интересах партии «Единое национальное движение» в преддверии выборов в октябре 2012 года. По утверждению властей, заявитель тем самым покупал голоса избирателей в нарушение статьи 164¹ Уголовного кодекса Грузии, незаконно присвоил собственность в крупных размерах, действуя в составе организованной группы и с использованием своего служебного положения в нарушение пунктов «а» и «д» части второй и пункта «в» части третьей статьи 182 Уголовного кодекса Грузии, и

злоупотребил своим положением государственного должностного лица, занимая политический пост, в нарушение части второй статьи 332 Уголовного кодекса Грузии.

30. Второе обвинение заключалось в том, что после 2009 года заявитель систематически использовал дом в селе Квариати, который принадлежал обществу с ограниченной ответственностью, деятельность которого расследовалась Министерством внутренних дел, для семейного отдыха, и что в 2011 и 2012 годах он произвел работы по этому дому на сумму 131 884,60 грузинских лари за счет средств Министерства внутренних дел. Кроме того, 25 784,70 грузинских лари были потрачены на заработную плату сотрудников, обслуживавших дом, что причинило ущерб государственному бюджету в общей сложности в размере 157 669,30 грузинских лари (на тот момент примерно 73 216 евро). По мнению органов прокуратуры, заявитель тем самым нарушил неприкосновенность собственности, используя свое служебное положение, в нарушение пункта «b» части третьей статьи 160 Уголовного кодекса Грузии, незаконно присвоил собственность в крупном размере с использованием своего служебного положения в нарушение пунктов «a» и «d» части второй и пункта «b» части третьей статьи 182 Уголовного кодекса Грузии и злоупотребил своим положением государственного должностного лица, занимая политический пост, в нарушение части второй статьи 332 Уголовного кодекса Грузии.

31. В своих замечаниях власти Грузии перечислили свидетелей и указали иные доказательства, на которых основывались два обвинения. Многие из свидетелей, показания которых касались первого обвинения, были действующими или бывшими должностными лицами Агентства социального обслуживания Министерства труда, здоровья и социальной защиты Грузии или других министерств и ведомств, некоторые из них являлись официальными лицами партии «Единое национальное движение». Большинство свидетелей, показания которых касались второго обвинения, были должностными лицами Министерства внутренних дел в отставке.

32. Тем временем сотрудники прокуратуры обыскали квартиру заявителя. Они обнаружили и изъяли 29 000 грузинских лари (на тот момент примерно 13 812 евро), 33 100 долларов США и 54 200 евро наличными.

(b) Заключение под стражу до суда

(i) Производство в Кутаисском городском суде

33. 22 мая 2013 г. окружная прокуратура Западной Грузии ходатайствовала перед Кутаисским городским судом о заключении заяви-

теля под стражу до суда. Окружная прокуратура указала преступления, в которых обвинялся заявитель, перечислила свидетелей и другие доказательства, подтверждающие обвинения. Она также утверждала, что существует риск того, что заявитель скроется от правосудия и воспрепятствует сбору доказательств и что эти риски не могут быть предотвращены менее ограничительной мерой пресечения.

34. По мнению прокуратуры, риск того, что заявитель скроется от правосудия, подтверждался, во-первых, тем, что заявитель на протяжении нескольких лет занимал высокие государственные должности, установил многочисленные контакты за рубежом и в Грузии, что облегчило бы его отъезд из страны. С 2009 года он пересекал границу более 60 раз. Во-вторых, жена заявителя покинула страну 21 мая 2013 г., сразу же после того, как в г. Кутаиси заявителю была вручена повестка о вызове к следователю для дачи показаний. В-третьих, в ходе обыска квартиры заявителя 21 мая 2013 г. были обнаружены крупные суммы денег наличными. Разумно предположить, что заявитель накопил эти деньги для того, чтобы иметь возможность покинуть страну. В-четвертых, заявитель имел поддельный загранпаспорт, который был ему выдан в то время, когда он еще являлся министром внутренних дел. И наконец, также необходимо было принять во внимание серьезность обвинений, предъявленных заявителю, и суровость грозящего ему наказания.

35. Со своей стороны, опасность воспрепятствования сбору доказательств подтверждалась тем, что заявитель занимал ряд высоких политических постов, а также его грубой попыткой оказать давление на начальника пограничной полиции во время инцидента 30 ноября 2012 г. (см. § 17 настоящего Постановления).

36. Прокуратура ходатайствовала перед судом, чтобы сообвиняемому заявителю, З.Ч., также была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу до суда.

37. Адвокаты заявителя возражали против ходатайств прокуратуры об избрании меры пресечения. В своих письменных представлениях в Кутаисский городской суд они утверждали, что, поскольку заявитель являлся членом правительства, в соответствии с законом только министр юстиции был вправе возбудить против него уголовное дело. Однако он был задержан следователем окружной прокуратуры Западной Грузии и обвинен прокурором из того же ведомства. Следовательно, его задержание и возбужденное против него уголовное дело являются незаконными. Кроме того, его задержание проводилось в нарушение статьи 171 Уголовно-процессуального кодекса Грузии (см. § 144 настоящего Постановления). Предполагаемый риск того, что он скроется от правосудия, не подтверждается конкретными доказательствами и опровергается

его неоднократными явками в следственные органы и его публичным обещанием сотрудничать с ними. Кроме того, он неоднократно выезжал из Грузии и ни разу не пытался скрыться, в том числе после начала расследования. В день задержания он добровольно явился на допрос. Следовательно, отсутствует необходимость содержать его под стражей без судебного ордера. Предполагаемый риск воспрепятствования расследованию также конкретно не подтверждался. Кроме того, расследование продолжалось уже несколько месяцев, а каких-либо сообщений о вмешательстве заявителя в него не поступало. Адвокаты заявителя также предложили суду принять во внимание большой вклад заявителя в борьбу с преступностью и реформу полиции в тот период, когда он занимал высокие государственные должности.

38. Кутаисский городской суд заслушал ходатайство прокуратуры в открытом судебном заседании, состоявшемся в тот же день, 22 мая 2013 г. Обе стороны изложили свои устные доводы.

39. По окончании заседания суд постановил заключить заявителя под стражу до суда, но освободить З.Ч. из-под стражи под залог. Суд кратко отметил, что согласно материалам дела серьезных процессуальных нарушений при задержании заявителя или предъявлении ему обвинений допущено не было. В частности, в соответствии с положениями законодательства только действующие, а не бывшие члены правительства должны подвергаться уголовному преследованию министром юстиции, а не обычным прокурором. Далее суд указал, что имеется достаточно информации, свидетельствующей о наличии обоснованных подозрений в отношении заявителя и З.Ч. Кроме того, имеются и иные предпосылки для заключения заявителя под стражу до суда, а также еще предстоит провести ряд следственных действий, и, как следует из ходатайства прокуратуры, существует опасность того, что заявитель будет манипулировать доказательствами или оказывать давление на свидетелей. Это подтверждалось, в частности, тем, что он уже пытался оказать давление на свидетеля, выступившего против него. Другим фактором, указывающим на такой риск, является то, что заявитель в течение многих лет занимал высокий государственный пост и по-прежнему являлся влиятельной фигурой в некоторых кругах грузинского общества, особенно с учетом того, что выдвинутые против него обвинения касались его деятельности на государственной должности. Многие свидетели являлись его бывшими подчиненными или людьми, находящимися под его профессиональным или личным влиянием. Суд также согласился с органами прокуратуры в том, что существует риск того, что заявитель может скрыться от правосудия. Это подтверждается, в частности, предъявленными ему серьезными обвинениями и возможностью вынесения ему строгого наказания. Наконец, суд

установил, что эти два риска не могут быть предотвращены принятием менее ограничительной меры пресечения.

40. Суд назначил предварительное слушание дела на 15 июля 2013 г.

41. Заявитель был оставлен под стражей в тюрьме № 9 в г. Тбилиси.

(ii) Производство в Апелляционном суде г. Кутаиси

42. Заявитель подал жалобу на это постановление суда в Апелляционный суд г. Кутаиси. Он утверждал, что при надлежащем толковании соответствующих положений закона только министр юстиции обладает полномочием преследовать в судебном порядке за преступления, совершенные любым лицом в качестве члена правительства, а не только тех лиц, кто является членом правительства в момент возбуждения уголовного преследования. Он также утверждал, что Кутаисский городской суд совершил ошибку, не изучив подробно вопрос о законности его задержания, которое было проведено в нарушение статьи 171 Уголовно-процессуального кодекса Грузии, в частности, потому, что в день задержания он добровольно явился на допрос. Трудно также поверить в то, что Кутаисский городской суд, который вынес постановление по ходатайству прокуратуры всего лишь через три-четыре часа после того, как оно было объявлено, действительно изучил доказательства, которые, как утверждается, вызывают обоснованное подозрение в отношении заявителя. В материалах дела отсутствуют факты или информация, свидетельствующие о том, что он совершил вменяемые ему преступления. Нижестоящий суд также ожидал, что заявитель опровергнет утверждаемые прокуратурой риски бегства от правосудия и воспрепятствования отправлению правосудия вместо того, чтобы требовать от обвинения доказывания этих рисков. Вывод суда о том, что заявитель оказывал давление на свидетеля, противоречит презумпции невиновности. Он никогда не звонил и не угрожал начальнику пограничной полиции. Кутаисский городской суд также проигнорировал тот факт, что за несколько месяцев до задержания заявитель добровольно несколько раз являлся на допросы. Ни этот суд, ни прокуратура не привели доказательств того, что он скроется за границей. С момента начала расследования он неоднократно выезжал из Грузии. Довод о том, что он влиятельный человек в некоторых кругах и поэтому может оказывать воздействие на свидетелей, явно свидетельствует о том, что он стал жертвой преследования по политическим мотивам. Его поведение доказывает, что не существовало даже минимального риска его бегства от правосудия, оказания давления на свидетелей или уничтожения доказательств.

43. 25 мая 2013 г. Апелляционный суд г. Кутаиси, рассмотрев жалобу в порядке письменного производства, признал ее неприемлемой для рассмотрения по существу. Данный суд отметил, что Кутаисский городской суд рассмотрел материалы дела и доказательства, представленные ему, проверил, соответствовали ли сбор доказательств против заявителя и предъявление ему обвинения Уголовно-процессуальному кодексу Грузии. При вынесении решения о заключении заявителя под стражу Кутаисский городской суд принял во внимание его личность и риск воспрепятствования производству по делу. Поскольку Кутаисский городской суд уже рассмотрел все вопросы, поднятые в жалобе, а также все важные вопросы, касающиеся законности заключения заявителя под стражу, отсутствуют какие-либо основания для рассмотрения жалобы.

3. Два перерыва в предварительном слушании дела

44. 2 июля 2013 г. обвинение, сославшись на необходимость проведения дополнительных следственных действий, ходатайствовало перед Кутаисским городским судом об объявлении перерыва в предварительном слушании дела до 11 сентября 2013 г. Кутаисский городской суд 5 июля 2013 г. частично удовлетворил ходатайство, отложив предварительное слушание до 23 августа 2013 г.

45. 12 августа 2013 г. заявитель, ссылаясь на значительный объем материалов дела и необходимость предоставить больше времени для подготовки своей защиты, ходатайствовал о дополнительном перерыве в предварительном слушании дела. Обвинение возражало против этого, указав, что заявитель пытается затянуть производство по делу и оставить меньше времени для рассмотрения дела по существу. 14 августа 2013 г. Кутаисский городской суд удовлетворил ходатайство в полном объеме и назначил предварительное слушание дела на 12 сентября 2013 г.

4. Ходатайство заявителя об освобождении из-под стражи на время предварительного слушания дела

46. Предварительное слушание дела проходило 12, 19 и 25 сентября 2013 г.

47. На заседании суда 25 сентября 2013 г. заявитель ходатайствовал об освобождении из-под стражи. Заявитель указал, что он публично обещал сотрудничать со следствием, до задержания всегда надлежащим образом являлся на допросы и что он неоднократно бывал за границей и всегда возвращался в установленные сроки. Он также предложил сдать свой загранпаспорт. Далее заявитель утверждал, что, поскольку расследование уже завершено,

власти установили всех свидетелей и собрали другие доказательства, более не существует опасности того, что он окажет давление на свидетелей, что в любом случае не может иметь места вследствие того, что он уже не занимает высокие посты, как ранее.

48. Обвинение утверждало, что высокий политический статус заявителя и его связи за рубежом, а также наличие у него двух дипломатических загранпаспортов и поддельного загранпаспорта облегчают ему выезд из Грузии. Возможно также, что у него были другие невыявленные загранпаспорта, что использовалось другими бывшими должностными лицами для выезда из страны. Таким образом, сдача паспорта не исключит угрозу его побега от правосудия. Риск его давления на свидетелей также сохранялся. Заявитель уже сделал это 30 ноября 2012 г., когда более не занимал официальную должность. Кроме того, свидетели по-прежнему должны давать показания в ходе судебного заседания, что согласно закону является единственным способом сообщить их доказательственные сведения.

49. Кутаисский городской суд в тот же день рассмотрел и отклонил ходатайство об освобождении заявителя из-под стражи. Он вынес свое решение в устной форме. Как свидетельствует аудиозапись заседания суда, судья без дальнейших объяснений указал, что «ходатайство о прекращении предварительного заключения должно быть отклонено».

5. Ходатайство заявителя об освобождении из-под стражи от 7 октября 2013 г.

50. Судебное разбирательство по делу заявителя началось 7 октября 2013 г., и он вновь стал добиваться освобождения из-под стражи. Заявитель указал, что до своего задержания он всегда добровольно являлся в следственные органы, неоднократно говорил, что не намерен скрываться от правосудия, находясь за границей, вернулся даже после возбуждения против него уголовного дела, являлся генеральным секретарем крупной политической партии, имеет жену и двоих детей. Все эти факторы доказывали, что не существовало какого-либо реального риска того, что он скроется от правосудия, и не было риска, что он повлияет на свидетелей. Прокуратура уже допросила значительное количество свидетелей, и нет опасности того, что эти свидетели изменят свои показания, поскольку в этом случае они могут понести уголовную ответственность.

51. Кутаисский городской суд отклонил это ходатайство в своем письменном постановлении в тот же день. Он отметил, что заявитель не привел и не представил доказательств новых обстоятельств, требующих пересмотра решения о его заключении под стражу до суда. В данном постановлении суд рассмотрел все вопросы, поднятые в его хода-

тайстве. Тот факт, что судебное разбирательство уже началось, не имеет отношения к обоснованию содержания заявления под стражей.

52. Далее суд указал, что его постановление может быть обжаловано одновременно с окончательным решением по существу уголовного дела.

6. Обвинительный приговор, назначение наказания заявителю и его жалобы на них

53. 17 февраля 2014 г. Кутаисский городской суд признал заявителя виновным в подкупе избирателей в нарушение статьи 164¹ Уголовного кодекса Грузии, в незаконном присвоении собственности в крупных размерах, действуя в составе организованной группы и с использованием своего служебного положения в нарушение пунктов «а» и «d» части второй и пункта «b» части третьей статьи 182 Уголовного кодекса, что касается мошеннической схемы создания фиктивных рабочих мест (см. § 29 настоящего Постановления). Кутаисский городской суд также признал заявителя виновным в нарушении неприкосновенности собственности с использованием своего служебного положения в нарушение пункта «b» части третьей статьи 160 Уголовного кодекса Грузии, в незаконном присвоении собственности в крупных размерах с использованием своего служебного положения в нарушение пункта «d» части второй и пункта «b» части третьей статьи 182 Уголовного кодекса Грузии, что касается дома в селе Квариати (см. § 30 настоящего Постановления). Кутаисский городской суд снял обвинения в злоупотреблении служебными полномочиями согласно части второй статьи 332 Уголовного кодекса как излишние. Он назначил заявителю наказание в виде лишения свободы сроком на пять лет и запретил ему занимать государственные должности в течение полутора лет.

54. Заявитель обжаловал этот приговор, но 21 октября 2014 г. Апелляционный суд г. Кутаиси оставил его без изменения.

55. 18 июня 2015 г. Верховный суд Грузии признал кассационную жалобу заявителя неприемлемой для рассмотрения по существу.

D. ДРУГИЕ УГОЛОВНЫЕ ДЕЛА, ВОЗБУЖДЕННЫЕ В ОТНОШЕНИИ ЗАЯВИТЕЛЯ

56. 28 мая 2013 г. Генеральная прокуратура Грузии предъявила заявителю обвинение в превышении служебных полномочий вследствие применения насилия в нарушение пункта «b» части третьей статьи 333 Уголовного кодекса Грузии в связи с его ролью в полицейской операции по разгону митинга 26 мая 2011 года. Тбилисский городской суд 30 мая 2013 г. заключил заявителя под стражу по этому делу и 27 февраля 2014 г. признал его виновным по предъявленному ему обвинению.

Заявитель обжаловал этот приговор, но 11 августа 2014 г. Апелляционный суд г. Тбилиси оставил его без изменения. Кассационная жалоба заявителя в Верховный суд Грузии 27 февраля 2015 г. была признана неприемлемой для рассмотрения по существу.

57. 24 июня 2013 г. прокуратура г. Тбилиси предъявила заявителю обвинение в злоупотреблении служебными полномочиями государственного должностного лица, занимающего политический пост, в нарушение части второй статьи 332 Уголовного кодекса Грузии. Дело касалось действий заявителя в качестве министра внутренних дел Грузии в предполагаемом сокрытии убийства в 2006 году, в котором были замешаны высокопоставленные сотрудники Министерства внутренних дел Грузии и супруга заявителя (см. Постановление Европейского Суда по делу «Енукидзе и Гиргвлиани против Грузии» (*Enukidze and Girgvliani v. Georgia*) от 26 апреля 2011 г., жалоба № 25091/07, §§ 15–22). Спустя два дня, 26 июня 2013 г., Тбилисский городской суд отклонил ходатайство обвинения о заключении заявителя под стражу до суда в связи с этим обвинением. Заявителя впоследствии дополнительно обвинили в подделке официальных документов в качестве должностного лица в нарушение статьи 341 Уголовного кодекса Грузии. 20 октября 2014 г. Тбилисский городской суд вынес ему обвинительный приговор по обвинению в совершении двух преступлений, и 4 августа 2015 г. Апелляционный суд г. Тбилиси оставил данный приговор без изменения.

58. 28 июля 2014 г. Генеральная прокуратура Грузии предъявила заявителю обвинение в превышении служебных полномочий вследствие применения насилия в нарушение пункта «b» части третьей статьи 333 Уголовного кодекса Грузии, что касается его роли при планировании и контроле рейда на частную телерадиокомпанию «Имеди Медиа Холдинг» (*Imedi Media Holding*) 7 ноября 2007 г. и последующем отзыве лицензии этой компании на вещание (см. Решение Европейского Суда по делу «Ахвледиани и другие против Грузии» (*Akhvlediani and Others v. Georgia*) от 9 апреля 2013 г., жалоба № 22026/10, §§ 6–8). Дело, по-видимому, всё еще находится на рассмотрении Тбилисского городского суда.

59. 5 августа 2014 г. Генеральная прокуратура Грузии предъявила заявителю обвинение в превышении служебных полномочий из-за применения насилия в нарушение пункта «b» части третьей статьи 333 Уголовного кодекса Грузии, что касается того предположительного факта, что он приказал высокопоставленным сотрудникам полиции подвергнуть члена парламента жестокому обращению в ответ на оскорбительные публичные высказывания в адрес жены Саакашвили. Позже прокуратура также предъявила заявителю обвинение в умышленном причинении этому лицу тяжких теле-

сных повреждений, совершенном совместно с другими лицами, в нарушение пункта «е» части пятой статьи 117 Уголовного кодекса Грузии. 22 сентября 2016 г. Тбилисский городской суд вынес заявителю обвинительный приговор по обвинению в совершении этих преступлений. 24 февраля 2017 г. Апелляционный суд г. Тбилиси оставил данный приговор без изменения.

Е. ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ ВЫВОЗ ЗАЯВИТЕЛЯ ИЗ ТЮРЕМНОЙ КАМЕРЫ, В КОТОРОЙ ОН СОДЕРЖАЛСЯ, 14 ДЕКАБРЯ 2013 г. И РАССЛЕДОВАНИЕ ЭТОГО УТВЕРЖДЕНИЯ

1. Доводы заявителя

60. 17 декабря 2013 г., во время судебного заседания по делу против него, которое транслировалось в прямом эфире по телевидению, заявитель сказал, что примерно в 01.30 в предыдущую субботу, 14 декабря 2013 г., его вывели из тюремной камеры, посадили в машину, голову закутали курткой и вывезли из тюрьмы № 9 в г. Тбилиси, где он содержался под стражей, в место, которое, по его мнению, являлось зданием Департамента исполнения наказаний. Там его отвели в кабинет, где, сняв куртку с головы, он увидел двух мужчин. Первым был О.П., занимавший в это время должность генерального прокурора. Заявитель не был уверен в личности второго человека, так как этот человек покинул офис вскоре после прибытия заявителя, но предположил, что это был Д.Д., руководитель Департамента исполнения наказаний. О.П., который был назначен генеральным прокурором 21 ноября 2013 г. и ушел в отставку 30 декабря 2013 г. в связи с утверждениями о наличии у него судимости в Германии, просил заявителя предоставить информацию о смерти в 2005 году премьер-министра Зураба Жвания (*Zurab Zhvania*) и о банковских счетах уже бывшего Президента Грузии Саакашвили. Если бы он сделал это, ему было бы разрешено покинуть Грузию с «деньгами, которые он накопил за время своего нахождения в должности».

61. Жвания был одним из главных действующих лиц «Революции роз» (см. § 9 настоящего Постановления). Вскоре после этого, в 2004 году, он стал премьер-министром. В декабре 2004 года заявитель был назначен министром внутренних дел в его правительстве. Жвания погиб в феврале 2005 года. 3 февраля 2005 г. его труп был найден вместе с трупом Р.У., заместителя губернатора области, в квартире в г. Тбилиси. Согласно официальной версии событий эти двое человек погибли случайно от отравления угарным газом, вызванного неисправной вентиляцией в газовом обогревателе. Обстоятельства смерти Жвания до сих пор являются предметом жарких дебатов в Грузии, и политическое объединение «Грузинская мечта» сделало

их выяснение одним из пунктов своих предвыборных обещаний на выборах в октябре 2012 года. Вскоре после этих выборов, в ноябре 2012 года, расследование смерти Жвания было возобновлено и, по-видимому, всё еще продолжается. Заявитель был допрошен в качестве свидетеля в ходе возобновленного расследования 21 марта 2014 г. В ходе слушаний дела в Большой Палате Европейского Суда власти Грузии указали, что, хотя никто не спрашивал заявителя о смерти Жвания 14 декабря 2013 г., к нему по-прежнему есть «огромные вопросы» в связи с этой смертью ввиду отсутствия доверия к версии, которую он изложил в то время, когда она случилась, о том, что это был несчастный случай.

62. По словам заявителя, он ответил О.П., что нет смысла обвинять Саакашвили в коррупции. Что касается смерти Жвания, то ее расследование в 2005 году носило всеобъемлющий характер, и он не может предоставить дополнительной информации в этой связи. О.П. затем пригрозил заявителю, что, если он не будет сотрудничать, то условия его содержания ухудшатся, и он не сможет выйти из тюрьмы «до тех пор, пока правительство [Ираклия Гарибашвили (*Irakli Garibashvili*)] находится у власти». Гарибашвили стал премьер-министром Грузии 20 ноября 2013 г., сменив Иванишвили, который стал премьер-министром 25 октября 2012 г. после парламентских выборов, выигранных политическим объединением «Грузинская мечта» (см. § 11 настоящего Постановления).

63. По словам заявителя, затем он был доставлен обратно в тюрьму № 9, прибыв в свою камеру около 02.30.

64. Заявитель далее сказал, что он может описать офис, где состоялась встреча, и опознать двух мужчин, которые доставили его из тюрьмы № 9 в этот офис.

65. В конце своего обращения заявитель указал, что власти могут проверить его утверждения, проверив записи с видеокамер наблюдения в тюрьме № 9. Он также просил изучить видеоматериалы с дорожно-транспортных камер, расположенных вдоль дороги, по которой, как утверждает, ехал автомобиль, перевозивший его из тюрьмы в Департамент исполнения наказаний.

66. При производстве по делу в Большой Палате Европейского Суда заявитель сообщил, что сначала он обсудил встречу с генеральным прокурором со своими адвокатами, когда они посетили его в тюрьме два дня спустя, в понедельник 16 декабря 2013 г. По его словам, он не мог раньше озвучить свои обвинения, поскольку ему не разрешали принимать посетителей в выходные дни и не предоставляли свободного доступа к телефону. Со своей стороны, власти Грузии утверждали, что заявитель мог звонить своим адвокатам или государственному защитнику в любое время, в том числе в выходные дни и ночью.

2. Первоначальная реакция властей на утверждения заявителя

67. Утверждения заявителя вызвали публичную реакцию со стороны нескольких высокопоставленных чиновников.

68. В тот же день, 17 декабря 2013 г., премьер-министр сказал, что обвинения заявителю являются попыткой дискредитации правительства и провокацией и что в связи с этим «вопросы должны быть скорее поставлены психологам и психиатрам». В официальном заявлении, сделанном в тот же день, Генеральная прокуратура Грузии описала обвинения заявителя как «абсурдные и ложные» и предположила, что заявитель тем самым манипулирует общественным мнением и уголовным процессом по его делу.

69. Со своей стороны, министр юстиции заявила, что, хотя эти утверждения представляются «невероятными», к ним следует отнестись серьезно.

70. На следующий день, 18 декабря 2013 г., премьер-министр вновь охарактеризовал эти утверждения как провокацию и заявил, что он не будет надлежащим образом относиться к призывам отстранить от должности министра по исполнению наказаний, пробации и юридической помощи и генерального прокурора. Со своей стороны, министр по исполнению наказаний указал, что «заявителя не вывозили из тюрьмы» и что эти утверждения являются «абсолютной ложью». Далее он уточнил, что касается видеозаписи камеры наблюдения, на которую ссылался заявитель (см. § 65 настоящего Постановления), что «видеоматериалы не могут быть получены, поскольку не было начато расследования по таким несерьезным вопросам». Вместе с тем он отметил, что в случае начала расследования следователи получают доступ к видеоматериалам, которые в противном случае никто не имеет права видеть.

71. На следующий день, 19 декабря 2013 г., Народный защитник Грузии¹ посетил заявителя в тюрьме, чтобы обсудить его утверждения. После встречи Народный защитник Грузии призвал провести расследование по этим утверждениям.

3. Проверка, осуществленная Генеральной инспекцией Министерства по исполнению наказаний, пробации и юридической помощи Грузии (декабрь 2013 года – январь 2014 года)

72. 20 декабря 2013 г. Генеральная инспекция Министерства по исполнению наказаний, пробации и юридической помощи Грузии приступила к внутриведомственной проверке утверждений заявителя. В основном проверку проводили два инспектора.

(а) Записи камер видеонаблюдения из тюрьмы № 9 и здания Департамента исполнения наказаний

73. В тот же день, 20 декабря 2013 г., заместитель начальника Генеральной инспекции написал письмо заместителю начальника Департамента исполнения наказаний Министерства юстиции, запросив предоставить копию видеозаписей с камер наблюдения в тюрьме № 9 и здания Департамента исполнения наказаний за период между 13 декабря 2013 г., с 24.00, до 14 декабря 2013 г., 12.00.

74. В своем ответе в тот же день заместитель начальника Департамента исполнения наказаний указал, что данная просьба не может быть удовлетворена, поскольку видеозаписи с этих камер хранились в течение всего лишь 24 часов, после чего они автоматически удалялись.

75. В рассматриваемый период, по-видимому, не существовало каких-либо правил о времени, в течение которого должны были храниться видеозаписи. Такие правила были впервые введены в действие в мае 2015 года в ответ на критику Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания в докладе о его посещении Грузии в 2014 году.

76. Согласно информации, предоставленной Европейскому Суду властями Грузии, заявитель знал об ограниченном времени, в течение которого хранились видеоматериалы, и именно по этой причине впервые озвучил свои утверждения о встрече с генеральным прокурором через три дня после того, как она состоялась.

77. Заявитель утверждал, что отснятый материал хранился более 24 часов. В поддержку этого довода он указал, что заместитель руководителя Генеральной инспекции, по-видимому, не знал о сроках, когда запрашивал материал (см. § 73 настоящего Постановления). Заявитель также представил письменные показания Г.М., заместителя министра по исполнению наказаний, пробации и юридической помощи в период времени с 2010 и по 2012 год, который занимался реформированием системы видеонаблюдения в тюрьмах и создал Департамент информационных технологий в указанном министерстве в 2011 году. В соответствии с этими показаниями записи с камер наблюдения хранились в течение месяца на серверах и резервных серверах в самом Департаменте исполнения наказаний и. Они не могли быть удалены до истечения этого срока без вмешательства извне.

78. Согласно ответу Правительства Грузии на доклад Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения и наказания о его посещении Грузии в 2014 году (СРТ/Inf(2015)43) видеозаписи с камер наблюдения хранились в течение 24 часов

¹ Народный защитник Грузии – институт, аналогичный уполномоченному по правам человека, омбудсмену (примеч. редактора).

в каждой тюрьме, оснащенной системой видеонаблюдения, ограниченная продолжительность хранения объясняется отсутствием надлежащего технического оборудования. Отснятый материал дольше хранился в нескольких тюрьмах, где оборудование для наблюдения и серверы были обновлены незадолго до этого (там же, с. 17–18).

(b) Иные меры, предпринятые в ходе проверки

79. 24 декабря 2013 г. начальник Генеральной инспекции попросил восемь частных компаний, которым принадлежат объекты, оборудованные камерами наблюдения, такие как автозаправочные станции, расположенные вдоль дороги, по которой предположительно ехал автомобиль, перевозивший заявителя из тюрьмы № 9 в Департамент исполнения наказаний, предоставить видеозаписи за период времени между 12 ночи 13 декабря 2013 г. и 12 часов дня 14 декабря 2013 г. Все, кроме одной из этих компаний, которая ответила, что видеозаписи уже были удалены, выполнили просьбу, и видеозаписи были одновременно просмотрены двумя инспекторами между 25 и 31 декабря 2013 г. В их отчетах кратко, без указания более подробной информации, говорилось, что они не увидели в записях ничего интересного.

80. 3 января 2014 г. один из инспекторов опросил заявителя, начальника и заместителя начальника тюрьмы № 9.

81. Заявитель пояснил, что его вывел из камеры начальник тюрьмы, который сказал ему, что с ним хочет поговорить прокурор. Оказавшись во дворе тюрьмы, двое других мужчин, лица которых он хорошо запомнил, посадили его в автомобиль темного цвета, вероятно, Toyota Land Cruiser Prado или Toyota Land Cruiser 200. Автомобилем управлял третий человек, черты лица которого заявитель не мог разобрать, потому что, как только он оказался в автомобиле, ему закрыли лицо курткой. Автомобиль ехал около 10 минут по главным дорогам. Основываясь на направлении движения, заявитель предположил, что его везут в Департамент исполнения наказаний. Во время поездки один из мужчин в машине позвонил по мобильному телефону и сообщил кому-то, что они прибудут примерно через пять минут. Вскоре после этого тому же человеку позвонили и сказали, что они прибудут через минуту. Заявитель отметил, что он не хочет подробно описывать офис, в который он был доставлен, но может его узнать. Он передал подробно свой разговор с главой Департамента исполнения наказаний Д.Д., отметив, что тот был сильно пьян. Он не описал подробно свой последующий разговор с генеральным прокурором О.П., заявив, что он уже говорил об этом на слушании 17 декабря 2013 г.

82. Начальник тюрьмы и заместитель начальника тюрьмы утверждали, что они находились в

тюрьме № 9 ранним утром дня предполагаемого события, 14 декабря 2013 г., но не видели заявителя и не разговаривали с ним. Когда его спросили о камерах наблюдения, начальник тюрьмы сказал, что, если с ними были бы какие-то проблемы, то ему бы сказали об этом сотрудники тюрьмы, работающие в технической службе, чего не произошло. Он также уточнил, что его служебный автомобиль был Toyota Land Cruiser Prado черного цвета, и он сообщил регистрационный номер автомобиля.

83. 3 января 2014 г. один из инспекторов ознакомился с журналами движения транспортных средств при въезде в тюрьму № 9 и выезде из нее. Журналы не содержали каких-либо записей, указывающих на то, что заявитель был вывезен из тюрьмы ночью, о которой шла речь в разбирательстве.

84. В тот же день начальник Генеральной инспекции попросил Министерство внутренних дел предоставить видеозаписи с видеокamer вдоль дороги, по которой предположительно ехал автомобиль, перевозивший заявителя из тюрьмы № 9 в Департамент исполнения наказаний в течение периода с 12 часов пополудни 13 декабря 2013 г. и до 12 часов пополудни 14 декабря 2013 г. Видеозаписи с девяти дорожных камер за время между 12 часами ночи 13 декабря 2013 г. и 6 часами утра 14 декабря 2013 г. были представлены 13 января 2014 г. и были изучены тремя инспекторами в тот же день. В записях инспекторов кратко, без указания более подробной информации, отмечалось, что они не увидели чего-либо представляющего интерес.

85. На следующий день, 4 января 2014 г., инспекторы опросили двух сотрудников тюрьмы, контролирующих передвижение заключенных в тюрьме № 9, сотрудника тюрьмы, которому поручено конвоирование заключенных в крыле тюрьмы, где содержался заявитель, в камеры и из камер, все трое находились на дежурстве 13 декабря 2013 г., с 10.00, до 14 декабря 2013 г., 10.00. Все три офицера опровергли утверждения заявителя, назвав их ложными, и сообщили, что, если он был бы выведен из своей камеры, они знали бы об этом и сделали бы о том запись в соответствующем журнале.

86. 6 января 2014 г. один из инспекторов опросил двух сотрудников тюрьмы, ответственных за контролирование камер наблюдения в тюрьме № 9 с экранов в технической службе тюрьмы и которые находились на дежурстве 13 декабря 2013 г., с 19.00, до 14 декабря 2013 г., 10.00. Они оба сказали, что в ту ночь не произошло ничего необычного и что камеры работали должным образом. Оба сотрудника узнали об утверждениях заявителя из средств массовой информации и назвали их ложью. Они также сообщили, что в камере заявителя была установлена видеочамера наблюдения, которая позволяла им следить за всеми его передвижениями в камеру и из нее.

87. 9 января 2014 г. один из инспекторов ознакомился с журналами передвижения людей в тюрьму № 9 и из нее. Журналы не содержали каких-либо записей, указывавших на то, что ночью заявитель был вывезен из тюрьмы, но было видно, что через два дня, 16 декабря 2013 г., к нему приходили три его адвоката.

88. Ни О.П., ни Д.Д. опрошены не были, и в ходе проверки им не предлагали дать объяснения по поводу рассматриваемого события.

89. 14 января 2014 г. один из инспекторов составил рапорт, в котором указал, что проверка не подтвердила утверждений заявителя. В письме от 14 апреля 2014 г. Генеральная прокуратура Грузии сообщила адвокату заявителя, по-видимому, в ответ на его запрос о предоставлении информации от 6 марта 2014 г., что проверка была завершена.

4. События после окончания проверки

90. На следующий день после окончания проверки, 15 января 2014 г., Народный защитник Грузии вновь призвал к полномасштабному расследованию утверждений заявителя (см. § 71 настоящего Постановления).

91. 17 января 2014 г. несколько неправительственных организаций также настоятельно призвали власти провести всестороннее расследование утверждений заявителя, выразив обеспокоенность, в частности, в связи с сохраняющейся неопределенностью в отношении записей с камер наблюдения тюрьмы.

92. В телевизионном интервью 11 февраля 2014 г. премьер-министр Гарибашвили сказал, что утверждения заявителя были «абсурдными и смехотворными» и что ему очень понравился «риторический вопрос», заданный бывшим премьер-министром Иванишвили в отношении этого сообщения несколькими днями ранее, 8 февраля 2014 г.: «Итак, что произошло после того, как [О.П.] похитил [заявителя]? Что он тогда сделал с [ним], изнасиловал его или что?».

93. 10 мая 2014 г. депутат парламента от партии «Единое национальное движение» представил документы, свидетельствующие о том, что в декабре 2013 года 40 должностных лиц из Министерства по исполнению наказаний, пробации и юридической помощи Грузии, среди которых были руководитель Департамента исполнения наказаний Д.Д., его заместители, начальники нескольких тюрем и Г.Г., руководитель сил специального назначения Министерства по исполнению наказаний, пробации и юридической помощи Грузии, получили большие премии: 17 756 грузинских лари (на тот момент эквивалент 7 430 евро) получил Д.Д., 38 128 грузинских лари (15 954 евро) и 30 463 грузинских лари (евро 12 747) – его заместители, начальники тюрем получили от 18 259 грузинских лари (7 640 евро – начальник тюрьмы № 8 до

29 609 грузинских лари (12 390 евро) и начальник тюрьмы № 9), а также 18 692 грузинских лари (7 821 евро) получил Г.Г. Депутат парламента предположил, что премии были выплачены в качестве компенсации этим чиновникам за то, что они сохраняли в тайне встречу между заявителем и генеральным прокурором. В ответ на эти обвинения Д.Д. пояснил, что размер премиальных был таким высоким, поскольку все получившие их лица работали в исключительно сложных условиях 24 часа в сутки. В свою очередь министр по исполнению наказаний, пробации и юридической помощи отметил, что размер премиальных был лично утвержден Д.Д.

94. На слушании дела в Большой Палате Европейского Суда власти Грузии отрицали наличие какой-либо связи между этими премиями и утверждениями заявителя, подчеркивая, что премии получили должностные лица и других тюрем. Власти Грузии также отметили, что обычно такие премии выплачиваются в конце года государственным служащим, особенно сотрудникам правоохранительных органов.

95. В интервью журналисту газеты 19 мая 2014 г. Л.М., советник Д.Д., сказала: «Даже ребенок знает, что [заявитель] был доставлен из тюремной камеры с помощью Д.Д.». Позднее в тот же день в телевизионном интервью она сообщила, что разговаривала с должностными лицами Департамента исполнения наказаний, которые подтвердили, что Д.Д. поручил им спрятать запись с камеры наблюдения, произведенную с раннего утра 14 декабря 2013 г. На следующий день, 20 мая 2014 г., Д.Д. уволил Л.М. с занимаемой ею должности. Через три дня, 23 мая 2014 г., он сам подал в отставку, по-видимому, в связи с дебатами, разгоревшимися после информации о премиях, выплаченных в декабре 2013 года (см. § 93 настоящего Постановления).

96. 17 июня 2016 г., в ходе слушания апелляционного суда по не связанному с этим уголовному делу, касающемуся операции 2006 года, в ходе которой сотрудники сил специального назначения Министерства внутренних дел убили двух человек, один из обвиняемых, Г.Ц., сообщил, что у него есть информация о встрече заявителя с генеральным прокурором. В связи с этим делом, которое стало известно как дело «Кортеби», были задержаны и обвинены несколько человек: (а) шесть офицеров, проводивших операцию, одним из которых был И.М.; (б) заместитель начальника сил специального назначения Г.Г. (который несколько лет спустя, в декабре 2013 года, был назначен Д.Д. руководителем сил специального назначения Министерства по исполнению наказаний, пробации и юридической помощи Грузии, см. § 93 настоящего Постановления); (с) И.П., бывший заместитель начальника Центрального департамента криминальной полиции Министерства внутренних

дел Грузии; (d) вышеупомянутый Г.Ц., бывший заместитель начальника следственного отдела этого департамента.

5. Расследование, проведенное Генеральной прокуратурой Грузии (июнь 2016 года – февраль 2017 года)

97. После вынесения Постановления Палаты Европейского Суда 14 июня 2016 г. (см. § 3 настоящего Постановления) спикер и несколько депутатов Парламента Грузии призвали провести новое расследование утверждений заявителя. Министр юстиции Грузии выразила надежду, что органы прокуратуры проведут расследование в связи с выводами Палаты Европейского Суда, сделанными в соответствии со статьей 18 Конвенции. Она вновь сказала, что власти Грузии будут добиваться передачи дела на рассмотрение в Большую Палату Европейского Суда.

98. 21 июня 2016 г. Генеральная прокуратура Грузии начала уголовное расследование и поручила его производство двум следователям из своего следственного департамента.

99. Заявитель был допрошен 24 июня 2016 г. Он повторил свои утверждения от 17 декабря 2013 г. и 3 января 2014 г. относительно его разговора с Д.Д. и О.П. и автомобиля, в котором его отвезли на встречу с ними (см. §§ 60 и 81 настоящего Постановления). Что касается его вывоза из тюрьмы № 9, то он рассказал, что, когда начальник тюрьмы вошел в камеру, чтобы вывести его, то начальника тюрьмы сопровождал его заместитель. Заявитель также сообщил, что, хотя он не может описать двух мужчин, которые затем посадили его в машину, он может узнать их, в частности одного из них, у которого было запоминающееся лицо. Заявитель также назвал дороги, по которым предположительно проезжал автомобиль.

100. 29 июня 2016 г. один из следователей допросил начальника тюрьмы № 9. Начальник тюрьмы утверждал, что заявителя не вывозили из камеры ни он, ни кто-либо еще. Он также сообщил, в частности, что лица, содержащиеся под стражей до суда, имеют право на телефонный звонок в аппарат Народного защитника Грузии в любое время в течение недели, и что между 13 и 17 декабря 2013 г. заявитель не просил сделать такой звонок. Далее начальник тюрьмы пояснил, что камера видеонаблюдения была установлена в камере заявителя с его согласия для его собственной безопасности, но кадры с этой камеры, как и кадры со всех других камер видеонаблюдения в тюрьме, хранятся в течение 24 часов.

101. На следующий день, 30 июня 2016 г., другой следователь допросил заместителя начальника тюрьмы № 9. Его показания были почти идентичны показаниям начальника тюрьмы. Он сказал, что узнал об утверждениях заявителя из средств

массовой информации и что они являются ложными. Он также подтвердил, что лица, содержащиеся под стражей до суда, имеют право звонить в аппарат Народного защитника Грузии в любое время в течение недели.

102. 1 июля 2016 г. следователи допросили двух сотрудников тюрьмы, ответственных за контролирование работы камер видеонаблюдения в тюрьме № 9. Они подтвердили показания, данные ими в ходе внутриведомственной проверки (см. § 86 настоящего Постановления). Оба пояснили, что записи с камер наблюдения хранились в течение 24 часов, а затем автоматически удалялись. Только в том случае, если в течение этого времени было отмечено что-то необычное, соответствующие кадры специально извлекаются и хранятся в течение месяца. Поскольку ничего подобного не произошло в ранние часы 14 декабря 2013 г., кадры за этот период не были извлечены.

103. 4 и 5 июля 2016 г. следователи допросили двух сотрудников тюрьмы, ответственных за контролирование передвижений заключенных в тюрьме № 9. Они тоже подтвердили показания, данные ими в ходе внутриведомственной проверки (см. § 85 настоящего Постановления).

104. 5 июля 2016 г. один из следователей допросил сотрудника тюрьмы, которому было поручено конвоирование заключенных в крыле тюрьмы, где содержался заявитель, в камеры и из камер. Он утверждал, что никто не входил в камеру заявителя рано утром 14 декабря 2013 г.

105. 12 июля 2016 г. один из следователей допросил одного из инспекторов Генеральной инспекции Министерства по исполнению наказаний, пробации и юридической помощи Грузии, которые проводили внутриведомственную проверку. Этот инспектор рассказал о мерах, принятых им в ходе проверки. В ответ на вопрос о видеозаписи с камеры видеонаблюдения тюрьмы № 9 он рассказал, что при проверке было выяснено, что эта видеозапись хранится в течение 24 часов. Далее он сообщил, что изучение видеозаписей с частных камер и камер дорожного движения не выявило какой-либо значимой соответствующей информации. В частности, невозможно было определить регистрационные номера транспортных средств, снятых на камеру. Ни одного автомобиля, соответствующего описанию заявителя, замечено не было.

106. 26 июля 2016 г. один из следователей допросил заместителя Д.Д., который рассказал, что кадры с камер видеонаблюдения хранятся в течение 24 часов, и опроверг утверждения заявителя. Заместитель Д.Д. пояснил, что он работал в здании Департамента исполнения наказаний рано утром 14 декабря 2013 г. в своем кабинете, который как раз находился напротив кабинета Д.Д., и что он не видел там заявителя или О.П.

107. С 7 по 22 июля 2016 г. следователи просмотрели кадры, полученные в ходе внутриведом-

ственной проверки (см. §§ 79 и 84 настоящего Постановления). В их отчетах без указания дополнительных подробностей говорилось, что они не увидели в этих кадрах ничего, что представляло бы интерес для данного дела.

108. 2 августа 2016 г. следователи допросили Г.Ц. (см. § 96 настоящего Постановления) в присутствии судьи. Он сообщил, в частности, что 4 февраля 2015 г., находясь в суде для участия в предварительном слушании по делу «Кортеби», он слышал, как один из его обвиняемых, Г.Г., бывший заместитель руководителя сил специального назначения Министерства внутренних дел и бывший руководитель сил специального назначения Министерства по исполнению наказаний, probation и юридической помощи Грузии (см. §§ 93 и 96 настоящего Постановления), сказал, что он был одним из тех людей, которые перевозили заявителя 14 декабря 2013 г., и что по этой причине интересам властей не отвечало держать его под стражей в течение длительного периода. По словам Г.Ц., этот разговор был записан на видеокамеру в зале суда и подслушан другим обвиняемым, И.П. (см. §§ 96 и 109 настоящего Постановления). Г.Ц. также указал, что примерно через месяц, в марте 2015 года, Г.Г. и другие сотрудники сил специального назначения, обвиняемые по делу «Кортеби», в том числе И.М., были помещены в камеру в тюрьме № 9, прилегающую к его камере. Затем Г.Ц. услышал, как Г.Г. рассказывал своим сокамерникам, что он и И.М. перевозили заявителя 14 декабря 2013 г. и что было получено согласие властей освободить из-под стражи сотрудников сил специального назначения, если они будут готовы дать показания против И.П. и других лиц, связанных с партией «Единое национальное движение» в деле «Кортеби» (из материалов дела следует, что эти сотрудники, которым было предъявлено обвинение в убийстве при отягчающих обстоятельствах в соответствии со статьей 109 Уголовного кодекса Грузии, были освобождены из-под стражи в августе 2015 года по личному поручительству). Г.Ц. смог слышать весь разговор через стену, когда они громко разговаривали. Г.Ц. также сказал, что во время содержания в тюрьме № 9 сотрудник тюрьмы сообщил ему о выводе заявителя из камеры. Когда его спросили, почему он не говорил об этом раньше, Г.Ц. объяснил это недоверием к органам прокуратуры. Он также утверждал, что у него нет причин для того, чтобы исказить истину в пользу заявителя, поскольку заявитель уволил его с занимаемой должности и организовал его заключение под стражу в связи с дракой.

109. 3 августа 2016 г. следователи допросили И.П., на тот момент содержащегося под стражей, в присутствии судьи. И.П. пояснил, что незадолго до своего задержания по делу «Кортеби» в феврале 2015 года (см. § 96 настоящего Постановления) он встречался с Г.Г., который сказал ему, хотя и в завуалированных выражениях, что он и И.М. перевозили

заявителя из тюрьмы № 9 в Департамент исполнения наказаний, и, если прокуратура не примет это во внимание, то он может начать говорить об этом публично. И.П. также подтвердил версию Г.Ц. о разговоре в зале суда 4 февраля 2015 г. (см. § 108 настоящего Постановления). Кроме того, он утверждал, что некий К.Т., с которым он находился вместе в камере в тюрьме № 9, сказал ему, что видел, как заявителя выводили из его камеры 14 декабря 2013 г. (см. § 112 настоящего Постановления). Однако К.Т. начал говорить об этом только после вынесения Постановления Палаты Европейского Суда 14 июня 2016 г. (см. § 3 настоящего Постановления).

110. 9 августа 2016 г. один из следователей допросил Г.Г., а другой следователь – И.М. При этом Г.Г. опроверг утверждения Г.Ц. и И.П. о том, что именно он перевозил заявителя. Его не спросили о премиях, которые он получил в декабре 2013 года (см. § 93 настоящего Постановления). И.М. также отрицал, что он перевозил заявителя, и указал, что он начал работать в Департаменте исполнения наказаний 16 декабря 2013 г., то есть через два дня после предполагаемого инцидента.

111. 9–11 августа 2016 г. следователи допросили еще пятерых сотрудников сил специального назначения, содержащихся под стражей по делу «Кортеби» наряду с Г.Г., И.М., Г.Ц. и И.П. (см. § 96 настоящего Постановления). Все они настаивали на том, что узнали об утверждениях заявителя из средств массовой информации и что во время их содержания в одной камере с Г.Г. он ничего не говорил им о предполагаемом выводе заявителя из своей камеры.

112. 11 августа 2016 г. один из следователей в присутствии судьи допросил К.Т., который с 13 по 14 декабря 2013 г. содержался в камере в том же крыле тюрьмы, что и заявитель. К.Т., который ранее занимал различные руководящие должности в Министерстве внутренних дел Грузии и Министерстве обороны Грузии, сказал, что 14 декабря 2013 г. через щель между дверью камеры и дверной рамой он видел, как начальник тюрьмы выводил заявителя из его камеры. Он обсуждал это с И.П. (см. § 109 настоящего Постановления), с которым он позже содержался в одной камере, но уже после вынесения Постановления Палаты Европейского Суда от 14 июня 2016 г. (см. § 3 настоящего Постановления). Когда его спросили, почему он не рассказал обо всем раньше, К.Т. ответил, что, наблюдая за реакцией на утверждения заявителя, он понял, что его выступление по этому вопросу может иметь для него последствия, особенно в связи с тем, что он содержится в той же тюрьме, в которой работают некоторые из предполагаемых правонарушителей.

113. На следующий день, 12 августа 2016 г., следователи пошли в тюрьму № 9 и осмотрели камеру К.Т. Согласно их рапорту было невозможно наблюдать за коридором изнутри камеры с закрытой две-

рью. Дверь была полностью цела, и между дверью и рамой не было зазора. Осмотр был записан на видео одним из следователей.

114. Спустя четыре дня, 16 августа 2016 г., прокурор, надзирающий за следствием, решил провести эксперимент в камере с участием К.Т. с целью проверить, мог ли К.Т. наблюдать за коридором изнутри камеры. К.Т. отказался принять участие в эксперименте, заявив, что сначала хотел бы проконсультироваться со своим адвокатом. Один из следователей позвонил адвокату, но тот отказался встретиться с К.Т. На следующий день, 17 августа 2016 г., К.Т. снова отказался от участия в эксперименте в отсутствие своего адвоката. 18 августа 2016 г. отчет об обследовании камеры был направлен в Национальное бюро судебно-медицинской экспертизы вместе с видеозаписью. Экспертам было предложено, в частности, изучить вопрос о том, существовал ли зазор между закрытой дверью камеры и дверной рамой, и если да, то указать ее размер и точное местоположение. В заключении, представленном 24 августа 2016 г., эксперты указали, что такого зазора не было, поскольку дверь выступала на 30 миллиметров от своей рамы. Далее они отметили, что ввиду ширины двери и системы запирания ее было невозможно деформировать без специальных инструментов.

115. Тем временем, 12 и 17 августа 2016 г., следователи допросили троих заключенных, которые в соответствующее время содержались в той же камере, что и К.Т. Все трое сообщили, что узнали об утверждениях заявителя только из средств массовой информации и что К.Т. не говорил с ними об этом. Следователи также получили подтверждение от Министерства по исполнению наказаний, пробакии и юридической помощи Грузии, что никаких работ не производилось в камере, где содержался К.Т. с 14 декабря 2013 г. и до времени, когда они ее исследовали.

116. 4, 5, 10 и 11 августа и 2 и 3 сентября 2016 г. следователи также допросили девять сотрудников, работавших в тюрьме № 9. Все, кроме одного из них, дежурили рано утром 14 декабря 2013 г. Все они сказали, что узнали об утверждениях заявителя только из средств массовой информации. Никто из них не видел начальника тюрьмы или заместителя начальника тюрьмы в ту ночь в крыле, где находится камера заявителя.

117. 13 августа 2016 г. один из следователей допросил Л.М. (см. § 95 настоящего Постановления). Она сообщила, что отношения между нею и ее бывшим начальником Д.Д. стали напряженными после выплаченных в декабре 2013 года премий (см. § 93 настоящего Постановления). Далее она сказала, что узнала об утверждениях заявителя только из средств массовой информации и что ее заявления в мае 2014 года были искажены и вырваны из контекста журналистами, которые брали у нее интервью. Она ничего не знала об инциденте.

118. 1 сентября 2016 г. один из следователей допросил на то время бывшего главу Департамента исполнения наказаний Д.Д. Он отрицал утверждения заявителя и указал, что 13 декабря 2013 г. он находился в г. Батуми и, вернувшись в г. Тбилиси поздно вечером, оставался в своем кабинете до поздней ночи. По его словам, заявитель озвучил свои утверждения через три дня после инцидента, поскольку знал, что запись с камеры наблюдения хранилась только в течение 24 часов. Он также сообщил, что его служебным автомобилем в соответствующее время был Toyota Land Cruiser 200. Его не спрашивали о премиях, выплаченных в декабре 2013 года (см. § 93 настоящего Постановления).

119. 2 сентября 2016 г. тот же следователь допросил О.П., занимавшего во время рассматриваемого события должность генерального прокурора Грузии. Он назвал сообщения заявителя ложными и политически мотивированными. Он вообще не встречался с заявителем лично в здании Департамента исполнения наказаний. Рано утром 14 декабря 2013 г. он находился в своем кабинете. В соответствующее время не было необходимости задавать вопросы заявителю, и если бы возникла такая необходимость, его можно было бы допросить по официальным каналам, а не таким образом, как это описал заявитель. О.П. также сообщил, что его служебным автомобилем в соответствующее время был Lexus LX 570.

120. 24 октября 2016 г. следователи допросили двух из трех инспекторов Генеральной инспекции Министерства по исполнению наказаний, пробакии и юридической помощи Грузии, которые изучали материалы видеонаблюдения в декабре 2013 года и январе 2014 года (см. §§ 79 и 84 настоящего Постановления). Они утверждали, среди прочего, что не смогли определить регистрационные номера транспортных средств и не видели транспортного средства, соответствующего описанию, приведенному заявителем.

121. 8 ноября 2016 г. адвокат заявителя запросил у Министерства по исполнению наказаний, пробакии и юридической помощи Грузии и Генеральной прокуратуры Грузии копию видеоматериала, полученного в ходе внутриведомственной проверки. Он не получил ответа на данный запрос.

122. С 21 и по 23 января 2017 г. следователи просили четырех экспертов из Национального бюро судебно-медицинской экспертизы проверить, не был ли сфальсифицирован видеоматериал. В своем заключении эксперты пришли к выводу, что не было выявлено каких-либо следов редактирования материала. Они подтвердили это выводы во время допросов 10 и 11 февраля 2017 г.

123. Следователями также были получены экспертные заключения и показания сотрудников тюрьмы, подтверждающие, что записи в регистрационных журналах тюрьмы от 13 и 14 декабря 2013 г. не были подделаны.

124. Следователями также была получена информация из системы документооборота прокуратуры, согласно которой 14 декабря 2013 г., примерно с 01.00 до 01.25, генеральный прокурор О.П. был зарегистрирован в системе и работал над официальной перепиской. На слушаниях в Большой Палате Европейского Суда представители заявителя оспорили подлинность данной информации. Они также считали, что, даже если бы это соответствовало действительности, то это только доказывало, что О.П. находился в своем кабинете 14 декабря 2013 г. до 01.25, в то время как предполагаемая встреча с заявителем состоялась примерно через 20 или 30 минут. Поскольку здание Генеральной прокуратуры Грузии находилось всего в нескольких сотнях метров от здания Департамента исполнения наказаний, эти данные не опровергают утверждения заявителя.

125. 11 февраля 2017 г. прокурор из Генеральной прокуратуры Грузии прекратил расследование по делу. В своем решении он подробно изложил свидетельские показания и иные доказательства, полученные в ходе следствия, и заключил, что 14 декабря 2013 г. заявителя не выводили из его камеры.

Ф. УГОЛОВНЫЕ ДЕЛА В ОТНОШЕНИИ ДРУГИХ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ПАРТИИ «ЕДИНОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ»

126. После парламентских выборов в октябре 2012 года ряд бывших высокопоставленных государственных чиновников от партии «Единое национальное движение», включая Саакашвили, Президента Грузии, занимавшего этот пост до октября 2013 года, и несколько министров правительства были привлечены к уголовной ответственности, в том числе в рамках отдельных дел, в связи с преступлениями, предположительно совершенными ими во время нахождения на государственной службе.

1. Заявления министров правительства, являвшихся членами политического объединения «Грузинская мечта», в отношении вышеуказанных дел

127. На пресс-конференции 22 ноября 2012 г. лидер политического объединения «Грузинская мечта» и ставший с 25 октября 2012 г. премьер-министром Грузии Иванишвили в ответ на вопрос о том, приведут ли недавние задержания нескольких бывших высокопоставленных должностных лиц к уголовному преследованию других лиц, в том числе президента Саакашвили, заявил, что он не хочет, чтобы было произведено неопределенное количество задержаний, включая арест Саакашвили. Иванишвили добавил, что он не вмешивается в работу органов прокуратуры, и именно

они должны решать, кому должно быть предъявлено обвинение. Далее он сказал, что действия партии «Единое национальное движение» «увеличили очереди в прокуратуре».

128. Согласно письменным показаниям Г.Б., бывшего члена руководства партии «Единое национальное движение», представленным заявителем, вскоре после парламентских выборов 2012 года, 12 октября 2012 г., он встретился с Иванишвили наедине, чтобы обсудить переходный период власти. Иванишвили, по-видимому, сказал ему, что ключевые члены руководства партии «Единое национальное движение» столкнутся с уголовным преследованием, если они не воздержатся от вызовов новому правительству: «чем больше проблем вы создадите, тем больше людей из вашей команды отправится в тюрьму».

2. Заявления иностранных правительств, международных организаций, неправительственных организаций по поводу вышеуказанных дел

129. В ноябре 2012 года эти уголовные преследования вызвали озабоченность Генерального секретаря НАТО, Председателя Европейской комиссии, Верховного комиссара Европейского союза по внешней политике и политике безопасности и Государственного секретаря Соединенных Штатов Америки (далее – США). В декабре 2012 года группа сенаторов США написала открытое письмо премьер-министру Грузии с целью выразить свою озабоченность тем, что уголовные дела могут быть политически мотивированными. В феврале 2013 года группа конгрессменов США сделала то же самое в письме Государственному секретарю США. Аналогичным образом поступили 23 члена Европейского парламента в обращении в марте 2013 года к премьер-министру Грузии, равно как и министры иностранных дел Польши и Швеции.

130. В мае 2013 года Специальный представитель по Южному Кавказу Парламентской Ассамблеи Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе выразил обеспокоенность по поводу задержаний заявителя и З.Ч. Свою обеспокоенность этим выразили и несколько сенаторов США, лидеры «Европейской народной партии» и Президент Эстонии.

131. В докладе «Грузия в переходный период» («*Georgia in Transition*»), опубликованном в сентябре 2013 года, Специальный советник Европейского союза по конституционной и судебно-правовой реформе и правам человека в Грузии Томас Хаммарберг (*Thomas Hammarberg*), бывший Комиссар Совета Европы по правам человека, указал следующее (с. 8–9, сноски опущены):

«Прокуратурой было начато расследование в отношении ряда должностных лиц предыдущей администрации. Прокуроры допросили 6 156 чело-

век, большинство из которых были активными членами партии, в качестве свидетелей в рамках расследований различных предполагаемых преступлений, включая неправомерное использование государственных средств и отмывание денег. Оппозиционная партия считает эти допросы политически мотивированным наступлением на оппозицию. В настоящее время 35 бывшим руководящим должностным лицам предъявлены обвинения, 14 из них содержатся в предварительном заключении, 14 были освобождены из-под стражи под залог, один освобожден без ограничительных мер, один был помилован президентом после осуждения и пять человек покинули страну. Другим бывшим гражданским служащим также были предъявлены обвинения или они были осуждены в уголовном порядке.

Один из тех, кому предъявили обвинение и кто содержался под стражей, это [заявитель], который является не только бывшим премьер-министром и бывшим министром внутренних дел, но и Генеральным секретарем партии “Единое национальное движение” на момент задержания. Партия “Единое национальное движение” последовательно и решительно оспаривает необходимость применения данной меры пресечения. Это дело вызвало глубокую озабоченность в связи с предстоящими президентскими выборами, поскольку один из главных организаторов оппозиции не смог внести свой вклад в кампанию...

Есть признаки того, что суды сейчас более независимы, чем ранее, в отношении просьб прокуроров. Например, по делу, возбужденному против другого бывшего министра, был вынесен оправдательный приговор, а по делу в отношении одного из ведущих политиков из партии “Единое национальное движение” в ходатайстве обвинения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу было отказано...».

132. В докладе о визите в Грузию в январе 2014 года (CommDH(2014)9) Комиссар Совета Европы по правам человека отметил в пунктах 33–36 отчета об избирательном правосудии в отношении этих уголовных дел и указал в пункте 41 следующее:

«Сохранение утверждений и другой информации, свидетельствующих о недостатках уголовного расследования и судебного процесса в делах, связанных с политическими оппонентами, вызывает озабоченность, поскольку это может поставить под сомнение результат рассмотрения соответствующих дел даже при наличии веских оснований для предъявления обвинений и вынесения окончательных приговоров. Власти Грузии должны решить эти вопросы системно в интересах соблюдения гарантий справедливого судебного разбирательства для всех лиц и укрепления доверия общества к учреждениям, ответственным за соблюдение закона».

133. В Резолюции 2015 года (2014), принятой 1 октября 2014 г., Парламентская Ассамблея Совета Европы (далее также – Ассамблея) указала следующее:

«...2. В других отношениях плавной передаче власти сопутствовал поляризованный и антагонистический политический климат, особенно в период совместной деятельности занимавшего тогда

должность Президента Михаила Саакашвили и коалиционного правительства политического объединения “Грузинская мечта”. Ассамблея сожалеет о том, что эта напряженность иногда омрачала многие позитивные изменения, происходившие в демократической среде Грузии. Партия “Единое национальное движение” сообщала, что несколько тысяч ее активистов и сторонников регулярно подвергались допросам и запугиванию со стороны различных следственных органов (некоторые до 30 раз). Ряд крупных оппозиционных деятелей, включая членов парламента, подвергся жестоким нападениям. Следует отметить, что в течение двух лет практически все руководители бывшей правящей партии были задержаны или являются фигурантами уголовного преследования или расследования: бывший премьер-министр и Генеральный секретарь партии “Единое национальное движение” [заявитель], бывший министр обороны [А.Б.], бывший мэр г. Тбилиси и руководитель предвыборной кампании партии “Единое национальное движение” [Г.У.] содержатся в заключении (СИЗО). Судебные власти выдвинули обвинения против бывшего Президента Михаила Саакашвили и вынесли постановление о его заочном заключении под стражу, а также и сделали то же самое в отношении бывшего министра обороны [Д.К.] и бывшего министра юстиции [З.А.]...

5. Ассамблея напоминает о своей обеспокоенности по поводу отправления правосудия и независимости судебных органов в Грузии. В этой связи Ассамблея приветствует принятие всеобъемлющего пакета реформ, который направлен на обеспечение подлинной независимости судебной власти и подлинного состязательного правосудия. Ассамблея приветствует первые признаки того, что судебная система в настоящее время работает более независимо. Однако Ассамблея также отмечает, что разбирательство общественно значимых судебных дел, в том числе в отношении бывших членов правительства (некоторые из них являются ведущими членами оппозиции), выявило сохраняющуюся уязвимость и недостатки в системе правосудия, которые необходимо устранить. (...) Следовательно, необходима дальнейшая реформа судебной системы, в том числе органов прокуратуры. В этой связи Ассамблея...

5.4) *приветствуя* недавнее сокращение масштабов его использования, выражает обеспокоенность по поводу продолжающегося широкого использования предварительного заключения в Грузии...

9. Ассамблея принимает к сведению многочисленные изменения в местных органах власти в Грузии, произошедшие в результате ухода в отставку или смены местных советников и городских должностных лиц после смены власти на национальном уровне... Ассамблея... серьезно обеспокоена заслуживающими доверия сообщениями о том, что ряд этих изменений стал результатом неправомерного давления на местных активистов партии “Единое национальное движение” со стороны сторонников правящей коалиции. Ассамблея также обеспокоена сообщениями о проявлениях насилия в кампании партии “Единое национальное движение”, предположительно со стороны сторонников политического объединения “Грузинская мечта”, а также сообщениями, что значительное количество оппозиционных

кандидатов на местных выборах, главным образом от партии “Единое национальное движение”, сняли свои кандидатуры, предположительно под давлением властей...».

134. В докладе Комитета о выполнении государствами – членами Совета Европы своих обязательств (документ Парламентской Ассамблеи Совета Европы от 5 сентября 2014 г. № 13588), который стал основой Резолюции, говорилось, среди прочего (сноски опущены):

«...60. Многие собеседники сообщали, что, по видимому, сейчас отмечается меньше политического вмешательства в работу судов и что судебная система становится всё более независимой, в том числе в отношении судебного преследования, которое вызывало озабоченность в предыдущих докладах. Как представляется, это подтверждается судебными разбирательствами в отношении бывших членов правительства, в которых регулярно отказывают в требованиях об обвинениях. Сократилось количество случаев избрания судами меры пресечения в виде досудебного содержания под стражей наряду с отклонением ходатайств прокуратуры в этом отношении. По данным властей, в первом полугодии 2013 года по сравнению с аналогичным периодом прошлого года прокуратура направила на 9% меньше ходатайств о назначении судами меры пресечения в виде досудебного содержания под стражей, и только 46% ходатайств о применении мер пресечения, таких как досудебное содержание под стражей или освобождение из-под стражи под залог, были удовлетворены судами. Однако несмотря на эту положительную тенденцию, применение досудебного содержания под стражей по-прежнему весьма широко распространено в Грузии...»

90. После парламентских выборов 2012 года более 20 000 жалоб было подано в Генеральную прокуратуру гражданами, утверждавшими, что они стали жертвами злоупотреблений, совершенных ранее действовавшими органами власти или при их деятельности. Более 4 000 жалоб касалось пыток и жестокого обращения в тюрьмах, в то время как более 1 200 жалоб касалось нарушений имущественных прав, около 1 000 жалоб было подано в общей сложности на 322 прокурора лицами, утверждавшими, что их заставили вступить в соглашения о признании вины.

91. Власти объявили, что “восстановление правосудия” будет одним из их ключевых приоритетов, и подчеркнули, что бывшие должностные лица не останутся безнаказанными за совершенные ими в прошлом злоупотребления. В последующие месяцы несколько ведущих членов бывшей правящей партии и должностных лиц министерств были задержаны по обвинению в преступлениях, совершенных в период их нахождения на своих постах. Партия “Единое национальное движение” расценила эти задержания как политическое преследование и реваншистское правосудие. Со своей стороны, власти Грузии подчеркнули, что никакого избирательного или политически мотивированного правосудия нет и не будет, а эти люди обвиняются в совершении тяжких общеуголовных преступлений, в отношении которых у властей есть достаточные доказательства для проведения

расследования или возбуждения уголовного преследования.

92. В подтверждение своей позиции власти Грузии указали на то, что и министр обороны, и министр юстиции спешно покинули страну на следующий день после выборов, также это сделали несколько высокопоставленных должностных лиц Министерства внутренних дел. В то время как бывший министр обороны добровольно вернулся в Грузию, остальные лица всё еще находятся в бегах и в розыске по линии Интерпола.

93. Существует некоторая путаница в отношении количества бывших должностных лиц, затронутых этими расследованиями. До настоящего времени 35 должностным лицам бывших органов власти были предъявлены обвинения в совершении уголовных правонарушений. Из них 14 содержатся под стражей, 13 освобождены из-под стражи под залог, один освобожден из-под стражи без ограничений мер, пятеро покинули страну, и трое осуждены в уголовном порядке, один из которых был помилован Президентом Саакашвили. Кроме того, были выдвинуты обвинения против значительного числа бывших гражданских служащих.

94. Вызывают озабоченность обвинения в политике новых властей избирательного и политически мотивированного правосудия и реваншизма. Кроме того, такая политика значительно усиливает эмоции и напряженность и без того в политически напряженной ситуации, что не благоприятствует политической обстановке и демократическому развитию страны.

95. Самые громкие дела в отношении бывших членов правительства из партии “Единое национальное движение” – это дела в отношении бывшего министра обороны [Б.А.], бывшего премьер-министра и бывшего министра внутренних дел, Генерального секретаря партии “Единое национальное движение”, [заявителя] и бывшего мэра г. Тбилиси [Г.У.], которые были влиятельными членами ближайшего окружения бывшего Президента Грузии Саакашвили...

102. Мы хотели бы подчеркнуть, что не может быть безнаказанности за общеуголовные преступления, в том числе, особенно за действия членов правительства и политиков как действующих, так и ранее занимавших государственные должности. Однако с учетом современного политического контекста важно, чтобы в уголовных делах, возбуждаемых против бывших правительственных чиновников, избегалось бы любое ощущение политически мотивированного или реваншистского правосудия. В связи с этим властям следует обеспечить прозрачность и полное соблюдение властями Грузии своих обязательств по статьям 5 и 6 Конвенции. Не должно осуществляться избирательное или политически мотивированное правосудие, и оно должно рассматриваться как недействительное...».

135. В Резолюции № 2077(2015), принятой 1 октября 2015 г., Парламентская Ассамблея Совета Европы указала следующее:

«...7. В ряде государств – участников Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод были отмечены следующие неправомерные основания для досудебного содержания под стражей:

7.1) оказание давления на задержанных с целью заставить их признаться в совершении преступления или иным образом сотрудничать с обвинением, в том числе путем дачи показаний против третьего лица (например... по определенным делам лидеров оппозиции в Грузии, таких как [заявитель]);

7.2) дискредитация или иным образом нейтрализация политических конкурентов (например, определенные дела лидеров партии “Единое национальное движение” в Грузии)...

11. Основные причины необоснованного применения досудебного содержания под стражей включают...

11.4) возможность “найти сговорчивый суд” со стороны обвинения, у которого может возникнуть соблазн разработать различные стратегии для обеспечения того, чтобы ходатайства о предварительном заключении в определенных случаях решались судьей, который по различным причинам, как ожидается, будет “сговорчивым” (например, в Грузии, Российской Федерации и Турции);

11.5) возможность для обвинения обойти предусмотренные законом сроки, установленные для досудебного содержания под стражей, изменив или развалив обвинительные заключения (например, по делам [Г.У.] и [Б.А.] до вынесения постановления Конституционного суда Грузии в сентябре 2015 года)....

136. В результате опасения по поводу уголовных дел в отношении бывших правительственных чинов из партии «Единое национальное движение» в феврале 2013 года Бюро по демократическим институтам и правам человека Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе назначило наблюдателей по 14 из этих дел, включая дело в отношении заявителя. В своем докладе, опубликованном в декабре 2014 года, Бюро отметило ряд недостатков в отношении данных 14 дел, включая дело заявителя. Конкретные моменты в докладе, подчеркнутые заявителем, относились к критике, изложенной в §§ 222–229 настоящего Постановления, неспособности судов Грузии привести адекватные причины в отношении надежности свидетелей и других доказательств против него, убедительности выводов этих судов относительно каждого из элементов состава преступлений, за которые он был осужден, например, каким образом он превысил свои полномочия, и качества их мотивировок в отношении факторов, определяющих его наказание.

137. В виде общих выводов в докладе также отмечалось, в пункте 6 рабочего резюме, что законодательство Грузии в целом соответствует международным стандартам и гарантирует право на независимый суд. Вместе с тем есть некоторые аспекты, вызывающие беспокойство в этой связи, например практика перевода судей между судами, распределение дел без применения полностью транспарентной процедуры и смена судей в ходе текущих разбирательств без каких-либо объясне-

ний. Другой вопрос – заявления государственных должностных лиц о текущих уголовных делах, сделанные таким образом, который подразумевал, что они располагают некоторым контролем над органами прокуратуры (см. пункт 7 рабочего резюме). Государственные должностные лица также высказали свое мнение о виновности некоторых обвиняемых до того, как они были осуждены, поэтому возникает вопрос о презумпции невиновности (см. пункт 9 рабочего резюме). В докладе также выражается беспокойство в связи с тем, что суды в некоторых случаях не мотивируют свои постановления о предварительном заключении под стражу или об отклонении просьб об освобождении из-под стражи, а также из-за отсутствия в Уголовно-процессуальном кодексе положений о периодической проверке законности и обоснованности содержания под стражей до суда. Это способствовало возникновению практики автоматического продления срока содержания под стражей до суда до максимального установленного законом срока в девять месяцев (см. пункт 11 рабочего резюме).

3. Отказы экстрадировать в Грузию бывших официальных лиц партии «Единое национальное движение»

138. Решением от 27 февраля 2014 г. (№ 58/ЕХТ/2014) Апелляционный суд г. Экс-ан-Прованса (*Aix-en-Provence*) отказал в экстрадиции в Грузию Д.К., занимавшего должность министра обороны Грузии с 2006 по 2008 год. Суд, в частности, постановил, что судебное преследование Д.К. было политически мотивированным. Апелляционный суд г. Экс-ан-Прованса обосновывал это заключение тем, что, хотя суд Грузии выдал ордера на задержание обоих лиц, Д.К. и его шурина, которого разыскивали по аналогичным обвинениям, и даже несмотря на то, что они были найдены вместе, когда Д.К. был задержан властями Франции, власти Грузии сначала добивались его экстрадиции, в частности, упоминая о его политических обязанностях в объявлении в розыск со стороны Интерпола. Единственное различие между ними состояло в том, что шурина Д.К. не участвовал в политической деятельности.

139. Решением от 9 апреля 2015 г. (№ 447/2015) Ареопаг Греции¹ отказал в экстрадиции в Грузию Д.А., бывшего начальника Департамента конституционной безопасности Министерства внутренних дел Грузии. Ареопаг решил, что имеются веские основания полагать, что существует опасность того, что в случае экстрадиции его положение ухудшится из-за его политических убеждений и того,

¹ Так в Греции именуется высшая судебная инстанция в системе судов общей юрисдикции страны. Ареопаг выступает главным образом в качестве кассационной инстанции, рассматривая жалобы по вопросам права, а не факта, на постановления нижестоящих судов (*примеч. редактора*).

что он занимал высокие должности в предыдущем правительстве, которое выступало против правительства, действующего в настоящее время.

140. Решением от 21 марта 2016 г. (в соответствующий сборник судебных решений не включено) Вестминстерский магистратский суд также отказал в экстрадиции Д.К. в Грузию (см. § 138 настоящего Постановления). Подробно рассмотрев отчеты и другие свидетельства о политико-правовой ситуации в стране с 2012 года и уголовное производство против Д.К., главный магистрат сделал следующие выводы:

«Исходя из вышеприведенных фактов... я не уверен, что запрос об экстрадиции [Д.К.] преследует цель привлечения его к уголовной ответственности или наказания за его политические убеждения. Я знаю, что этот запрос, возможно, был сделан в надлежащих целях. Могут существовать доказательства, чтобы поддержать один или несколько обвинительных приговоров. Однако это не является должным критерием. В целом я считаю наиболее вероятным, что целью, стоящей за этим запросом, является желание преследовать бывших политических деятелей партии “Единое национальное движение”. Возможно, это не единственная цель, но без учета этого фактора я не считаю, что данный запрос был бы сделан и реализован таким образом, как это произошло.

Что касается будущего рассмотрения, то я с большим уважением отношусь к судебной власти Грузии. Я считаю, что судебная власть, скорее всего, будет успешно противостоять давлению на нее со стороны администрации через прокуроров. Однако учитывая, что произошло с другими лицами, я убежден, что существует разумная вероятность, серьезная возможность того, что свободы этого обвиняемого будут ограничены (в частности, что он может быть заключен под стражу) ввиду несостоятельного характера процесса уголовного преследования, мотивированного стремлением добиться осуждения политических деятелей партии “Единое национальное движение” или желанием получить доказательства от [Д.К.], которые могут быть использованы против старших бывших коллег...».

141. Суд описал доказательства, которые позволили ему сделать вывод о том, что существует вероятность того, что Д.К. может быть заключен под стражу, чтобы заставить его давать показания против своих бывших соратников по партии «Единое национальное движение» в следующих выражениях:

«Я заслушал показания, в отношении которых не могу быть уверен, но думаю, что они, вероятно, достоверные, о том, что прокуратура оказывает давление на свидетелей, чтобы они вышли из партии “Единое национальное движение” и (или) дали ложные показания... [Г.У.] дал показания, что бывший премьер-министр Гарибашвили, который передал мнение бывшего премьер-министра Иванишвили, сказал ему, что, если он поможет найти банковские счета Саакашвили, “это поможет облегчить ситуацию [Д.К.], а также, что все обвинения против него будут сняты”. Тот же свидетель предположил, что в случае их возвра-

щения будут использованы незаконные методы для принуждения [Д.К.] давать показания против Саакашвили».

4. Уничтожение Интерполом информации о Саакашвили и Д.К.

142. В июле 2015 года Интерпол решил удалить из своих досье всю информацию, касающуюся Саакашвили и Д.К. Интерпол сделал это на основе двух рекомендаций Комиссии по контролю за досье Интерпола, в соответствии с которыми политические элементы, связанные с делами Саакашвили и Д.К., превалировали над общеуголовными элементами. Придя к такому выводу, комиссия заявила, что в случае возникновения сомнений она должна принять решение в интересах стороны, ходатайствующей об исключении информации.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ГРУЗИИ

143. С 2010 года уголовное судопроизводство осуществляется в соответствии с новым Уголовно-процессуальным кодексом Грузии (далее – УПК Грузии), который заменил предыдущий кодекс, действовавший с 1998 года.

А. НОРМЫ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИЕ ПРОИЗВОДСТВО ЗАДЕРЖАНИЯ

144. Согласно части первой статьи 171 УПК Грузии задержание должно быть основано на судебном ордере. В подпунктах «а»–«f» части второй статьи 171 УПК Грузии перечисляются ситуации, когда задержание в порядке исключения может производиться без ордера. Единственным значимым в этом случае является подпункт «е», согласно которому не требуется получать ордер, если существует риск того, что лицо скроется от правосудия. Часть третья статьи 171 УПК Грузии устанавливает дополнительные требования в отношении задержания без ордера: задержание лица без определения суда разрешается только в случае обоснованного предположения, что лицом совершено преступление и невозможно предотвратить опасность того, что оно скроется, его неявки в суд, уничтожения имеющей значение для дела информации или совершения нового преступления с помощью иной, альтернативной меры, пропорциональной обстоятельствам предположительно совершенного преступления и личным данным обвиняемого.

145. Согласно части первой статьи 176 УПК Грузии немедленно после задержания должен быть составлен соответствующий протокол. Если составить протокол немедленно при задержании по объективным причинам не представляется возможным, он должен быть составлен при доставлении

задержанного в учреждение полиции или иной правоохранительный орган.

В. НОРМЫ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ ДО СУДА

1. Основания для заключения под стражу до суда

146. В силу части второй статьи 198 УПК Грузии мера пресечения, которой в соответствии с частью первой статьи 199 УПК Грузии могут быть залог, соглашение о невыезде и надлежащем поведении, личное поручительство и заключение под стражу, может быть применена, если имеется обоснованное предположение о том, что обвиняемый скроется от суда или не явится в суд, уничтожит доказательства или совершит новое преступление. Часть первая статьи 198 УПК Грузии предусматривает, что обвиняемому не может быть назначено заключение под стражу или иная мера пресечения, если другая, менее строгая мера пресечения не обеспечивает предотвращения уклонения обвиняемого от явки в суд, пресечения его дальнейшей преступной деятельности.

147. Согласно части первой статьи 205 УПК Грузии заключение под стражу как мера пресечения применяется только тогда, когда это является единственным средством для предотвращения возможности обвиняемого скрыться и воспрепятствовать осуществлению правосудия, предотвращения возможности обвиняемого воспрепятствовать сбору доказательств, предотвращения совершения обвиняемым нового преступления.

2. Максимальная продолжительность содержания под стражей до суда

148. Часть вторая статьи 205 УПК Грузии предусматривает, как и пункт 6 статьи 18 Конституции Грузии, что продолжительность содержания под стражей не должна превышать девять месяцев. Часть вторая статьи 205 УПК Грузии далее конкретизирует, что срок содержания обвиняемого под стражей исчисляется с момента его задержания, а если оно не производилось, с момента исполнения судебного определения об избрании данной меры пресечения до вынесения приговора судом первой инстанции, рассматривающим дело по существу. Эта норма также предусматривает, что, если данный срок истекает до вынесения приговора судом первой инстанции, то обвиняемый подлежит освобождению из-под стражи.

149. Часть третья статьи 205 УПК Грузии устанавливает, что срок содержания обвиняемого под стражей до досудебного заседания не должен превышать 60 дней с момента его задержания. По истечении этого срока обвиняемый подлежит освобождению из-под стражи, если только суд не отло-

жил досудебное заседание по просьбе одной из сторон, как это допускается в соответствии с частью третьей статьи 208 УПК Грузии.

150. В деле 2015 года, возбужденном другим руководителем партии «Единое национальное движение», Г.У., бывшим мэром г. Тбилиси (№ 3/2/646, 15 сентября 2015 г.), Конституционный суд Грузии постановил, что, поскольку часть вторая статьи 205 УПК Грузии может быть прочитана как возможность содержать кого-либо под стражей более девяти месяцев, если органы прокуратуры предъявили дальнейшие обвинения в отношении него в отдельном деле с неоправданной задержкой, то это противоречит пункту 6 статьи 18 Конституции Грузии, согласно которой содержание под стражей не может длиться дольше девяти месяцев (см. § 148 настоящего Постановления).

3. Судебная проверка законности и обоснованности содержания под стражей

151. Согласно частям первой и восьмой статьи 206 УПК Грузии обвиняемый может на любой стадии производства по делу, в том числе в ходе досудебного заседания, потребовать изменения или отмены меры пресечения, которая была к нему применена. Суд в течение 24 часов после предъявления ходатайства должен его рассмотреть без проведения устного слушания по делу, проверяя, поднимает ли оно новые существенные вопросы. Если суд считает, что это так, он должен рассмотреть ходатайство на устном слушании. Часть девятая статьи 206 УПК Грузии устанавливает, что в таком производстве бремя доказывания возложено на сторону обвинения. В соответствии с частью шестой статьи 206 УПК Грузии в определении суда по ходатайству должны быть изложены обстоятельства, на основании которых суд считает необходимым применить, изменить или отменить меру пресечения.

152. Подпункт «b» части четвертой статьи 219 УПК Грузии предусматривает, что в ходе досудебного заседания суд должен рассмотреть вопрос о необходимости содержания обвиняемого под стражей до суда независимо от того, добивался ли он освобождения, а затем каждые два месяца проверять вопрос о необходимости содержания обвиняемого под стражей.

С. ПОЛНОМОЧИЕ ПРОКУРАТУРЫ ОТКАЗАТЬСЯ ОТ ОБВИНЕНИЯ

153. Согласно части первой статьи 250 УПК Грузии сторона обвинения вправе с согласия вышестоящего прокурора отказаться от обвинения или части обвинения или изменить обвинение на более мягкое. В случае отказа прокурора от обвинения или части обвинения суд выносит определение о прекращении уголовного преследования по обвинению или части обвинения. В силу части

второй статьи 250 УПК Грузии сторона обвинения пользуется правом отказаться от обвинения или части обвинения или изменить обвинение на более мягкое до вынесения приговора в суде любой инстанции. В части третьей статьи 250 УПК Грузии указывается, что отклоненные стороной обвинения обвинение или часть обвинения и доказательства, на которых они основывались, не могут быть повторно представлены суду в отношении того же обвиняемого.

III. СООТВЕТСТВУЮЩИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

A. СОВЕТ ЕВРОПЫ

154. Первоначальные проекты конвенции не содержали положения, соответствующего статье 18 Конвенции. Такое положение впервые появилось в проекте, подготовленном Конференцией старших должностных лиц в июне 1950 года (см.: Collected edition of the «*Travaux Préparatoires*» of the European Convention on Human Rights, Martinus Nijhoff, vol. IV, 1977. P. 190, 226 и 280). В своем докладе Комитету министров конференция описала эту раннюю версию, пункт 2 статьи 13 ее проекта, как практическое применение теории «*détournement de pouvoir*», звучащей по-английски как «злоупотребление властью» (там же, с. 258–259). 16 августа 1950 г. в ходе первой части второй сессии Консультативной ассамблеи, говоря о том, каким образом государства могли бы ограничить права, закрепленные в Конвенции, делегат от Франции, П.-Г. Тейтджен (P.-H. Teitgen), упомянул ограничения «*légalité interne*»¹ и провел параллель со злоупотреблениями властью со стороны администрации во Франции, отметив, что они могут быть отменены Государственным советом Франции² (см.: Collected edition of the «*Travaux Préparatoires*»³ of the European Convention on Human Rights, Martinus Nijhoff, vol. V, 1979. P. 293).

B. ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ

155. Злоупотребление властью – устоявшееся понятие в нормах права Европейского союза. С 1952 года оно является одним из оснований

для аннулирования актов учреждений союза, в прошлом Европейского сообщества (см. пункт 1 статьи 33 Договора о создании Европейского объединения угля и стали 1951 года (Парижский договор, 261 UNTS 140), как первоначально сформулировано, так и позже переформулировано пунктом 13 статьи H Договора об образовании Европейского союза 1992 года (Маастрихтский договор, 1 757 UNTS 3), а затем подпунктом «а» пункта 15 статьи 4 Ниццкого договора 2001 года о внесении поправок в Договор об образовании Европейского союза, договоры об учреждении Европейских сообществ и определенные связанные с ними акты (2701 UNTS 3); пункт 1 статьи 146 Договора об учреждении Европейского сообщества по атомной энергии 1957 года (298 UNTS 167), как первоначально сформулировано и позже перенумеровано в пункт 2 статьи 146 пунктом 13 статьи титула IV Договора об образовании Европейского союза, и позже вновь переформулировано пунктом 15 статьи 3 Ниццкого договора; пункт 1 статьи 173 Договора об учреждении Европейского экономического сообщества 1957 года (Римский договор, 298 UNTS 11), как первоначально сформулировано и затем переформулировано в пункте 2 статьи 173 пунктом 53 статьи G Договора об образовании Европейского союза 1992 года, позже вновь переформулировано и перенумеровано как пункт 2 статьи 230 пунктом 34 статьи 2 Ниццкого договора; пункт 6 статьи K.7 (позже перенумеровано как статья 35) Договора об образовании Европейского союза, как переформулировано пунктом 11 статьи 1 Амстердамского договора 1997 года, вносящего поправки в Договор об образовании Европейского союза, Договор об учреждении Европейских сообществ и определенные связанные с ними акты (2700 UNTS 161)). В настоящее время это пункт 2 статьи 263 Консолидированной редакции Договора о функционировании Европейского союза (OJ 2016/C 202/01, с. 47).

156. Согласно устоявшейся прецедентной практике Суда Европейского союза акт становится недействительным ввиду злоупотребления властью, если на основе объективных, актуальных и последовательных доказательств становится ясно, что он был принят исключительно или в основном для других целей, чем та, ради которой была предоставлена соответствующая власть (см. среди многих прочих примеров Решение Суда Европейского союза по делу «Компания «ФЕДЕСА» и другие» (FEDESA and Others) от 13 ноября 1990 г., дело № C-331/88, EU:C:1990:391, § 24, Решение Суда Европейского союза по делу «Испания и Италия против Совета» (Spain and Italy v. Council) от 16 апреля 2013 г., дела №№ C-274/11 и C-295/11, EU:C:2013:240, § 33, а также Решение Суда Европейского союза по делу «Комиссия против Совета» (Commission v. Council) от 4 декабря 2013 г., дело № C-111/10, EU:C:2013:785, § 80).

¹ *Légalité interne* (франц.) – внутренняя законность (примеч. редактора).

² Во Франции систему органов административной юстиции возглавляет орган, именуемый Государственный совет, который в судебном порядке рассматривает жалобы на действия и акты органов государственного управления и одновременно выступает консультативным учреждением при правительстве страны (примеч. редактора).

³ *Travaux préparatoires* (франц.) – материалы подготовительной работы по разработке текста документа (примеч. редактора).

С. ПРЕЦЕДЕНТНАЯ ПРАКТИКА МЕЖАМЕРИКАНСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

157. Статья 30, *in fine*, Американской конвенции о правах человека (1144 UNTS 123) предусматривает, что ограничения, которые «могут быть наложены на пользование или осуществление прав или свобод, признанных [в этой Конвенции], не могут применяться иначе как... в соответствии с целью, для которой были установлены такие ограничения».

158. Межамериканский суд по правам человека (далее – Межамериканский суд) постановил, что это означает, что «цели, для которых было установлено ограничение, [должны] быть легитимными, то есть они должны преследовать “причины общего интереса” и не отклоняться от “цели, для которой (они) были установлены”», и что это требование является «телеологическим критерием... установления контроль через отступление силы» (см. консультативное заключение № ОС-6/86 Межамериканского суда по вопросу о значении слова «законы» в статье 30 Американской конвенции о правах человека (The Word «Laws» in Article 30 of the American Convention on Human Rights) от 9 мая 1986 г., Series A, № 6, § 18 (b)).

159. Межамериканский суд также постановил, что при проверке реальной цели мер, которые, как утверждается, составляют злоупотребление властью, он может сослаться на косвенные доказательства, признаки и презумпции и на практике так и действовал (см. Постановление Межамериканского суда по делу «Ивчер Бронштейн против Перу» (Ivcher Bronstein v. Peru) (по существу дела и о компенсации и судебных расходах) от 6 февраля 2001 г., Series C, № 74, §§ 154–164, Постановление Межамериканского суда по делу «Верховный суд (Кинтана Коэльо и другие) против Эквадора» (Supreme Court of Justice (Quintana Coello and Others) v. Ecuador) (предварительное возражение, по существу дела и о компенсации и судебных расходах) от 23 августа 2013 г., Series C, № 266, §§ 173–177, а также Постановление Межамериканского суда по делу «Конституционный трибунал (Камба Капос и другие) против Эквадора» (Constitutional Tribunal (Camba Campos and Others) v. Ecuador) (предварительные возражения, по существу дела и о компенсации и судебных расходах) от 28 августа 2013 г., Series C, № 268, §§ 210–219).

160. В недавно рассмотренном деле, в котором власти Венесуэлы отказались продлить лицензию на вещание одному из старейших в стране и самому популярному телевизионному каналу за критику Правительства Венесуэлы, Межамериканский суд отметил, что в своих решениях власти указали свою цель как обеспечение большего разнообразия в контенте, доступному зрителям, которая была законной. Затем Межамериканский суд рассмот-

рел вопрос о том, являлось ли это реальной целью решения властей. Он исходил из презумпции того, что власти действовали добросовестно, однако Межамериканский суд отметил четыре резких публичных заявления Уго Чавеса, являвшегося тогда президентом страны, сделанные незадолго до принятия решений о непродлении лицензии, о том, что эта телевизионная станция была враждебной правительству. Проанализировав эти заявления в совокупности, Межамериканский суд пришел к выводу, что отказ в продлении лицензии на самом деле имел целью подавить критику правительства. Хотя Межамериканский суд не ссылаясь на статью 30 Американской конвенции о правах человека, он постановил, что это было злоупотребление властью (см. Постановление Межамериканского суда по делу «Граньер и другие («Телевизионная компания “Радио Каракас Телевизион”) против Венесуэлы» (Granier and Others (Radio Caracas Television) v. Venezuela) (предварительные возражения, по существу дела и о компенсации и судебных расходах) от 22 июня 2015 г., Series C, № 293, §§ 184–199).

Д. ВОПРОС О СКРЫТОМ ХАРАКТЕРЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ЗА ПОЛИТИЧЕСКИЕ УБЕЖДЕНИЯ В ПРАВОВЫХ ПОЛОЖЕНИЯХ ОБ ЭКСТРАДИЦИИ

161. Прочно устоявшееся правило в положениях об экстрадиции заключается в том, что в экстрадиции должно быть отказано, если запрашивающее государство добивается экстрадиции какого-либо лица за кажущееся обычным уголовное правонарушение с тем, чтобы привлечь его к ответственности или наказать вследствие его политических убеждений.

162. Оно фигурирует во всех современных многосторонних конвенциях и документах, касающихся экстрадиции (пункт 2 статьи 3 Европейской конвенции об экстрадиции 1957 года (ETS № 24, 359 UNTS 273), статья 5 Европейской конвенции о пресечении терроризма 1977 года (ETS № 90, 1137 UNTS 93), пункт 6 статьи 6 Конвенции Организации Объединенных Наций о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ 1988 года (1582 UNTS 95), статья 15 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма 1999 года (2178 UNTS 197), пункт 14 статьи 16 Конвенции Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности 2000 года (2225 UNTS 209), пункт 15 статьи 44 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 года (2349 UNTS 41), декларативная часть 12 Рамочного решения Совета о европейском ордере на арест и процедуры явки с повинной между государствами-членами 2002 года (2002/584/ JHA, OJEC 2002/L 190. P. 1–18), пункт «b» статьи 3 Типового договора об

экстрадиции Организации Объединенных Наций 1990 года (UN Doc. A/RES/45/116), пункт 13(а)(i) Лондонской схемы экстрадиции в рамках Содружества 1966 года с поправками, внесенными в 2002 году).

163. Данное правило было включено во многие двусторонние договоры об экстрадиции (см., например, пункт 4 статьи 7 Договора об экстрадиции между Данией и США 1972 года (952 UNTS 29), пункт 2 статьи 4 Договора об экстрадиции между Германией и США 1978 года (1220 UNTS 269), подпункт «а» пункта 1 статьи 3 Договора об экстрадиции и взаимной правовой помощи по уголовным делам между Турцией и США 1979 года (1273 UNTS 83), пункт «а» статьи 4 Договора об экстрадиции между Австралией и Италией 1985 года (1598 UNTS 31), подпункт «b» пункта 1 статьи 3 Договора об экстрадиции между Австралией и Германией 1987 года (1586 UNTS 185), подпункт «b» пункта 1 статьи 3 Договора между Австралией и Люксембургом 1987 года (1536 UNTS 31), пункт 3 статьи 4 Договора об экстрадиции между Кипром и США 1996 года (2927 UNTS...), пункт 4 статьи 4 Договора об экстрадиции между Францией и США 1996 года (2179 UNTS 341), статья 3(b) Договора об экстрадиции между Канадой и Италией 2005 года (2859 UNTS 197), пункт «b» статьи 3 Договора об экстрадиции между Францией и Китайской Народной Республикой 2007 года (...UNTS...), пункт 7 статьи 3 Договора об экстрадиции между Белоруссией и Болгарией 2010 года (2849 UNTS...)).

164. Оно фигурирует также в законодательствах многих государств об экстрадиции. Например, во Франции оно изложено в части второй статьи 696-4 Уголовно-процессуального кодекса, в Соединенном Королевстве оно предусмотрено в пункте «а» статьи 13 Закона об экстрадиции 2003 года, а в Греции – в пункте «с» статьи 438 Уголовно-процессуального кодекса.

165. Почти во всех международных документах стандартом, в соответствии с которым должна быть доказана скрытая политическая цель, являются «существенные основания полагать».

IV. СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

166. Злоупотребление властью, или *détournement de pouvoir* как оно называется во Франции и где оно возникло, является общеизвестным понятием в административном праве. Несмотря на различия в формулировках, в настоящее время оно существует во многих правовых системах государств. Это один из способов, с помощью которого решения административных органов могут быть поставлены под сомнение или, иными словами, одно из оснований, ввиду которого они могут быть отменены.

167. Злоупотребление властью будет иметь место, когда орган власти использует свои полномо-

чия не для той цели, для которой они были предоставлены. Понятие «злоупотребление властью» основано на идее о том, что власти не свободны в выборе целей, которые они могут преследовать, и должны использовать свои полномочия только для достижения целей, ради которых закон наделил их этими полномочиями. Это означает две вещи: во-первых, что власти должны действовать в общественных интересах, и, во-вторых, что каждое из их полномочий должно использоваться только для конкретной цели или целей, для которых оно было предоставлено.

168. Согласно информации, имеющейся у Европейского Суда, суды нескольких Высоких Договаривающихся Государств принимают в качестве доказывания злоупотребления властью условия оспариваемого решения, документы в материалах дела, касающиеся принятия указанного решения, документы, полученные в ходе судебной проверки законности и обоснованности решения, презумпции фактов, и, в целом, контекстные доказательства. Сталкиваясь с ситуацией, когда какой-либо орган преследует как санкционированную, так и скрытую цель, они оценивают, какая из этих целей является преобладающей. Если они считают, что санкционированная цель была преобладающей, они признают решение органа действительным. Если, наоборот, они находят, что скрытая цель была преобладающей, они отменяют решение как недействительное.

ПРАВО

I. ПРЕДЕЛЫ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА БОЛЬШОЙ ПАЛАТОЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

169. Прежде всего Европейский Суд считает важным выяснить пределы рассмотрения настоящего дела.

170. Жалобы заявителя касались только его лишения свободы в период между его задержанием 21 мая 2013 г. и его осуждением Кутаисским городским судом 17 февраля 2014 г. по уголовным обвинениям против него, относящимся к государственной программе трудоустройства и собственности в селе Квариати. Соответственно, Европейский Суд не будет рассматривать вопрос о том, было ли содержание заявителя под стражей после его осуждения совместимо с Конвенцией либо не противоречили ли ей другие уголовные дела в отношении заявителя (см. §§ 56–59 настоящего Постановления).

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

171. Заявитель жаловался на то, что его задержание и содержание под стражей были незаконными и необоснованными. Он ссылаясь при этом

на пункт 1 статьи 5 Конвенции, который в частях, относящихся к делу, предусматривает следующее:

«Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом...

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения».

А. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

172. Палата Европейского Суда не рассматривала вопрос о законности задержания заявителя.

173. Что касается досудебного содержания под стражей, то Палата Европейского Суда постановила, что дело заявителя не может быть приравнено к делам, в которых задержанные содержались под стражей исключительно на том основании, что обвинение представило против них обвинительное заключение, и, таким образом, без четкой правовой основы и в течение потенциально неограниченного периода времени. Хотя данная проблема существовала в Грузии в период действия Уголовно-процессуального кодекса 1998 года, это уже не относится к УПК Грузии 2010 года. Отсутствие в решениях о заключениях заявителя под стражу указания на конкретный срок, что согласуется с судебной практикой в Грузии на тот момент, не делало содержание под стражей незаконным в значении пункта 1 статьи 5 Конвенции, поскольку часть вторая статьи 205 УПК Грузии 2010 года четко указывает, что содержание под стражей до суда не может продолжаться более девяти месяцев, и этот срок заявитель мог легко понять с помощью своего адвоката. Кроме того, в соответствии со статьей 206 УПК Грузии 2010 года он мог в любой момент в течение этих девяти месяцев ходатайствовать об освобождении из-под стражи, поскольку основания для его содержания под стражей до суда прекратились. Следовательно, нельзя утверждать, что он содержался под стражей в течение потенциально неограниченного времени или каким-либо иным образом был поставлен в положение правовой неопределенности.

В. ДОВОДЫ СТОРОН В БОЛЬШОЙ ПАЛАТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Заявитель

174. Заявитель утверждал, что его задержание было незаконным, поскольку оно осуществлялось

без получения судебного ордера, хотя ни одно из исключений из этого требования не применялось в его случае. Обстоятельства его задержания свидетельствуют о том, что решение о его заключении под стражу было принято заранее и со скрытой целью и что вызов на допрос не являлся добросовестной попыткой заручиться его сотрудничеством в связи с этим делом. Однако несмотря на отсутствие какой-либо срочности, власти не обратились с просьбой о выдаче ордера. Кроме того, хотя заявитель просил Кутаисский городской суд проверить законность его задержания, суд не выполнил подробной оценки этого факта.

175. Содержание под стражей до суда не отвечало требованию правовой определенности, так как при принятии решения о заключении заявителя под стражу Кутаисский городской суд не установил срок его содержания под стражей. Хотя Кутаисский городской суд вскользь упомянул статью 205 УПК Грузии, второй пункт которой устанавливал максимальный срок содержания под стражей до суда, он не указал, на какой срок было назначено заключение заявителя под стражу. Поскольку максимальный девятимесячный срок, возможно, мог быть рассчитан отдельно по каждому обвинению, и в связи с тем, что заявителю были предъявлены несколько обвинений, положение в его случае было особенно неопределенным. Практика судов Грузии не устанавливать сроки содержания под стражей до суда является нарушением требования правовой определенности. Это не компенсируется возможностью последующей проверки законности и обоснованности решения о заключении под стражу, поскольку в соответствии с законодательством Грузии планка для этого является слишком высокой: только в тех случаях, когда после первоначального заключения под стражу возникли «новые существенные вопросы».

176. Кроме того, заключение под стражу было неоправданным, так как можно было применить менее ограничительную меру пресечения. Делая выбор в пользу заключения под стражу, Кутаисский городской суд по существу учитывал серьезность предъявленных заявителю обвинений, а не его личные обстоятельства, и не исследовал, не может ли менее строгая мера пресечения, например, залог или личное поручительство, в сочетании с мерами, ограничивающими возможность покинуть Грузию, обеспечить явку заявителя в суд. Подлинная цель его заключения под стражу состояла в том, чтобы исключить его из политической жизни. Скрытые мотивы для заключения под стражу стали проявляться, когда заявителя доставили к генеральному прокурору 14 декабря 2013 г., требовали от него предоставить информацию и угрожали ему. Этот инцидент свидетельствовал о том, что заключение под стражу было произвольным.

2. Власти Грузии

177. Власти Грузии считали, что задержание заявителя полностью отвечало требованиям статьи 171 УПК Грузии, которая в свою очередь соответствовала требованиям пункта 1 статьи 5 Конвенции. Задержание было проведено без ордера ввиду опасности того, что заявитель скроется от правосудия. Решение о задержании не было принято заранее, а было основано на событиях, последовавших за вызовом в суд для дачи показаний: отъезде его жены из Грузии и его реакции во время допроса на инкриминирующие доказательства, которые были ему предъявлены. Изучив материалы дела, Кутаисский городской суд был удовлетворен тем, что в ходе задержания не было допущено процессуальных нарушений. Риск того, что заявитель скроется от правосудия, был дополнительно подтвержден инцидентом 30 ноября 2012 г. и засвидетельствован решением Кутаисского городского суда о заключении заявителя под стражу до суда.

178. Задержание основывалось на том разумном подозрении, что заявитель совершил преступления, в которых он обвинялся. За несколько месяцев до задержания органы прокуратуры получили достаточные доказательства в поддержку этих обвинений. Кутаисский городской суд, решение которого было оставлено без изменения Апелляционным судом г. Кутаиси, изучил оценку доказательств стороной обвинения и согласился с тем, что имело место разумное подозрение. Цель задержания заявителя состояла лишь в том, чтобы доставить его в компетентный юридический орган, что было сделано на следующий день. Не было представлено каких-либо доказательств того, что власти имели в виду что-то еще.

179. Содержание заявителя под стражей было также законным и обоснованным. Прокуратура поддержала свое ходатайство о заключении под стражу до суда достаточным количеством доказательств и аргументов, и Кутаисский городской суд установил, что менее строгая мера пресечения не предотвратила бы риск побега или воспрепятствования отправлению правосудия.

С. МНЕНИЕ БОЛЬШОЙ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Имела ли Большая Палата Европейского Суда правомочие рассматривать жалобы, относящиеся к задержанию заявителя

180. «Дело», переданное в Большую Палату Европейского Суда в соответствии со статьей 43 Конвенции, является жалобой, как она была объявлена приемлемой для рассмотрения по существу Палатой Европейского Суда (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «К. и Т. против Финляндии» (K. and T. v. Finland), жало-

ба № 25702/94, § 141, ECHR 2001-VII). Заявитель жаловался со ссылкой на пункт 1 статьи 5 Конвенции на предположительную незаконность своего содержания под стражей. Хотя и не касаясь в своей мотивировке конкретно этого пункта жалобы, Палата Европейского Суда признала в целом всю жалобу приемлемой для рассмотрения по существу. Таким образом, жалоба, касающаяся задержания заявителя, охватывается решением о приемлемости жалобы для рассмотрения по существу. Это также подтверждается описанием фактов дела Палатой Европейского Суда, касающихся задержания заявителя (см. § 18 Постановления Палаты Европейского Суда). Отсюда следует, что Большая Палата Европейского Суда может рассматривать жалобу о том, что задержание заявителя было осуществлено в нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «К. и Т. против Финляндии», § 145, Постановление Европейского Суда по делу «Камасински против Австрии» (Kamasinski v. Austria) от 19 декабря 1989 г., § 59, Series A, № 168, а также Постановление Европейского Суда по делу «Скотт против Испании» (Scott v. Spain) от 18 декабря 1996 г., § 59, *Reports of Judgments and Decisions* 1996-VI).

2. Общие принципы согласно подпункту «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции

181. Пункт 1 статьи 5 Конвенции гарантирует основополагающее право на свободу и неприкосновенность, которое имеет первостепенное значение в «демократическом обществе» (см. Постановление Европейского Суда по делу «Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии» (De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium) от 18 июня 1971 г., § 65, Series A, № 12, Постановление Европейского Суда по делу «Винтерверп против Нидерландов» (Winterwerp v. Netherlands) от 24 октября 1979 г., § 37, Series A, № 33, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ассанидзе против Грузии» (Assanidze v. Georgia), жалоба № 71503/01, § 169, ECHR 2004-II). В более общем плане статья 5 в совокупности со статьями 2–4 Конвенции занимает первое место в ряду основных прав, защищающих физическую неприкосновенность личности, поэтому она имеет первостепенное значение (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бузаджи против Республики Молдова» (Buzadji v. Republic of Moldova), жалоба № 23755/07¹, § 84, ECHR 2016 (извлечения)).

182. Как следует из формулировки пункта 1 статьи 5 Конвенции, которая должна толковаться во взаимосвязи с его подпунктом «а» пункта 1 и

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 5 (примеч. редактора).

пунктом 3, которые образуют с ней единое целое, первая часть подпункта «с» пункта 1 статьи 5 решает лишение свободы только в связи с уголовным преследованием (см. среди прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Чулла против Италии» (Ciulla v. Italy) от 22 февраля 1989, § 38, Series A, № 148, Постановление Европейского Суда по делу «Йечиус против Литвы» (Jėčius v. Lithuania), жалоба № 34578/97, § 50, ECHR 2000-IX, а также Постановление Европейского Суда по делу «Швабе и М.Г. против Германии» (Schwabe and M.G. v. Germany), жалобы №№ 8080/08 и 8577/08, § 72, ECHR 2011 (извлечения)).

183. Чтобы соответствовать этому положению, задержание или заключение под стражу должны отвечать трем условиям.

184. Во-первых, они должны основываться на «разумном подозрении» в том, что соответствующее лицо совершило преступление. Это предполагает наличие фактов или информации, которые убедили бы объективного наблюдателя в том, что соответствующее лицо могло совершить преступление. То, что является «разумным», зависит от всех обстоятельств дела, но факты, которые вызывают подозрение, необязательно должны быть такого же уровня, как те, которые необходимы для доказывания осуждения в уголовном порядке или даже предъявления обвинения (см. среди прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Фокс, Кэмпбелл и Хартли против Соединенного Королевства» (Fox, Campbell and Hartley v. United Kingdom) от 30 августа 1990 г., § 32, Series A, № 182, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии» (Labita v. Italy), жалоба № 26772/95, § 155, ECHR 2000-IV, а также Постановление Европейского Суда по делу «О'Хара против Соединенного Королевства» (O'Hara v. United Kingdom), жалоба № 37555/97, §§ 34 и 36, ECHR 2001-X).

185. Во-вторых, цель задержания или заключения под стражу заключается в том, чтобы соответствующее лицо предстало перед «компетентным органом» – это момент, который нужно учитывать независимо от того, была ли достигнута цель (см. среди прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Броган и другие против Соединенного Королевства» (Brogan and Others v. United Kingdom) от 29 ноября 1988 г., §§ 52–53, Series A, № 145-B, Постановление Европейского Суда по делу «Мюррей против Соединенного Королевства» (Murray v. United Kingdom) от 28 октября 1994 г., §§ 67–68, Series A, № 300-A, а также Постановление Европейского Суда по делу «К.-Ф. против Германии» (K.-F. v. Germany) от 27 ноября 1997 г., § 61, Reports 1997-VII).

186. В-третьих, задержание или заключение под стражу согласно подпункту «с» должны, как и любое лишение свободы в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции, быть «законными» и

производиться «в порядке, установленном законом» (см. среди прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Гуццарди против Италии» (Guzzardi v. Italy) от 6 ноября 1980 г., § 102, Series A, № 39, Постановление Европейского Суда по делу «Кеммаш против Франции (№ 3)» (Kemmach v. France) (№ 3) от 24 ноября 1994, §§ 37 и 42, Series A, № 296-C, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «К.-Ф. против Германии», § 63). Эти два выражения, которые в определенной степени дублируют друг друга, касаются главным образом внутригосударственного права и устанавливают обязательство соблюдать его материально-правовые и процессуальные нормы (см. среди прочих примеров упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам «Винтерверп против Нидерландов», §§ 39 и 45, «Кеммаш против Франции (№ 3)», §§ 37 и 42, «К.-Ф. против Германии», § 63, и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ассанидзе против Грузии», § 171). Однако этого недостаточно: пункт 1 статьи 5 Конвенции также требует, чтобы внутригосударственное право было совместимым с принципом верховенства права. Это, в частности, означает, что закон, допускающий лишение свободы, должен быть доступным, точным и предсказуемым в его применении (см. среди прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Амуур против Франции» (Amuur v. France) от 25 июня 1996 г., § 50, Reports 1996-III, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Йечиус против Литвы», § 56, Постановление Европейского Суда по делу «Барановский против Польши» (Baranowski v. Poland), жалоба № 28358/95, § 52, ECHR 2000-III, а также Постановление Европейского Суда по делу «Какабадзе и другие против Грузии» (Kakabadze and Others v. Georgia) от 2 октября 2012 г., жалоба № 1484/07, §§ 62 и 68). Это также означает, что задержание или заключение под стражу должны быть совместимы с целью пункта 1 статьи 5 Конвенции, которая заключается в предупреждении произвольного лишения свободы (см. среди прочих примеров упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам «Винтерверп против Нидерландов», § 39, «Йечиус против Литвы», § 56, «Барановский против Польши», § 51, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ассанидзе против Грузии», § 171, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Какабадзе и другие против Грузии», § 63). Это, в частности, предполагает, что лишение свободы действительно соответствует цели ограничения, допускаемого соответствующим подпунктом пункта 1 статьи 5 Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Винтерверп против Нидерландов», § 39, Постановление Европейского Суда по делу

«Эшингдейн против Соединенного Королевства» (Ashingdane v. United Kingdom) от 28 мая 1985 г., § 44, Series A, № 93, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саади против Соединенного Королевства» (Saadi v. United Kingdom), жалоба № 13229/03, § 69, ECHR 2008).

3. Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

(а) Задержание заявителя

187. Заявитель не утверждал в Европейском Суде, что его задержание не было основано на обоснованном подозрении в совершении им преступлений, в связи с которыми он был заключен под стражу, и власти Грузии полностью указали инкриминирующие материалы, полученные властями до задержания заявителя (см. §§ 29–31 и 174 настоящего Постановления). Ничто в этих материалах, по-видимому, не ставит под сомнение обоснованность подозрения в отношении заявителя ни как вопрос факта, ни как вопрос уголовного права (см. для сравнения Постановление Европейского Суда по делу «Гусинский против Российской Федерации» (Gusinskiy v. Russia), жалоба № 70276/01¹, § 55, ECHR 2004-IV, и в качестве противоположного примера см. Постановление Европейского Суда по делу «Луканов против Болгарии» (Lukanov v. Bulgaria) от 20 марта 1997 г., §§ 42–45, Reports 1997-II, Постановление Европейского Суда по делу «Канджов против Болгарии» (Kandzhov v. Bulgaria) от 6 ноября 2008 г., жалоба № 68294/01, §§ 57–61, Постановление Европейского Суда по делу «Ильгар Маммадов против Азербайджана» (Ilgar Mammadov v. Azerbaijan) от 22 мая 2014 г., жалоба № 15172/13, §§ 90–99, а также Постановление Европейского Суда по делу «Расул Джафаров против Азербайджана» (Rasul Jafarov v. Azerbaijan) от 17 марта 2016 г., жалоба № 69981/14, §§ 121–132). Не представляется также, что сами обвинения были связаны с осуществлением прав заявителя, предусмотренных Конвенцией.

188. Кроме того, ничто в материалах дела не указывает на то, что во время задержания заявителя не было намерения доставить его в компетентный юридический орган. Это произошло на следующий день (см. §§ 33 и 38 настоящего Постановления). Этого было достаточно, чтобы сделать его задержание совместимым с требованием о «цели» подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции (см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Гусинский против Российской Федерации», § 55). Вопрос о том, преследовало ли задержание другую

цель, подлежит рассмотрению в соответствии со статьей 18 Конвенции.

189. Остается установить, было ли задержание «законным», и было ли оно проведено «в порядке, установленном законом».

190. Согласно части первой статьи 171 УПК Грузии задержание должно, как правило, проводиться на основании судебного ордера. В части второй статьи 171 УПК Грузии перечислены ситуации, когда задержание в порядке исключения может проводиться без ордера. Единственным применимым в этом случае был пункт «е» части первой статьи 171 УПК Грузии, согласно которому получение ордера необязательно, если существует опасность того, что лицо скроется от правосудия. В части третьей статьи 171 УПК Грузии содержится еще одно требование: эта опасность не может быть предотвращена с помощью применения альтернативной меры, соразмерной обстоятельствам совершенного предполагаемого преступления и характеристикам обвиняемого (см. §§ 26 и 144 настоящего Постановления). Стороны не согласились с тем, существует ли такая опасность в деле заявителя, и можно ли было ее предотвратить, не прибегая к его заключению под стражу.

191. Хотя эти вопросы касаются применения законодательства Грузии, Европейский Суд правомочен рассматривать их. Как уже отмечалось, в тех случаях, когда в Конвенции содержится ссылка на внутригосударственное право, как это делается в подпункте «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, несоблюдение данного права влечет за собой нарушение Конвенции, а это означает, что Европейский Суд может и должен проверить, было ли соблюдено указанное право (см. среди прочих примеров упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Винтерверп против Нидерландов», § 46). Однако его полномочия в этом отношении изначально ограничены, поскольку даже в тех случаях, когда Конвенция ссылается на внутреннее право, толкование и применение такого права в первую очередь возлагаются на внутригосударственные власти (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делам «Винтерверп против Нидерландов», § 46, «Кеммаш против Франции (№ 3)», § 37, «Луканов против Болгарии», § 41).

192. В протоколе задержания заявителя следователь отметила, что в 2012 году он пытался пересечь границу по поддельному паспорту, поэтому была вероятность того, что он попытается покинуть Грузию, а тот факт, что он много раз выезжал из страны, свидетельствовал об отсутствии у него трудностей с выездом за границу (см. § 26 настоящего Постановления). Соответственно, на первый вопрос она ответила прямо, а на второй – косвенно. Европейский Суд не считает, что ее выводы о двух моментах, которые не должны быть пересмотрены ретроспективно, были произвольными или сделан-

¹ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2005. № 2 (примеч. редактора).

ными явно в нарушение частей второй и третьей статьи 171 УПК Грузии. Хотя было бы желательно более полное объяснение того, почему риск того, что заявитель скроется от правосудия, был достаточно серьезным и не мог быть предотвращен иначе, чем заключением под стражу, не свидетельствует о том, что степень конкретизации причин, изложенных в протоколе, явно не соответствовала требованиям законодательства Грузии.

193. Кроме того, при принятии на следующий день решения о заключении заявителя под стражу до суда Кутаисский городской суд также рассмотрел, хотя и кратко, вопрос о законности его задержания (см. § 39 настоящего Постановления), и его решение было оставлено без изменения Апелляционным судом г. Кутаиси (см. § 43 настоящего Постановления). Европейский Суд не может с легкостью отходить от выводов внутригосударственных властей и судов относительно применения внутреннего законодательства.

194. С учетом вышеизложенного Европейский Суд не находит нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции в отношении задержания заявителя.

(b) Содержание заявителя под стражей до суда

195. Как уже было отмечено, заявитель не утверждал в Европейском Суде, что его задержание и заключение под стражу до суда не были основаны на разумном подозрении. Он скорее поставил вопрос о том, что Кутаисский городской суд не установил срок его содержания под стражей до суда, и утверждал, оно было необоснованным, поскольку было назначено без надлежащего учета его личной ситуации и в действительности преследовало другую цель.

196. Европейский Суд не считает, что любой из этих аспектов ставит под сомнение совместимость содержания заявителя под стражей до суда с подпунктом «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

197. Тот факт, что Кутаисский городской суд не установил срок содержания заявителя под стражей до суда, не поднимает вопроса в контексте данной нормы Конвенции. Этого не требовалось и согласно законодательству Грузии (см. в противоположность этому Постановление Европейского Суда по делу «Логвиненко против Российской Федерации» (Logvinenko v. Russia) от 17 июня 2010 г., жалоба № 44511/04¹, §§ 37–38, Постановление Европейского Суда по делу «Федоренко против Российской Федерации» (Fedorenko v. Russia) от 20 сентября 2011 г., жалоба № 39602/05², §§ 48–50 и 54–55, а также Постановление Европейского Суда по делу «Роман Петров против Российской Федерации» (Roman Petrov v. Russia) от 15 декабря

2015 г., жалоба № 37311/08³, §§ 43–45). Пункт 6 статьи 18 Конституции Грузии и часть вторая статьи 205 УПК Грузии ограничивают срок содержания под стражей до суда девятью месяцами, но это не означает, что назначающий его суд должен указывать в решении срок. В части шестой статьи 206 УПК Грузии, в которой перечислены элементы, которые должно содержать решение суда о заключении под стражу до суда, ничего не говорится об обязательстве устанавливать срок содержания под стражей (см. §§ 148 и 151 настоящего Постановления).

198. Не существовало и отдельного требования в силу пункта 1 статьи 5 Конвенции о том, что решение суда о заключении под стражу до суда должны устанавливать его продолжительность.

199. Действительно, содержание под стражей в течение непредсказуемого периода из-за пробелов в законодательстве является нарушением требования правовой определенности (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Барановский против Польши», § 56, Постановление Европейского Суда по делу «Гиголашвили против Грузии» (Gigolashvili v. Georgia) от 8 июля 2008 г., жалоба № 18145/05, §§ 31 и 35, Постановление Европейского Суда по делу «Елоев против Украины» (Yeloyev v. Ukraine) от 6 ноября 2008 г., жалоба № 17283/02, § 53, Постановление Европейского Суда по делу «Соловей и Зозуля против Украины» (Solovey and Zozulya v. Ukraine) от 27 ноября 2008 г., жалобы №№ 40774/02 и 4048/03, §§ 70–72, Постановление Европейского Суда по делу «Рамишвили и Кохреидзе против Грузии» (Ramishvili and Kokhraidze v. Georgia) от 27 января 2009 г., жалоба № 1704/06, §§ 106–110, Постановление Европейского Суда по делу «Фельдман против Украины» (Feldman v. Ukraine) от 8 апреля 2010 г., жалобы №№ 76556/01 и 38779/04, § 73, Постановление Европейского Суда по делу «Харченко против Украины» (Kharchenko v. Ukraine) от 10 февраля 2011 г., жалоба № 40107/02, § 74, Постановление Европейского Суда по делу «Тимошенко против Украины» (Tymoshenko v. Ukraine) 30 апреля 2013 г., жалоба № 49872/11, § 267, а также Постановление Европейского Суда по делу «Гал против Украины» (Gal v. Ukraine) от 16 апреля 2015 г., жалоба № 6759/11, § 36). Но в данном случае дело обстояло иным образом. Законодательство Грузии предусматривает четкую основу для содержания под стражей до суда и ограничивает его продолжительность. В то же время в трех своих постановлениях Европейский Суд отметил, что, если внутригосударственный суд не устанавливает срок содержания под стражей до суда, это порождает неопределенность, даже если его максимальная продолжительность ясно указана во внутригосударственном законодательстве

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 1 (примеч. редактора).

² См.: там же. 2013. № 2 (примеч. редактора).

³ См.: там же. 2016. № 10 (примеч. редактора).

(см. Постановление Европейского Суда по делу «Луценко против Украины» (Lutsenko v. Ukraine) от 3 июля 2012 г., жалоба № 6492/11, § 73, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Гал против Украины», § 37, а также Постановление Европейского Суда по делу «Клеутин против Украины» (Kleutin v. Ukraine) 23 июня 2016 г., жалоба № 5911/05, § 105). Однако эти Постановления должны толковаться в контексте. Во всех трех упомянутых делах внутригосударственные суды не указали даже минимально убедительных причин для назначения содержания под стражей до суда. Они аналогичны нескольким делам, в которых Европейский Суд установил нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции в связи с отсутствием каких-либо оснований для назначения содержания под стражей до суда и неустановлением его продолжительности (см. Постановление Европейского Суда по делу «Худоёров против Российской Федерации» (Khudoiyorov v. Russia), жалоба № 6847/02¹, §§ 136–137, ECHR 2005-X (извлечения), Постановление Европейского Суда по делу «Владимир Соловьёв против Российской Федерации» (Vladimir Solovyev v. Russia) от 24 мая 2007 г., жалоба № 2708/02², §§ 95–98, Постановление Европейского Суда по делу «Губкин против Российской Федерации» (Gubkin v. Russia) от 23 апреля 2009 г., жалоба № 36941/02³, §§ 111–114, Постановление Европейского Суда по делу «Арутюнян против Российской Федерации» (Arutyunyan v. Russia) от 10 января 2012 г., жалоба № 48977/09⁴, §§ 92–93, а также Постановление Европейского Суда по делу «Плетменцев против Российской Федерации» (Pletmentsev v. Russia) от 27 июня 2013 г., жалоба № 4157/04, § 43, с дальнейшими ссылками). Таким образом, данные постановления не следует толковать как устанавливающие требование в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции для внутригосударственных судов указывать продолжительность содержания под стражей до суда в своих решениях, независимо от того, как этот вопрос регулируется внутренним законодательством. Всё, что требуется этим положением Конвенции – определение правил, которые можно предвидеть при их применении.

200. Согласно части второй статьи 205 УПК Грузии заявитель не мог содержаться под стражей более девяти месяцев в связи с предъявленными ему обвинениями (см. § 148 настоящего Постановления). Следовательно, нельзя сказать, что существовала неопределенность в отношении

правил, регулирующих его содержание под стражей до суда, или риск того, что оно будет продолжаться неопределенное время.

201. В настоящем деле заявитель был осужден 17 февраля 2014 г., через восемь месяцев и 27 дней после задержания (см. § 53 настоящего Постановления).

202. Действительно, в 2015 году Конституционный суд Грузии постановил, что, поскольку часть вторая статьи 205 УПК Грузии может быть истолкована как позволяющая лицу содержаться под стражей до суда более девяти месяцев, если органы прокуратуры предъявили дополнительные обвинения в отношении него в отдельном деле с неоправданной задержкой, это могло являться нарушением пунктов 1 и 6 статьи 18 Конституции Грузии (см. § 150 настоящего Постановления). Однако доводы, приведенные Конституционным судом, демонстрируют, что постановление суда должно было предотвратить возможность органов прокуратуры предъявлять новые обвинения против лица, уже содержащегося под стражей, с целью обосновать продление срока его содержания под стражей свыше девятимесячного периода.

203. Тем не менее в случае заявителя такой проблемы не возникало. Между его задержанием 21 мая 2013 г. и осуждением 17 февраля 2014 г. ему два раза предъявляли дополнительные обвинения. Первый раз – 28 мая 2013 г., через шесть дней после того, как он впервые был заключен под стражу до суда (см. § 56 настоящего Постановления). Эти обвинения, хотя и привели к вынесению отдельного решения от 30 мая 2013 г. Тбилисского городского суда по месту его содержания под стражей до суда (см. выше), не являлись основанием для его содержания под стражей более девяти месяцев, так как он был осужден в рамках уголовного дела, рассматривавшегося менее чем через девять месяцев после его задержания. Второй раз ему предъявили обвинение 24 июня 2013 г., через один месяц и пять дней после того, как он был впервые заключен под стражу (см. § 57 настоящего Постановления). Данные обвинения не стали основанием для содержания заявителя под стражей, поскольку Тбилисский городской суд отклонил ходатайство прокуратуры по данному вопросу (см. выше). В связи с этими факторами и, в частности, сравнительно коротким промежутком между предъявлением первоначального и последующих обвинений трудно оценить последующие обвинения в качестве уловки со стороны органов прокуратуры с целью обойти установленные законом правила ограничения периода времени, в течение которого заявитель может содержаться под стражей до суда.

204. Таким образом, учитывая, что предъявление новых обвинений в отдельном производстве, по-видимому, вносит неопределенность в применение части второй статьи 205 УПК Грузии, оно не нарушило интересы заявителя. В деле по

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 7 (примеч. редактора).

² См.: там же. 2007. № 12 (примеч. редактора).

³ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2011. № 4 (примеч. редактора).

⁴ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 9 (примеч. редактора).

индивидуальной жалобе задача Европейского Суда состоит не в том, чтобы проверять внутригосударственное право абстрактно, а в том, чтобы определить, привело ли оно тем способом, как оно было применено к заявителю, к нарушению Конвенции (см. среди многих прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Голдер против Соединенного Королевства» (*Golder v. United Kingdom*) от 21 февраля 1975 г., § 39, *in fine*, Series A, № 18, Постановление Европейского Суда по делу «Минелли против Швейцарии» (*Minelli v. Switzerland*) от 25 марта 1983 г., § 35, Series A, № 62, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Николова против Болгарии» (*Nikolova v. Bulgaria*), жалоба № 31195/96, § 60, *ECHR* 1999-II).

205. Уделил ли Кутаисский городской суд достаточно внимания личной ситуации заявителя и в целом, были ли причины, которые он привел для его заключения под стражу до суда, достаточными, являются вопросами не в контексте пункта 1 статьи 5 Конвенции, а в контексте пункта 3 статьи 5 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Де Йонг, Балье и Ван ден Бринк против Нидерландов» (*De Jong, Baljet and Van den Brink v. Netherlands*) от 22 мая 1984 г., § 44, Series A, № 77, Постановление Европейского Суда по делу «Ходорковский против Российской Федерации» (*Khodorkovskiy v. Russia*) от 31 мая 2011 г., жалоба № 5829/04¹, §§ 161 и 163, Постановление Европейского Суда по делу «Микиашвили против Грузии» (*Mikiashvili v. Georgia*) от 9 октября 2012 г., жалоба № 18996/06, § 94, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бузаджи против Республики Молдова», § 99, *in fine*, а также Постановление Европейского Суда по делу «Вашченковс против Латвии» (*Vaščenkovs v. Latvia*) от 15 декабря 2016 г., жалоба № 30795/12, § 42). Этот вопрос будет подробно рассмотрен далее. С учетом прецедентов, упомянутых § 199 настоящего Постановления, нельзя прийти к выводу, что доводы, приведенные Кутаисским городским судом для заключения заявителя под стражу до суда, имели такие недостатки, что ставили под сомнение правомерность заключения под стражу по смыслу пункта 1 статьи 5 Конвенции (см. в качестве противоположного примера упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам «Луценко против Украины», §§ 67–72, и «Тимошенко против Украины», §§ 269–270).

206. Кроме того, доводы, указанные Кутаисским городским судом, свидетельствуют о том, что содержание заявителя под стражей до суда преследовало цель, согласующуюся с подпунктом «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции. Этого было достаточно для того, чтобы сделать его совместимым с

данной нормой Конвенции. Как уже отмечалось, вопрос о том, преследовало ли оно также другую цель, должен быть рассмотрен в соответствии со статьей 18 Конвенции.

207. Коротко говоря, содержание заявителя под стражей до суда соответствовало законодательству Грузии, которое, как оно было применено к нему, было достаточно предсказуемым и не являлось произвольным.

208. Следовательно, по делу не было допущено нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции в отношении содержания заявителя под стражей до суда.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 3 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

209. Заявитель жаловался на то, что суды Грузии не привели надлежащих и достаточных оснований для его содержания под стражей до суда, ни когда они впервые назначили его, ни когда они позднее проверяли его законность и обоснованность. При этом он ссылаясь на пункт 3 статьи 5 Конвенции, который предусматривает в части, относящейся к делу:

«Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом “с” пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд».

А. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

210. Палата Европейского Суда отметила, что заявитель содержался под стражей до суда в общей сложности восемь месяцев и 27 дней. Весь этот период не может быть автоматически оправдан причинами, указанными в первоначальных решениях о его заключении под стражу. Таким образом, необходимо проверить не только то, привели ли суды соответствующие и достаточные основания для заключения заявителя под стражу, но и то, сделали ли они это при отклонении ходатайства заявителя об освобождении из-под стражи 25 сентября 2013 г. В первоначальных решениях были поддержаны обе причины, на которые ссылалось обвинение в пользу заключения заявителя под стражу: риски того, что он скроется от правосудия и будет препятствовать производству по делу. Последний риск был обоснован ссылкой на высокую должность, ранее занимаемую заявителем, и на его поведение во время инцидента 30 ноября 2012 г. Первый риск подтверждался наличием поддельного паспорта, поспешным отъездом его жены за границу в день, когда его вызвали на допрос, и

¹ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2012. № 3 (примеч. редактора).

обнаружением крупных сумм наличных денег в его квартире. Все эти основания были достаточно конкретными, поэтому не было необоснованным заключать заявителя под стражу до суда.

211. В отличие от этого, когда заявитель ходатайствовал об освобождении из-под стражи 25 сентября 2013 г., Кутаисский городской суд вместо того, чтобы тщательно проверить, было ли оправдано его дальнейшее содержание под стражей, отклонил его ходатайство одним предложением без объяснения причин своего решения в нарушение соответствующих положений УПК Грузии 2010 года и пункта 3 статьи 5 Конвенции.

В. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ВЛАСТЕЙ ГРУЗИИ

1. Доводы сторон

212. Власти Грузии указали, что заявитель не обжаловал решение Кутаисского городского суда от 25 сентября 2013 г. в следственной коллегии Апелляционного суда г. Кутаиси, как это предусмотрено статьей 207 УПК Грузии. Такое обжалование являлось адекватным и эффективным средством правовой защиты. В связи с этим власти Грузии предложили Большой Палате Европейского Суда объявить жалобу в этой части неприемлемой для рассмотрения по существу, отметив, что в силу пункта 4 статьи 35, *in fine*, Конвенции Европейский Суд мог так поступить «на любой стадии разбирательства».

213. В своих устных доводах от имени заявителя его представители утверждали, что в соответствии с УПК Грузии решения, принимаемые судом первой инстанции в ходе досудебного заседания, не подлежат обжалованию.

2. Мнение Большой Палаты Европейского Суда

214. В силу пункта 4 статьи 35, *in fine*, Конвенции Европейский Суд может «на любой стадии разбирательства» отклонить жалобу, которую считает неприемлемой для рассмотрения по существу. Соответственно, Большая Палата Европейского Суда может рассматривать, если это уместно, вопросы, касающиеся приемлемости жалобы для ее рассмотрения по существу. Если она сочтет, что жалоба или его часть должна была быть признана неприемлемой для рассмотрения по существу, она вправе даже на стадии рассмотрения дела по существу, пересмотреть решение в этом отношении (см. среди прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Одьевр против Франции» (*Odièvre v. France*), жалоба № 42326/98, § 22, *ECHR* 2003-III, Постановление Большой Палаты Европейского

Суда по делу «Азинас против Кипра» (*Azinas v. Cyprus*), жалоба № 56679/00, § 32, *ECHR* 2004-III, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Муршич против Хорватии» (*Muršić v. Croatia*), жалоба № 7334/13¹, § 69, *ECHR* 2016). Эта возможность предусмотрена правилом 55 Регламента Суда, согласно которому «Любое возражение против приемлемости жалобы для рассмотрения по существу должно быть указано, насколько это позволяют характер возражения и обстоятельства, в письменных или устных замечаниях по вопросу о приемлемости жалобы для рассмотрения по существу, представленных Договаривающейся Стороной-ответчиком в порядке, предусмотренном правилом 51, или в зависимости от обстоятельств в порядке, предусмотренном правилом 54 [Регламента Суда]» (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «К. и Т. против Финляндии», § 145, Постановление Европейского Суда по делу «N.C. против Италии» (*N.C. v. Italy*), жалоба № 24952/94, § 44, *ECHR* 2002-X, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сейдович против Италии» (*Sejđović v. Italy*), жалоба № 56581/00, § 41, *ECHR* 2006-II).

Только исключительные обстоятельства, в частности то, что основания для возражения против приемлемости жалобы для рассмотрения по существу имели место или стали известны позднее, могут освободить государство-ответчика от обязательства изложить их в своих замечаниях в соответствии с правилом 51 или 54 Регламента Суда (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «N.C. против Италии», § 44, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Моорен против Германии» (*Mooren v. Germany*) от 9 июля 2009 г., жалоба № 11364/03, § 57, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Медведев и другие против Франции» (*Medvedyev and Others v. France*), жалоба № 3394/03, § 69, *ECHR* 2010).

215. В своих замечаниях по поводу приемлемости жалобы для ее рассмотрения по существу, представленных в ходе производства по делу в Палате Европейского Суда, власти Грузии не утверждали, что заявитель мог бы воспользоваться средством правовой защиты согласно статье 207 УПК Грузии. Власти государства-ответчика не сообщили о том, что существовали исключительные обстоятельства, которые освобождали бы их от обязанности сделать это, и Большая Палата Европейского Суда не выявила таких обстоятельств. Следовательно, власти Грузии лишаются права заявлять это возражение.

216. Отсюда следует, что данное возражение властей Грузии должно быть отклонено.

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 5 (примеч. редактора).

С. СУЩЕСТВО ЖАЛОБЫ

1. Доводы сторон

217. Заявитель настаивал на том, что решение заключить его под стражу до суда по сути было мотивировано тяжестью предъявленных ему обвинений и не учитывало его аргументы в пользу освобождения из-под стражи. Он предложил Большой Палате Европейского Суда не придавать значения конкретным доводам, выдвинутому обвинением в поддержку их утверждения о том, что он мог скрыться от правосудия, отметив, что ни Кутаисский городской суд, ни Апелляционный суд г. Кутаиси не упоминали их в своих решениях. Он также указал, что ему разрешали выезжать из Грузии шесть раз после инцидента 30 ноября 2012 г., и каждый раз он возвращался из поездки вовремя. Угроза того, что он будет препятствовать производству по делу, также не была надлежащим образом доказана. Наконец, суды не рассмотрели возможность применения альтернативных мер пресечения, таких как залог или личное поручительство.

218. Заявитель далее утверждал, что тот факт, что Кутаисский городской суд не мотивировал свое решение от 25 сентября 2013 г., являлся нарушением УПК Грузии и вызывал особую проблему, поскольку на тот момент заявитель содержался под стражей уже четыре месяца.

219. Власти Грузии указали в своем ходатайстве следующее: для того, чтобы заявитель был заключен под стражу до суда, обвинение выдвинуло ряд конкретных доводов в поддержку своего утверждения о том, что существовала опасность того, что он скроется от правосудия или воспрепятствует производству по делу. Кутаисский городской суд заслушал эти аргументы в публичном судебном заседании, на котором заявитель имел возможность их прокомментировать, и затем Кутаисский городской суд поддержал их, равно как и Апелляционный суд г. Кутаиси.

220. Власти Грузии далее отметили, что, возражая против ходатайства заявителя об освобождении из-под стражи от 25 сентября 2013 г., обвинение аналогичным образом привело ряд конкретных оснований. Эти доводы легли в основу решения Кутаисского городского суда об отклонении ходатайства заявителя. Суд вынес свое решение по итогам полностью состязательного производства и принял во внимание все доводы, приведенные сторонами в этом производстве. Вынесение постановления суда устно не нарушало положения УПК Грузии.

2. Мнение Большой Палаты Европейского Суда

(а) Период времени, который должен быть принят во внимание

221. Период, который следовало принять во внимание, начался 21 мая 2013 г., когда заявитель

был задержан, и закончился 17 февраля 2014 г., когда суд первой инстанции вынес ему обвинительный приговор (см. §§ 26 и 53 настоящего Постановления и упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бузаджи против Республики Молдова», § 85, с дальнейшими отсылками). Следовательно, он продолжался восемь месяцев и 27 дней.

(b) Обоснованность этого периода времени

(i) Общие принципы

222. Устойчивость разумного подозрения в том, что задержанный совершил преступление, является условием *sine qua non*¹ правомерности продолжения его содержания под стражей. Однако когда судебные органы страны изучают «незамедлительно» после задержания, следует ли заключить лицо под стражу до суда, этого подозрения больше недостаточно, и власти должны привести другие важные и достаточные основания для оправдания содержания под стражей. Иными основаниями могут быть риск того, что лицо скроется от правосудия, угроза оказания давления на свидетелей или манипулирования доказательствами, опасность сговора, возможность совершения новых преступлений или нарушения общественного порядка и связанная с этим необходимость защиты задержанного (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бузаджи против Республики Молдова», §§ 87–88 и 101–102, с дальнейшими ссылками). Существование этих рисков должно быть надлежащим образом обосновано властями, и мотивировки властей по данным вопросам не могут быть абстрактными, обобщенными и стереотипными (см. среди прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Летелье против Франции» (*Letellier v. France*) от 26 июня 1991 г., § 51, Series A, № 207, Постановление Европейского Суда по делу «Клоот против Бельгии» (*Clooth v. Belgium*) от 12 декабря 1991 г., § 44, Series A, № 225, Постановление Европейского Суда по делу «Смирновы против Российской Федерации» (*Smirnovy v. Russia*), жалобы №№ 46133/99 и 48183/99², § 63, ECHR 2003-IX (извлечения), а также Постановление Европейского Суда по делу «Георгий Николаишвили против Грузии» (*Giorgi Nikolaishvili v. Georgia*) от 13 января 2009 г., жалоба № 37048/04, §§ 73 и 76).

223. В частности, опасность бегства от правосудия не может оцениваться только с учетом суровости возможного наказания, она должна быть оценена со ссылкой на ряд других факторов, таких как

¹ *Sine qua non* (лат.) – обязательное, неперемное условие, то, без чего нельзя обойтись (примеч. редактора).

² См.: Путеводитель по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека за 2002 год (примеч. редактора).

характер обвиняемого, его моральный облик, его активы, связи со страной и международные контакты (см. Постановление Европейского Суда по делу «W. против Швейцарии» (W. v. Switzerland) от 26 января 1993 г., § 33, Series A, № 254-A, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Смирновы против Российской Федерации», § 60, а также упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бузаджи против Республики Молдова», § 90). Кроме того, из последнего предложения пункта 3 статьи 5 Конвенции следует, что в тех случаях, когда единственной остающейся причиной содержания под стражей является опасение, что обвиняемый скроется от правосудия и таким образом избежит явки в суд, он должен быть освобожден из-под стражи, если есть возможность заручиться гарантиями, которые обеспечат эту явку (см. Постановление Европейского Суда по делу «Вемхофф против Германии» (Wemhoff v. Germany) от 27 июня 1968, с. 25, § 15, Series A, № 7, упомянутое выше Постановление Европейского Суда по делу «Летелье против Франции», § 46, а также недавно вынесенное Постановление Европейского Суда по делу «Лукович против Сербии» (Luković v. Serbia) от 26 марта 2013 г., жалоба № 43808/07, § 54).

224. Аналогичным образом доказывание наличия угрозы оказания давления на свидетелей не может быть основано на возможности назначения сурового наказания, а должно быть привязано к конкретным фактам (см. среди прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Яжинский против Польши» (Jarzyński v. Poland) от 4 октября 2005 г., жалоба № 15479/02, § 43, Постановление Европейского Суда по делу «Козловский против Польши» (Kozłowski v. Poland) от 13 декабря 2005 г., жалоба № 31575/03, § 43, Постановление Европейского Суда по делу «Кжиштофяк против Польши» (Krzyštofiak v. Poland) от 20 апреля 2010 г., жалоба № 38018/07, § 48, а также Постановление Европейского Суда по делу «Сагхинадзе и другие против Грузии» (Saghinadze and Others v. Georgia) от 27 мая 2010 г., жалоба № 18768/05, § 137).

225. По существу с учетом причин, указанных в решениях внутригосударственных судебных органов, относящихся к содержанию заявителя под стражей до суда, и доводов, приведенных заявителем в его ходатайствах об освобождении из-под стражи, или его жалоб Европейский Суд призван решить, было ли допущено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции (см. среди прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Ноймайстер против Австрии» (Neumeister v. Austria) от 27 июня 1968 г., с. 37, §§ 4–5, Series A, № 8, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делам «Вемхофф против Германии», § 12, «Летелье против Франции», § 35,

а также упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда «Бузаджи против Республики Молдова», § 91).

(ii) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

(а) Первоначальное заключение заявителя под стражу до суда

226. Причины, приведенные Кутаисским городским судом для обоснования решения заключить заявителя под стражу до суда, опасность того, что он скроется от правосудия и окажет влияние на свидетелей (см. § 39 настоящего Постановления), были значимыми. Следует рассмотреть вопрос о том, были ли они также достаточными.

227. Кутаисский городской суд не указал все аргументы, изложенные обвинением в отношении этих вопросов, особенно относительно угрозы того, что заявитель скроется от правосудия. Однако он прямо сослался на процессуальные заявления стороны обвинения. Действуя таким образом, он дал понять, что принял во внимание конкретные доводы, высказанные обвинением, и счел их достаточными для того, чтобы оправдать заключение заявителя под стражу до суда. Хотя более детальная мотивировка была бы желательна, Европейский Суд убежден, что этого было достаточно в обстоятельствах дела и что он может считаться с данными конкретными позициями. Верно, что в силу пункта 3 статьи 5 Конвенции в первую очередь внутригосударственные судебные органы должны изучать все аргументы за или против заключения под стражу и указывать их в своих решениях (см. среди прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Летелье против Франции», § 35, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда «Лабита против Италии», § 152, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маккей против Соединенного Королевства» (McKay v. United Kingdom), жалоба № 543/03, § 43, ECHR 2006-X § 43). В то же время отсутствует единый стандарт мотивировки этих вопросов, и ничто не препятствует судебным органам страны одобрить или инкорпорировать путем ссылки конкретные позиции, упоминаемые властями, добивающимися назначения содержания под стражей до суда (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Хелле против Финляндии» (Helle v. Finland) от 19 декабря 1997 г., §§ 56–60, Reports 1997-VIII, и Постановление Европейского Суда по делу «Лэкэтуш и другие против Румынии» (Lăcătuș and Others v. Romania) от 13 ноября 2012 г., жалоба № 12694/04, § 100).

228. Существование опасности оказания заявителем давления на свидетелей не было убедительно обосновано. Действительно, многие свидетели по делу против заявителя являлись его бывшими

подчиненными, и он обладал значительным влиянием в некоторых группах грузинского общества (см. § 31 настоящего Постановления). Однако дело было возбуждено более чем за пять месяцев до его задержания, и не утверждалось, что за это время он пытался воздействовать на свидетелей по делу. Единственный конкретный случай, упоминавшийся в поддержку этого утверждения, предположительная попытка заявителя запугать начальника пограничной полиции 30 ноября 2012 г., даже допуская, что она имела место, что заявитель отрицал, произошел до того, как дело было возбуждено, и не имел никакой связи с обвинениями, по которым заявитель был заключен под стражу до суда.

229. Риск того, что заявитель скроется от правосудия, был сформулирован в более конкретных выражениях. Обвинение ссылалось главным образом на обширные международные контакты заявителя и его многочисленные поездки за границу. Обвинение также указало, в частности, что супруга заявителя уехала из Грузии сразу после того, как он был вызван на допрос 21 мая 2013 г., и что при обыске его квартиры были обнаружены крупные суммы наличных денег, которые он, возможно, предварительно подготовил для того, чтобы облегчить свой отъезд из Грузии, что у него всё еще имелся поддельный паспорт (см. § 34 настоящего Постановления). Эти факты, которые усугублялись тяжестью наказания, которое грозило заявителю в случае признания его виновным, позволили предположить, что сразу после того, как ему будут предъявлены обвинения, опасность его побега за границу можно было считать достаточно реальной, и ее нельзя было предотвратить применением менее ограничительной меры пресечения.

230. Следовательно, Европейский Суд считает, что по делу не было допущено нарушения пункта 3 статьи 5 Конвенции в отношении первоначального заключения заявителя под стражу до суда.

(β) Обоснование продления срока содержания заявителя под стражей до суда

231. Первое ходатайство против содержания заявителя под стражей было подано 25 сентября 2013 г., через четыре месяца после того, как была назначена эта мера пресечения. В своих представлениях в Кутаисский городской суд в этот день защита заявителя и обвинение по существу привели в разных выражениях доводы о риске того, что заявитель скроется от правосудия, и опасности оказания влияния на свидетелей, которые защита заявителя и обвинение уже излагали 22 мая 2013 г. Представляется, что единственные новые доводы со стороны обвинения состояли в том, что заявитель мог иметь другие невыявленные поддельные заграничные паспорта и что подобные заграничные паспорта уже были использованы другими бывшими чиновниками с целью выехать за гра-

ницу, и что оставалась угроза оказания влияния на свидетелей, поскольку свидетели, хотя уже и допрошенные, должны были еще давать показания на суде, что согласно закону являлось единственным способом представить доказательства. Со стороны заявителя новым аргументом, по-видимому, было то, что расследование по делу уже завершилось (см. §§ 47 и 48 настоящего Постановления).

232. Все эти доводы имели отношение к обоснованию продолжения содержания заявителя под стражей до суда, и ни один из них не был полностью безосновательным. Даже если многие из них были идентичны приведенным четыре месяца назад, все они требовали нового рассмотрения, поскольку по самой своей природе причины, которые первоначально оправдывают содержание под стражей до суда, могут измениться с течением времени (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Летелье против Франции», § 39, Постановление Европейского Суда по делу «I.A. против Франции» (I.A. v. France) от 23 сентября 1998 г., §§ 105 и 110, Reports 1998-VII, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши» (Kudła v. Poland), жалоба № 30210/96, § 114, ECHR 2000-XI).

233. Однако Кутаисский городской суд ничего не указал ни по одному из этих пунктов (см. § 49 настоящего Постановления). Не приведя каких-либо оснований для своего решения от 25 сентября 2013 г., он не дал понять, почему он убежден в причинах, упомянутых обвинением, и почему он установил, что они перевешивают доводы, представленные заявителем. К задаче Европейского Суда не относится восполнять это упущение (см. Постановление Европейского Суда по делу «Илийков против Болгарии» (Ilijkov v. Bulgaria) от 26 июля 2001, жалоба № 33977/96, § 86, Постановление Европейского Суда по делу «Панченко против Российской Федерации» (Panchenko v. Russia) от 8 февраля 2005 г., жалоба № 45100/98¹, § 105, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Георгий Николаишвили против Грузии», § 77).

234. В своем последующем решении от 7 октября 2013 г. Кутаисский городской суд кратко отметил, что заявитель не указал на какие-либо новые факты или доказательства, а лишь сослался на основания, изложенные в первоначальном решении о заключении заявителя под стражу до суда. Таким образом, суд полностью игнорировал течение времени и ясно дал понять, что именно заявитель должен доказать, что его содержание под стражей более не является оправданным (см. § 51 настоящего Постановления). Однако в соответствии с пунктом 3 статьи 5 Конвенции обязанность

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2005. № 9 (примеч. редактора).

выяснять сохранение причин, оправдывающих дальнейшее содержание под стражей до суда, возлагается на власти, а не на лицо, содержащееся под стражей (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Илийков против Болгарии», § 85, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Быков против Российской Федерации» (Bykov v. Russia) от 10 марта 2009 г., жалоба № 4378/02¹, § 64, *in fine*). Как уже отмечалось, даже если такие причины и существуют при первоначальном заключении под стражу, они могут изменяться с течением времени. Причины, выдвинутые Кутаисским городским судом 7 октября 2013 г., были недостаточны для обоснования продолжения содержания заявителя под стражей.

235. Ввиду вышеизложенного Европейский Суд заключает, что по крайней мере с 25 сентября 2013 г. и далее содержание заявителя под стражей в нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции перестало быть обоснованным достаточными основаниями.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 4 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

236. Заявитель также жаловался на то, что решение Кутаисского городского суда от 25 сентября 2013 г., отклоняющее его ходатайство об освобождении из-под стражи, было вынесено в устной форме и не содержало какой-либо мотивировки. При этом он ссылаясь на пункт 4 статьи 5 Конвенции, который гласит:

«Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

237. Палата Европейского Суда, отметив, что она изучила вопрос об отсутствии мотивировки решения Кутаисского городского суда от 25 сентября 2013 г. в соответствии с пунктом 3 статьи 5 Конвенции, решила, что отсутствует необходимость рассматривать тот же вопрос в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Конвенции.

238. Заявитель указал, что 25 сентября 2013 г. Кутаисский городской суд отклонил в устной форме его ходатайство об освобождении из-под стражи без объяснения причин своего решения, сделав тем самым его последующее содержание под стражей произвольным. Поскольку первоначальные риски скрыться от правосудия и воспрепятствовать производству по делу, которые вообще не были надлежащим образом обоснованы, неизбежно ослаблялись с течением времени, то отсутствие каких-либо мотивировок особенно вызывало вопросы.

239. Доводы властей Грузии по поводу этой части жалобы кратко изложены в § 220 настоящего Постановления.

240. Европейский Суд уже рассмотрел в контексте пункта 3 статьи 5 Конвенции тот факт, что Кутаисский городской суд не мотивировал свое решение от 25 сентября 2013 г., отклонившее ходатайство заявителя об освобождении из-под стражи (см. § 233 настоящего Постановления). Он не усматривает необходимости анализировать тот же вопрос и в контексте пункта 4 статьи 5 Конвенции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Ходорковский и Лебедев против Российской Федерации» (Khodorkovskiy and Lebedev v. Russia) от 25 июля 2013 г., жалобы №№ 11082/06 и 13772/05², § 525).

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 18 КОНВЕНЦИИ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С ПУНКТОМ 1 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

241. В своей жалобе заявитель утверждал, что цель уголовного дела в отношении него и его содержания под стражей до суда состояла в том, чтобы устранить его из политической жизни и не допустить его участия в президентских выборах в Грузии в октябре 2013 года.

242. В своих замечаниях, представленных в Палату Европейского Суда 19 декабря 2014 г. в ответ на комментарии властей Грузии, заявитель также отметил, что 14 декабря 2013 г. генеральный прокурор попытался использовать его содержание под стражей в качестве рычага давления, чтобы заставить его предоставить информацию о банковских счетах Саакашвили и смерти Жвании.

243. Заявитель ссылаясь на статью 18 Конвенции, которая гласит:

«Ограничения, допускаемые в настоящей Конвенции в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться для иных целей, нежели те... для которых они были предусмотрены».

A. ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПАЛАТЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

244. Палата Европейского Суда не была убеждена в том, что уголовное дело в отношении заявителя и его содержание под стражей до суда были направлены на то, чтобы исключить его из политической жизни Грузии, отметив, что единственными доказательствами, приводимыми в поддержку этого утверждения, были заявления от учреждений, неправительственных организаций и общественных деятелей. Однако Палата Европейского Суда была убеждена в действительности сообщения заявителя о его ночной встрече с генераль-

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2009. № 6 (примеч. редактора).

² См.: Российская хроника Европейского Суда. 2015. № 1 (примеч. редактора).

ным прокурором. Она сочла версию заявителя об этом событии последовательной и подробной. Палата Европейского Суда также отметила, что заявитель озвучил свои утверждения сразу после этой встречи, что его рассказ был частично подтвержден официальным лицом, Л.М., которая была уволена вскоре после ее высказывания, что власти не обеспечили доступ к записям с камер видеонаблюдения в тюрьме, которые могли бы прояснить обстоятельства события, а также что власти не проверили надлежащим образом инцидент и не предоставили материалов его расследования Генеральной инспекцией Министерства по исполнению наказаний, пробации и юридической помощи Грузии. Палата Европейского Суда пришла к выводу, что содержание заявителя под стражей использовалось не только в законных правоохранительных целях, а также для других: способствовать расследованию властей по факту смерти Жвани и предоставить им возможность узнать о банковских счетах Саакашвили. Соответственно, Палата Европейского Суда пришла к выводу, что по делу властями Грузии было допущено нарушение статьи 18 Конвенции.

В. ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВОЗРАЖЕНИЕ ВЛАСТЕЙ ГРУЗИИ

1. Доводы сторон

245. Власти Грузии указали, что заявитель не представил свои утверждения о встрече с генеральным прокурором в течение шести месяцев после предположительной встречи или даже в течение шести месяцев после того, как его адвокату сообщили, что расследование данного вопроса Генеральной инспекцией Министерства по исполнению наказаний, пробации и юридической помощи Грузии было закрыто. По мнению властей Грузии, тем самым заявитель не выполнил правило шестимесячного срока для подачи жалобы, установленное пунктом 1 статьи 35 Конвенции.

246. Заявитель настаивал на том, что он подал свою жалобу в отношении статьи 18 Конвенции своевременно. Он также отметил, что предполагаемый инцидент произошел после того, как он подал свою жалобу в Европейский Суд, и указал, что довод властей Грузии неверен.

2. Мнение Большой Палаты Европейского Суда

247. Хотя власти Грузии не выдвигали вышеуказанное возражение в своих замечаниях по приемлемости жалобы для ее рассмотрения по существу при производстве по делу в Палате Европейского Суда, не может иметь места лишение права подавать возражения, несмотря на требования пра-

вила 55 Регламента Суда, потому что правило шестимесячного срока, установленное в пункте 1 статьи 35 Конвенции, является правилом публичной политики, которое Европейский Суд может и должен применять даже по собственной инициативе (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сабри Гюнеш против Турции» (*Sabri Güneş v. Turkey*) от 29 июня 2012 г., жалоба № 27396/06, §§ 25–31, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Блохин против Российской Федерации» (*Blokhin v. Russia*), жалоба № 47152/06¹, §§ 102–103, *ECHR* 2016), и даже впервые в производстве по делу в Большой Палате Европейского Суда после передачи ей дела (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Свинаренко и Сляднев против Российской Федерации» (*Svinarenko and Slyadnev v. Russia*), жалобы №№ 32541/08 и 43441/08², § 85, *ECHR* 2014 (извлечения)).

248. Следовательно, Большая Палата Европейского Суда вправе рассмотреть вопрос о том, было ли соблюдено правило шестимесячного срока для подачи жалобы.

249. Тайная встреча с генеральным прокурором, как утверждается, состоялась немногим более трех недель спустя после подачи жалобы в Европейский Суд (см. §§ 1 и 60 настоящего Постановления), поэтому утверждения в отношении нее не могли фигурировать в жалобе. Они не были надлежащим образом представлены Европейскому Суду, пока заявитель не подал свои комментарии в ответ на замечания властей Грузии в ходе разбирательства в Палате Европейского Суда 19 декабря 2014 г. Это произошло спустя более шести месяцев после предполагаемой встречи и более шести месяцев после того, как адвокат заявителя был проинформирован о том, что расследование по этому факту Генеральной инспекции Министерства по исполнению наказаний, пробации и юридической помощи Грузии было завершено (см. § 89 настоящего Постановления). Если утверждения должны рассматриваться как отдельная часть жалобы, то они были выдвинуты несвоевременно.

250. Однако Большая Палата Европейского Суда не считает, что данные утверждения являлись отдельной частью жалобы в соответствии со статьей 18 Конвенции. Они являются еще одним аспектом или еще одним аргументом в поддержку уже представленной части жалобы, а именно что ограничение права заявителя на свободу было применено в целях, не предусмотренных Конвенцией (см., *mutatis mutandis*, Решение Европейского Суда по делу «Греко-католический приход Сэмбата Бихор против Румынии» (*Sâmbata Bihor Greek Catholic Parish v. Romania*) от 25 мая 2004 г., жало-

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 12 (примеч. редактора).

² См.: там же. 2014. № 11 (примеч. редактора).

ба № 48107/99, Постановление Европейского Суда по делу «Расмуссен против Польши» (Rasmussen v. Poland) от 28 апреля 2009 г., жалоба № 38886/05, § 30, а также Постановление Европейского Суда по делу «Матлоом против Греции» (Mathloom v. Greece) от 24 апреля 2012 г., жалоба № 48883/07, § 39, и в качестве противоположного примера Решение Европейского Суда по делу «Экимджиев против Болгарии» (Ekimdjiev v. Bulgaria) от 3 марта 2005 г., жалоба № 47092/99, Решение Европейского Суда по делу «Корнеа против Румынии» (Cornea v. Romania) от 15 мая 2012 г., жалоба № 13755/03, § 51, Постановление Европейского Суда по делу «Кырлангыч против Турции» (Kırlangıç v. Turkey) от 25 сентября 2012 г., жалоба № 30689/05, § 54, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Фабиан против Венгрии» (Fábián v. Hungary), жалоба № 78117/13¹, §§ 95–97, ECHR 2017 (извлечения). При рассмотрении жалобы Европейский Суд может принимать во внимание факты, которые являются последующими за ней, но непосредственно связаны с теми фактами, которые охватываются ею (см. Постановление Европейского Суда по делу «Стогмюллер против Австрии» (Stögmüller v. Austria) от 10 ноября 1969 г., с. 41, § 7, Series A, № 9, Постановление Европейского Суда по делу «Матцнеттер против Австрии» (Matznetter v. Austria) от 10 ноября 1969 г., с. 31–32, § 5, Series A, № 10, а также позднее вынесенное Постановление Европейского Суда по делу «Хайлетдинов против Российской Федерации» (Khayletdinov v. Russia) от 12 января 2016 г., жалоба № 2763/13², § 82).

251. Отсюда следует, что Большой Палате Европейского Суда ничто не препятствует рассматривать такие утверждения и что возражение властей Грузии должно быть отклонено.

С. СУЩЕСТВО ЖАЛОБЫ

1. Доводы сторон

(а) Заявитель

252. Заявитель указал, что статья 18 Конвенции является ее основополагающей нормой. Ее цель заключается в защите демократических ценностей, которые, как следует из Преамбулы Конвенции и прецедентной практики Европейского Суда, лежат в основе всей Конвенции. Плюрализм, свободные выборы и политические партии являются ключевыми среди этих ценностей. Это особенно актуально в настоящем деле, когда уголовное преследование использовалось для того, чтобы не допустить

участия в политическом процессе крупного оппозиционного политика. Роль статьи 18 Конвенции заключается в предотвращении таких злоупотреблений. На вопрос о том, каким образом должны быть оформлены жалобы в соответствии с этим положением Конвенции, Европейским Судом был дан непоследовательный ответ в его прецедентной практике. Расхождения могут быть выявлены, в частности, в отношении стандарта доказывания и видов доказательств, способных продемонстрировать скрытую цель. Эти вопросы должны решаться гибким и реалистичным образом, например, требуя от заявителей возбуждения дела *prima facie*³, а затем перекладывать бремя доказывания на государство-ответчика, или принимая во внимание более широкий контекст. В тех случаях, когда власти преследовали несколько целей, наличие даже одной цели, не предусмотренной Конвенцией, является достаточным основанием для признания нарушения.

253. В деле заявителя были две линии доказательств, демонстрирующих скрытый смысл его задержания и содержания под стражей до суда. С одной стороны, имелись доказательства того, что его вывезли из камеры 14 декабря 2013 г. и генеральный прокурор оказал на него давление с целью получить от него информацию о смерти Жвани и банковских счетах Саакашвили. С другой стороны, весь контекст дела свидетельствует о том, что заявитель и другие члены его политической партии стали мишенями для преследования по политическим причинам.

254. Версия событий 14 декабря 2013 г., изложенная заявителем, по ряду причин представлялась более правдоподобной, чем версия властей Грузии. Заявитель рассказал об этом событии своим адвокатам, а затем при первой же возможности публично сообщил об этом. Его последующие сведения об инциденте были подробными и последовательными. Старшие должностные лица с самого начала решительно опровергали его утверждения и выступали против надлежащего расследования по ним. Оба расследования по данным утверждениям были проведены должностными лицами, которые не были достаточно независимыми. Второе расследование, проведенное Генеральной прокуратурой Грузии, была начато только после вынесения Постановления Палатой Европейского Суда по настоящему делу. Объяснение властей Грузии по поводу ограниченного количества времени, в течение которого хранились записи с камер видеонаблюдения, было неубедительным. Видеозаписи с камер наблюдения частных учреждений и дорожных камер не были надлежащим образом изучены и не были показаны адвокату заявителя, несмотря на его настоятельные просьбы. Показания сотрудни-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2018. № 7 (примеч. редактора).

² См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 11 (примеч. редактора).

³ *Prima facie* (лат.) – судя по имеющимся данным, в порядке опровержимой презумпции, первоначально, предположительно, кажущийся достоверным (примеч. редактора).

ков тюрем в ходе внутриведомственной проверки были очень краткими и стереотипными. Ни О.П., ни Д.Д., главные действующие лица инцидента, в ходе этой проверки не были опрошены. Также не была предпринята попытка доставить заявителя в офис Д.Д. для того, чтобы проверить его утверждение о том, что он может узнать этот офис. Странно, что в своих показаниях, данных в ходе уголовного расследования, все сотрудники тюрьмы смогли, не ссылаясь на имеющиеся документы, вспомнить о своих передвижениях и действиях в конкретный день, имевших место двумя с половиной годами ранее, что ставит под сомнение их достоверность. Были опрошены трое заключенных, Г.Ц., И.П. и К.Т., которые подтвердили рассказ заявителя и которые не были должным образом опровергнуты властями Грузии. Показания О.П. и Д.Д. во время второго расследования не вызывали доверия. Не было предпринято каких-либо попыток проверить утверждения заявителя путем проверки записей разговоров с мобильного телефона мужчин в автомобиле, перевозивших его из тюрьмы № 9 в Департамент исполнения наказаний, или с помощью проведения опознания личности. Наконец, не было предоставлено надлежащего объяснения значительных сумм премий, выплаченных различным сотрудникам тюрем в декабре 2013 года.

255. К фактам, свидетельствующим о том, что уголовное дело в отношении заявителя, было политически мотивированным и имело целью исключить его из политической жизни в преддверии президентских выборов 2013 года и позже, относятся следующие: (а) вскоре после парламентских выборов 2012 года были возбуждены уголовные дела в отношении многих бывших членов правительства из партии «Единое национальное движение» и иных бывших высокопоставленных чиновников из партии «Единое национальное движение», что побудило правительства многие иностранных государств, международные организации, такие как Парламентская Ассамблея Совета Европы и неправительственные организации, выразить озабоченность по поводу возможных политических преследований; (б) руководство политического объединения «Грузинская мечта» публично призвало к ликвидации партии «Единое национальное движение», а премьер-министр в частном порядке угрожал одному политическому деятелю партии «Единое национальное движение» уголовными преследованиями членам партии «Единое национальное движение»; (с) в 2015 году Конституционный суд Грузии выразил сожаление в связи с попытками оказать на него общественное давление в деле, возбужденном Г.У.; (d) в 2014 и 2015 годах суды во Франции, Греции и Соединенного Королевства отказали в экстрадиции двух высокопоставленных бывших официальных лиц партии «Единое национальное движение» в Грузию, установив, что уголовное преследование в отношении них было

политически мотивированным, а Интерпол по тому же основанию отозвал или отказался выдать два уведомления о розыске со стороны Интерпола; (е) в отчете Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе о результатах судебного мониторинга был выявлен ряд недостатков в 14 уголовных делах в отношении бывших официальных лиц партии «Единое национальное движение», в том числе в делах в отношении заявителя; (f) в материалах уголовного дела, фигурирующего в настоящем деле в Европейском Суде, обвинение получило показания от 3 969 свидетелей, добилось и получило разрешение вызвать их в судебное заседание с целью запугать их, затянуть рассмотрение дела и таким образом увеличить время содержания заявителя под стражей; (g) производство по этому делу велось в г. Кутаиси, несмотря на то, что заявитель и его сообвиняемый, З.Ч., равно как и большинство свидетелей проживают в г. Тбилиси; (h) несколько тысяч активистов и сторонников партии «Единое национальное движение» сотрудники правоохранительных органов неоднократно допрашивали и запугивали, ряд членов партии «Единое национальное движение» подверглись нападению без адекватного полицейского реагирования на инциденты, а многих официальных лиц партии «Единое национальное движение» на местном уровне заставили уйти в отставку, или они были уволены и привлечены к уголовной ответственности.

(b) Доводы властей Грузии

256. Власти Грузии утверждали, что в прецедентной практике очень мало дел, в которых Европейский Суд рассматривал жалобы в соответствии со статьей 18 Конвенции, поскольку вся структура Конвенции основывается на предположении о том, что власти Высоких Договаривающихся Сторон действуют добросовестно. Заявитель должен был убедительно продемонстрировать, что реальная цель властей отличалась от провозглашенной ими цели. Простого подозрения, насколько бы спорным оно не было, что вся правовая система государства не обладала независимостью и использовалась не по назначению, было недостаточно. В противном случае Европейский Суд должен был бы признавать нарушение статьи 18 Конвенции в каждом случае, когда статус, положение, репутация заявителя и так далее вызывали бы подозрение в том, что ограничения его конвенционных прав были допущены в скрытых политических целях. Иными словами, высокий политический статус не предоставляет человеку иммунитета от судебного преследования. Это было четко сформулировано в прецедентной практике Европейского Суда по статье 18 Конвенции.

257. Дела, в которых было установлено нарушение статьи 18 Конвенции, можно разделить на две группы: в которых имелось прямое доказательство

скрытой цели и в которых, несмотря на отсутствие такого доказательства, можно было обоснованно сделать вывод о наличии скрытой цели на основе конкретных фактов дела.

258. По делам первой группы скрытая цель была прямо изложена в письменных документах: соглашениях с властями или официальных решениях. Доказательства такого рода не могут быть обоснованно опровергнуты или законно оспорены властями государства-ответчика. Однако в настоящем деле подобных доказательств представлено не было, поэтому оно не относится к данной категории.

259. По делам второй группы Европейский Суд сделал обоснованные выводы относительно скрытой цели на основе совокупности фактов, которые не были оспорены сторонами и ясно продемонстрировали скрытую цель. Однако поскольку все факты по рассматриваемому делу продолжают оспариваться и власти Грузии обоснованно опровергли все утверждения заявителя, ни одно из которых не было основано на объективных доказательствах, настоящее дело не относится и к этой категории. Следовательно, отсутствовали основания для таких выводов, как те, которые были сделаны Палатой Европейского Суда по настоящему делу.

260. Презумпцию добросовестности со стороны властей, хотя и опровергаемую теоретически, на практике трудно опровергнуть. Наличие нескольких целей также не смогло ее преодолеть. Презумпция добросовестности может быть опровергнута только с помощью неопровержимых доказательств, представленных заявителем, и при их оценке Европейский Суд мог принять во внимание только конкретные факты дела. Стандарт доказывания в соответствии со статьей 18 Конвенции является очень высоким и может отличаться от стандартов, применяемых внутригосударственными властями, и бремя доказывания остается возложенным на заявителя на протяжении всего разбирательства. Всё это было четко указано в прецедентной практике Европейского Суда.

261. Уголовные дела в отношении заявителя и других членов партии «Единое национальное движение» стали результатом более 20 000 обращений в органы прокуратуры, поданных после выборов в октябре 2012 года людьми, которые стали жертвами злоупотреблений властью во время правления партии «Единое национальное движение». Необходимость уважения и защиты прав этих заявителей была подчеркнута Парламентской Ассамблеей Совета Европы и Специальным советником Европейского союза по конституционной и судебной-правовой реформе и правам человека в Грузии. Международная группа советников прокуратуры, созданная в 2014 году по инициативе генерального прокурора Грузии для проверки материалов громких дел, находившихся в производстве органов прокуратуры Грузии, состоявшая из трех иностранных специалистов в области уго-

ловного правосудия, сочла доказательства по этим делам достаточными для оправдания уголовного преследования. Это свидетельствует о том, что задержание заявителя и его заключение под стражу предназначались лишь для того, чтобы доставить его в компетентный юридический орган по обоснованному подозрению в совершении преступления. Поскольку не было установлено нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции, как подтверждено Палатой Европейского Суда, не было допущено и нарушения статьи 18 Конвенции. В действительности это было единственное дело, в котором Европейский Суд установил нарушение статьи 18 Конвенции во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 5 Конвенции без того, чтобы сначала установить нарушение последнего положения Конвенции, раньше такая возможность существовала лишь теоретически. Во всех предыдущих делах, если Европейский Суд не устанавливал нарушения этой статьи¹, во взаимосвязи с которой указывалась статья 18 Конвенции, он либо не рассматривал жалобу по существу в соответствии со статьей 18 Конвенции, либо не устанавливал нарушения этого положения Конвенции. Рассматриваемое дело является единственным, в котором основополагающие факты продолжали оспариваться сторонами.

262. Доказательства, приведенные в обоснование утверждения заявителя о том, что его уголовное преследование было политически мотивировано, состояли из мнений других лиц. Однако в силу прецедентной практики Европейского Суда подобных мнений было недостаточно, чтобы доказать наличие скрытых целей.

263. Кроме того, отсутствовали прямые или косвенные доказательства, подтверждающие доводы о том, что задержание заявителя использовалось для получения от него информации о смерти Жвани и банковских счетах Саакашвили. Все факты, на которые ссылался заявитель в поддержку этого утверждения, скорее оспаривались, чем четко подтверждались, поэтому они не могут служить основанием для каких-либо выводов. Помимо заявления Л.М. в мае 2014 года, нет доказательств, подтверждающих информацию о том, что заявитель был тайно доставлен к генеральному прокурору. Это сообщение, впервые озвученное через три дня после предполагаемого инцидента, не является доказательством его реальности. Оно было проверено дважды, сначала в ходе проверки Генеральной инспекции Министерства по исполнению наказаний, пробации и юридической помощи Грузии и вновь в ходе расследования, проведенного Генеральной прокуратурой Грузии. Многочисленные доказательства, собранные в ходе этих процедур, показания свидетелей, видеозаписи и тюремные доку-

¹ Так в тексте оригинала Постановления. По-видимому, имеется в виду статья 5 Конвенции (примеч. редактора).

менты свидетельствовали о том, что утверждения заявителя являются ложными.

В ходе слушания в Большой Палате Европейского Суда власти Грузии далее сообщили, что, хотя никто не спрашивал заявителя относительно смерти Жвани 14 декабря 2013 г., всё еще был «огромный вопрос» к нему в отношении обстоятельств этой смерти (см. § 61 настоящего Постановления).

2. Мнение Большой Палаты Европейского Суда

(а) Толкование и применение статьи 18 Конвенции в прецедентной практике бывшей Комиссии по правам человека и Европейского Суда

264. Поскольку рассмотрение Европейским Судом настоящего дела выявило необходимость разъяснения его прецедентной практики по этому вопросу, то сначала Большая Палата проведет обзор существующей прецедентной практики.

(i) Бывшая Комиссия по правам человека

265. Бывшая Комиссия по правам человека, кратко сославшись на статью 18 Конвенции при рассмотрении жалобы в соответствии со статьей 10 Конвенции (см. Решение Комиссии по правам человека по делу «X против Австрии» (X v. Austria) от 5 августа 1960 г., жалоба № 753/60, *Yearbook* 3, с. 310), а затем в контексте действительности отступлений от конвенционных обязательств по статье 15 Конвенции (см. доклад Комиссии по правам человека по делу «Де Бекер против Бельгии» (De Becker v. Belgium) от 8 января 1960 г., жалоба № 214/56, *Series B*, № 2, с. 132–133, § 271, а также доклад Комиссии по правам человека по делу «Дания, Норвегия, Швеция и Нидерланды против Греции» (Denmark, Norway, Sweden and Netherlands v. Greece) от 5 ноября 1969 г., жалоба № 3321/67 и три другие, *Yearbook* 12, с. 112, § 225), впервые рассмотрела жалобу по этой статье более подробно в докладе Комиссии по правам человека по делу «Камма против Нидерландов» (Kamma v. Netherlands) от 14 июля 1974 г., жалоба № 4771/71, *Decisions and Reports* 1, р. 4). Камма был взят под стражу по обвинению в вымогательстве, и полиция использовала период его содержания под стражей, чтобы допросить его по поводу предполагаемой причастности к убийству. Комиссия по правам человека установила два момента, которые Европейский Суд уже подтвердил (см. § 271 настоящего Постановления): (а) хотя статья 18 Конвенции не может применяться самостоятельно, она может быть нарушена, даже если отсутствует нарушение статьи, во взаимосвязи с которой она применяется, и (б) она может быть

нарушена, только если конвенционное право, которое было нарушено, подлежит ограничениям, то есть является квалифицированным, а не абсолютным. Комиссия по правам человека не установила какого-либо нарушения, решив, что полиция имела право действовать таким образом, как она поступила, и что содержание под стражей не причинило ущерба позиции Каммы в деле об убийстве (см. *ibid.*, с. 10–12).

266. В более поздних делах Комиссия по правам человека рассматривала такие жалобы в краткой форме, отклоняя их как явно необоснованные или по существу ввиду отсутствия доказательств (см., например, Решение Комиссии по правам человека по делу «X против Нидерландов» (X v. Netherlands) от 18 декабря 1973 г., жалоба № 5763/72, *Collection* 45, с. 76 на с. 83–84, Решение Комиссии по правам человека по делу «X и Y против Нидерландов» (X and Y v. Netherlands) от 16 марта 1975 г., жалоба № 6202/73, *DR* 1, с. 66 на с. 71, доклад Комиссии по правам человека по делу «Хэндисайд против Соединенного Королевства» (Handyside v. United Kingdom) от 30 сентября 1975 г., жалоба № 5493/72, *Series B*, № 22, с. 52, §§ 174–175, Решение Комиссии по правам человека по делу «Макфили и другие против Соединенного Королевства» (McFeeley and Others v. United Kingdom) от 15 мая 1980 г., жалоба № 8317/78, *DR* 20, с. 44 на с. 102, § 133, Решение Комиссии по правам человека по делу «Бозано против Италии» (Bozano v. Italy) от 12 июля 1984 г., жалоба № 9991/82, *DR* 39, с. 147 на с. 157, а также Решение Комиссии по правам человека по делу «Бозано против Швейцарии» (Bozano v. Switzerland) от 12 июля 1984 г., жалоба № 9009/80, *DR* 39, с. 58 на с. 70).

267. Статье 18 Конвенции было уделено больше внимания в некоторых докладах Комиссии по правам человека. Например, в докладе Комиссии по правам человека по делу «Энгель и другие против Нидерландов» (Engel and Others v. Netherlands) (от 19 июля 1974 г., жалоба № 5100/71 и четыре других), *Series B*, № 20, с. 86, §§ 191–192) ею было установлено, что (а) выбор дисциплинарного, а не уголовного производства не был связан со статьей 18 Конвенции, поскольку она не ограничивала права в соответствии с Конвенцией, и что (б) наличие правомерной цели вмешательства государства в осуществление прав человека означает, что никакая скрытая цель в соответствии со статьей 18 Конвенции не может быть названа. В докладе Комиссии по правам человека по делу «Компания “Таймс Ньюспейперс Лтд.” и другие против Соединенного Королевства» (Times Newspapers Ltd. and Others v. United Kingdom) от 18 мая 1977 г., жалоба № 6538/74, *Series B*, № 28, с. 77, §§ 263–265) в ответ на заявление о том, что побочный эффект вмешательства государства в осуществление прав человека может привести к нарушению

статьи 18 Конвенции, Комиссия по правам человека заявила, что отсутствуют указания на то, что власти преследовали какую-либо цель, отличную от заявленной, которую они уже признали правомерной.

(ii) Постановления Европейского Суда, вынесенные до 2004 года

268. До 2004 года Европейский Суд не устанавливал отдельного нарушения статьи 18 Конвенции или не приводил более чем очень кратких причин для своих выводов в отношении этой статьи. Во всех делах, которые он рассмотрел по существу и в которых была подана жалоба в соответствии со статьей 18 Конвенции, Европейский Суд приходил к выводу, что либо отсутствует необходимость иметь дело с жалобой, или отклонял ее в порядке упрощенного производства со ссылкой на постановления по материально-правовым статьям, во взаимосвязи с которыми указывалась статья 18 Конвенции, часто потому, что стороны либо не приводили соответствующую аргументацию вообще или делали это с недостаточной конкретностью (см. среди прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Энгель и другие против Нидерландов» (*Engel and Others v. Netherlands*) от 8 июня 1976 г., §§ 93 и 104, Series A, № 22, Постановление Европейского Суда по делу «Хэндисайд против Соединенного Королевства» (*Handyside v. United Kingdom*) от 7 декабря 1976 г., § 64, Series A, № 24, Постановление Европейского Суда по делу «Газета “Санди Таймс” против Соединенного Королевства (№ 1)» (*The Sunday Times v. United Kingdom*) (№ 1) от 26 апреля 1979 г., § 75, Series A, № 30, Постановление Европейского Суда по делу «Спорронг и Лённрот против Швеции» (*Sporrong and Lönnroth v. Sweden*) от 23 сентября 1982 г., § 76, Series A, № 52, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Де Йонг, Балье и Ван ден Бринк против Нидерландов», § 63, Постановление Европейского Суда по делу «Бозано против Франции» (*Bozano v. France*) от 18 декабря 1986 г., § 61, Series A, № 111, Постановление Европейского Суда по делу «Акдивар и другие против Турции» (*Akdivar and Others v. Turkey*) от 16 сентября 1996 г., § 99, Reports 1996-IV, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Луканов против Болгарии», § 49, Постановление Европейского Суда по делу «Объединенная коммунистическая партия Турции и другие против Турции» (*United Communist Party of Turkey and Others v. Turkey*) от 30 января 1998 г., § 62, Reports 1998-I, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бейелер против Италии» (*Beueler v. Italy*), жалоба № 33202/96, § 129, ECHR 2000-I, Постановление Европейского Суда по делу «Тимурташ против Турции» (*Timurtaş v. Turkey*), жалоба № 23531/94,

§ 118, ECHR 2000-VI, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кипр против Турции» (*Cyprus v. Turkey*), жалоба № 25781/94, § 206, ECHR 2001-IV, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Партия “Рефак партиси” (Партия благоденствия) и другие против Турции» (*Refah Partisi (the Welfare Party) and Others v. Turkey*), жалоба № 41340/98 и три других, § 137, ECHR 2003-II, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Тахсин Аджар против Турции» (*Tahsin Acar v. Turkey*), жалоба № 26307/95, § 247, ECHR 2004-III).

269. Параллельно с этим в своем первом в истории постановлении по существу дела и ряде последующих дел Европейский Суд использовал статью 18 Конвенции в качестве вспомогательного толкования ограничительных положений иных положений Конвенции или Протоколов к ней (см. Постановление Европейского Суда по делу «Лоулесс против Ирландии (№ 3)» (*Lawless v. Ireland*) (№ 3) от 1 июля 1961 г., с. 59, § 38, Series A, № 3 (о применении статьи 15 Конвенции), упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии», § 93 (о применении пункта 2 статьи 8 Конвенции), упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Винтерверп против Нидерландов», § 39 (о применении пункта 1 статьи 5 Конвенции), упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Гуццарди против Италии», § 102 (о применении пункта 1 статьи 5 Конвенции), упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Эшингдейн против Соединенного Королевства», § 44 (о применении пункта 1 статьи 5 Конвенции), Постановление Европейского Суда по делу «Лингенс против Австрии» (*Lingens v. Austria*) от 8 июля 1986 г., § 36, Series A, № 103 (о применении пункта 2 статьи 10 Конвенции), Постановление Европейского Суда по делу «Гиллоу против Соединенного Королевства» (*Gillow v. United Kingdom*) от 24 ноября 1986 г., § 54, Series A, № 109 (о применении пункта 2 статьи 8 Конвенции), Постановление Европейского Суда по делу «Уикс против Соединенного Королевства» (*Weeks v. United Kingdom*) от 2 марта 1987 г., § 42, Series A, № 114 (о применении пункта 1 статьи 5 Конвенции), упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Бейелер против Италии», § 111 (о применении статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции), Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кафкарис против Кипра» (*Kafkaris v. Cyprus*), жалоба № 21906/04, § 117, ECHR 2008 (о применении пункта 1 статьи 5 Конвенции), Постановление Европейского Суда по делу «Кучерук против Украины» (*Kucheruk v. Ukraine*) от 6 сентября 2007 г., жалоба № 2570/04, § 177 (о применении пункта 1 статьи 5 Конвенции), а также Постановление Европейского Суда по делу «Объединенная маке-

донская организация «Илинден-ПИРИН» и другие против Болгарии (№ 2)» (United Macedonian Organisation Ilinden-PIRIN and Others v. Bulgaria) (№ 2) от 18 октября 2011 г., жалобы №№ 41561/07 и 20972/08, § 83 (о применении пункта 2 статьи 11 Конвенции)).

(iii) Постановления Европейского Суда, вынесенные с 2004 года

270. Первым делом, в котором Европейский Суд рассмотрел жалобу в соответствии со статьей 18 Конвенции более подробно и установил нарушение этого положения Конвенции, было упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Гусинский против Российской Федерации» (§§ 73–78). Гусинский, состоятельный бизнесмен, владевший медиакомпанией, был обвинен и заключен под стражу с целью принудить его продать свою компанию государственной компании.

271. В указанном Постановлении Европейский Суд подтвердил две линии аргументации в соответствии со статьей 18 Конвенции, упоминавшиеся ранее только в решениях и докладах Комиссии по правам человека и решениях Европейского Суда по вопросу о приемлемости жалоб (см. упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам «Камма против Нидерландов», с. 9, «Бозано против Франции», с. 141, «Бозано против Италии», с. 157, а также Решение Европейского Суда по делу «Е.О. и V.P. против Словакии» (E.O. and V.P. v. Slovakia) от 16 сентября 2003 г., жалобы №№ 56193/00 и 57581/00, и Решение Европейского Суда по делу «Оутс против Польши» (Oates v. Poland) от 11 мая 2000 г., жалоба № 35036/97). Первая линия аргументации состояла в том, что статья 18 Конвенции может применяться только во взаимосвязи с другой статьей Конвенции, но могла быть нарушена, даже если не было нарушения другой статьи в отдельности. Вторая линия заключалась в том, что нарушение может иметь место только в том случае, если рассматриваемое по делу право является квалифицированным, то есть подлежащим ограничениям, допускаемым Конвенцией (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Гусинский против Российской Федерации», § 73).

272. Однако Европейский Суд не прояснил два других важных момента. Во-первых, он не разъяснил, какие доказательства потребуются для подтверждения того, что ограничение применялось для скрытой цели. В действительности в деле «Гусинский против Российской Федерации» прямое доказывание следовало из письменного соглашения, одобренного министром правительства, связывая снятие обвинений против Гусинского с продажей его компании, и из условий решения о прекращении уголовного дела в отношении него, в котором говорилось об этом соглашении, кроме того, власти Российской Федерации не пыта-

лись отрицать эту взаимосвязь (см. *ibid.*, § 75). Во-вторых, в рассматриваемом Постановлении неясно объяснялся подход в отношении случаев, как в этом деле, а также часто встречающиеся на практике, если существует множество целей, то есть, если ограничение преследовало обе цели: установленную Конвенцией и скрытую. Он лишь указал, что, поскольку право Гусинского на свободу было ограничено не только в целях, предусмотренных подпунктом «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, но и по другим причинам, то было допущено нарушение статьи 18 Конвенции (см. *ibid.*, §§ 77–78).

273. Даже после вынесения упомянутого Постановления Европейский Суд неоднократно отклонял или отказывался рассматривать жалобы в соответствии со статьей 18 Конвенции без указания подробных причин, как это было до 2004 года (см. среди прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Оджалан против Турции» (Öcalan v. Turkey), жалоба № 46221/99, § 206, ECHR 2005-IV, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сысоева и другие против Латвии» (Sisojeva and Others v. Latvia) (об исключении жалобы из списка подлежащих рассмотрению дел), жалоба № 60654/00, § 129, ECHR 2007-I, Постановление Европейского Суда по делу «Немцов против Российской Федерации» (Nemtsov v. Russia) от 31 июля 2014 г., жалоба № 1774/11¹, §§ 129–130, Постановление Европейского Суда по делу «Навальный и Яшин против Российской Федерации» (Navalnyy and Yashin v. Russia) от 4 декабря 2014 г., жалоба № 76204/11², §§ 116–117, Постановление Европейского Суда по делу «Фрумкин против Российской Федерации» (Frumkin v. Russia), жалоба № 74568/12³, §§ 172–173, ECHR 2016 (извлечения), Постановление Европейского Суда по делу «Каспаров против Российской Федерации» (Kasparov v. Russia) от 11 октября 2016 г., жалоба № 53659/07⁴, §§ 73–74, а также Постановление Европейского Суда по делу «Каспаров и другие против Российской Федерации (№ 2)» (Kasparov and Others v. Russia) (№ 2) от 13 декабря 2016 г., жалоба № 51988/07⁵, § 55).

274. Европейский Суд вернулся к более детальному анализу жалобы по статье 18 Конвенции в 2007 году, когда в своем Постановлении по делу «Чеботари против Республики Молдова» (Sebotari v. Moldova) (от 13 ноября 2007 г., жалоба № 35615/06, §§ 49–53) он установил, что руководитель государственной компании был заклю-

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2015. № 4 (примеч. редактора).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 1 (примеч. редактора).

³ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 7 (примеч. редактора).

⁴ См.: там же. 2017. № 4 (примеч. редактора).

⁵ См.: там же. 2018. № 2 (примеч. редактора).

чен под стражу по сфабрикованным обвинениям, чтобы оказать на него давление с целью воспрепятствовать частной компании, с которой он был связан, добиваться рассмотрения своей жалобы в Европейском Суде. Европейский Суд обосновал данный вывод тем фактом, что материалы дела не могли предоставить разумных предположений о том, что Чеботари мог совершить преступление, из-за которого он был взят под стражу, хотя на мнение Европейского Суда также оказал влияние контекст дела (см. *ibid.*, §§ 52–53).

275. Следующим Постановлением, в котором Европейский Суд детально проанализировал жалобу в соответствии со статьей 18 Конвенции, было упоминавшееся выше дело «Ходорковский против Российской Федерации». Ходорковский, преуспевающий предприниматель, который активно участвовал в политической жизни, жаловался на то, что реальные цели уголовного дела в отношении него и связанное с ним его содержание под стражей до суда заключались в том, чтобы устранить его из общественной жизни страны, что позволит государству получить соответствующие активы его компании, компании «ЮКОС», одной из крупнейших производителей нефти в Российской Федерации (см. *ibid.*, §§ 249 и 251). Европейский Суд не установил в этом деле нарушения статьи 18 Конвенции. Он начал с общего предположения о том, что власти Высоких Договаривающихся Сторон действуют добросовестно, и отметил, что это может быть опровергнуто только в том случае, если заявители «со всей убедительностью продемонстрируют, что подлинная цель органов власти не соответствовала провозглашенной цели (или как эту подлинную цель можно выявить, обратившись к контексту акции государства)» (см. *ibid.*, § 255). В отношении данного утверждения Европейский Суд «применяет весьма строгий стандарт доказывания», а бремя доказывания возложено на заявителя на протяжении всего производства по делу (см. *ibid.*, § 256). Европейский Суд далее отметил, что восприятия Ходорковского властями в качестве серьезного политического оппонента и выгоды для государственной компании в результате ликвидации компании «ЮКОС» было недостаточно, чтобы установить нарушение статьи 18 Конвенции, поскольку от уголовного преследования лица такого высокого статуса выигрывают его оппоненты, а потому обвинения против Ходорковского были подлинными (см. *ibid.*, §§ 257–258). Мнения политических институтов, неправительственных организаций или общественных деятелей о политической мотивированности дела Ходорковского не являлись доказательствами в юридическом смысле (см. *ibid.*, § 259). Решения судов, которые отказались выдать его сообщников Российской Федерации или отказали в предоставлении юридической помощи, издали судебные запреты или принимали решения о взыскании против властей

Российской Федерации в делах, связанных с компанией «ЮКОС», хотя и являлись весомыми аргументами, не были достаточными, поскольку доказательства и доводы в этих судах могли отличаться от тех, что исследовались в Европейском Суде, а также поскольку в любом случае стандарт доказывания, применяемый Европейским Судом в делах по статье 18 Конвенции, очень высок и может отличаться от стандарта, применяемого на внутригосударственном уровне. Утверждение о том, что власти действовали недобросовестно на протяжении всего производства по уголовному делу, требует «бесспорных и прямых доказательств», которых, в отличие от дела «Гусинский против Российской Федерации», представлено не было (см. *ibid.*, § 260).

276. По имеющему отношению к вышеуказанному делу «ОАО «Нефтяная компания "ЮКОС"» против Российской Федерации» (ОАО Neftyanaya Kompaniya Yukos v. Russia) (Постановление Европейского Суда от 20 сентября 2011 г., жалоба № 14902/04¹, §§ 663–666), которое касалось налогового дела, приведшего к ликвидации компании «ЮКОС», Европейский Суд также установил нарушение статьи 18 Конвенции. Он вновь заявил, что данный вывод может быть основан лишь на «бесспорных и прямых доказательствах», представленных заявителем (см. *ibid.*, § 663). Со ссылкой на свои выводы в отношении материальных жалоб компании «ЮКОС» он решил, что власти действовали правомерно в борьбе с уклонением от уплаты налогов и что именно компания-заявительница должна доказать, что при этом они преследовали ненадлежащую цель (см. *ibid.*, § 664). В Постановлении Европейского Суда по делу «Ходорковский против Российской Федерации» Европейский Суд указал, что иные мнения о политических мотивах дела в отношении компании «ЮКОС» не имеют особого доказательственного значения для целей статьи 18 Конвенции. Поскольку не было представлено каких-либо доказательств недостатков в налоговом производстве, Европейский Суд не смог сделать вывод о том, что власти Российской Федерации злоупотребили им, чтобы ликвидировать компанию «ЮКОС» и взять под контроль ее активы (см. *ibid.*, § 665).

277. В течение следующих двух лет Европейский Суд рассматривал жалобы в соответствии со статьей 18 Конвенции по упомянутым выше делам «Луценко против Украины» и «Тимошенко против Украины». Ни в одном из них он не согласился с утверждениями о том, что все уголовные дела в отношении заявителей, бывших министров правительства и лидеров оппозиционных партий, преследовали политические цели. Вместо этого он сосредоточил внимание на конкретных аспектах этих дел (см. упо-

¹ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2012. № 3 (примеч. редактора).

минавшееся выше Постановления Европейского Суда по делам «Луценко против Украины», §§ 104 и 108, и «Тимошенко против Украины», § 298). В Постановлении по делу «Луценко против Украины» доводы следователя в ходатайстве о заключении Луценко под стражу до суда о том, что, общаясь со средствами массовой информации, заявитель пытался исказить общественное мнение, дискредитировать органы прокуратуры и оказать влияние на предстоящее судебное разбирательство, продемонстрировали Европейскому Суду, что содержание под стражей преследовало мотив, не предусмотренный подпунктом «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции: наказать Луценко за публичное оспаривание обвинения против него (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Луценко против Украины», §§ 26 и 108–109). В деле «Тимошенко против Украины» основания в ходатайстве обвинения о заключении Тимошенко под стражу до суда и в соответствующем судебном постановлении показали, что цель заключения состояла в том, чтобы наказать ее за неуважение к суду и предположительно нарушающее порядок поведение во время слушаний дела (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Тимошенко против Украины», §§ 30, 31 и 299).

278. В обоих этих делах Европейский Суд, повторяя (см. §§ 106–107 и 294–295 соответственно) вопрос о бремени доказывания заявителя, как изложено в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Ходорковский против Российской Федерации» (§§ 255–256), но не требование, изложенное в нем о «бесспорных и прямых доказательствах» (см. *ibid.*, § 260, а также § 275 настоящего Постановления), обосновывал свои выводы о нарушении статьи 18 Конвенции на прямых письменных доказательствах скрытой цели, как это было сделано в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Гусинский против Российской Федерации». Вопрос о множественности целей не возник, так как в обоих делах Европейский Суд установил, что не существовало веских оснований содержать заявителей под стражей (см. упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам «Луценко против Украины», §§ 63–65 и 67–72, и «Тимошенко против Украины», §§ 269–271).

279. По упомянутому выше делу «Ходорковский и Лебедев против Российской Федерации» (§§ 897–909), которое касалось более позднего этапа того же уголовного дела, как в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Ходорковский против Российской Федерации», Европейский Суд подтвердил подход к доказыванию, занятый им в предыдущем деле. Он не согласился с мнением заявителей о том, что, если они предоставляют контекстуальные доказательства скрытой цели, то бремя доказывания обратно-

го должно перейти к властям государства-ответчика (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ходорковский и Лебедев против Российской Федерации», §§ 899–903). Европейский Суд не согласился с тем, что всё уголовное дело в отношении заявителей преследовало скрытую цель, и охарактеризовал это утверждение как «огульное», противопоставив его указанием на конкретные эпизоды в деле. Даже при наличии смешанного умысла в данном деле скрытая цель не является основополагающей или решающей, поскольку указанное дело касалось серьезных обвинений, связанных с общеуголовными преступлениями, не связанными с политической деятельностью, и имело «здоровое ядро» (см. *ibid.*, §§ 904–908).

280. Совсем недавно по делу «Чанкотадзе против Грузии» (*Tchankotadze v. Georgia*) (Постановление Европейского Суда от 21 июня 2016 г., жалоба № 15256/05, §§ 114–115) Европейский Суд установил, что публичных угроз о том, что заявитель, высокопоставленный государственный служащий, будет «посажен в тюрьму», высказанных Саакашвили, бывшим сначала кандидатом, а затем избранным президентом, было недостаточно, чтобы обнаружить скрытую цель его уголовного преследования и связанного с ним содержания под стражей до суда, в отсутствие доказательств того, что органы прокуратуры или суда сами руководствовались политическими мотивами.

281. По двум другим упоминавшимся выше делам, «Ильгар Маммадов против Азербайджана» и «Расул Джафаров против Азербайджана», Европейский Суд, вновь подчеркивая (см. §§ 137–138 и 153–154 соответственно) бремя доказывания заявителя, как оно изложено в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Ходорковский против Российской Федерации» (см. *ibid.*, §§ 255–256), но не требование наличия «бесспорных и прямых доказательств» (см. *ibid.*, § 260, а также § 275 настоящего Постановления), установил нарушение статьи 18 Конвенции, основываясь на контекстуальных доказательствах скрытой цели. В указанных делах речь идет о содержании под стражей соответственно оппозиционного политика и блогера, высказывающего критику в адрес правительства, и известного правозащитника. По обоим делам Европейский Суд проанализировал фактические и юридические аспекты обвинения и заключил, что содержание под стражей в нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции не было основано на разумном подозрении (см. упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам «Ильгар Маммадов против Азербайджана», §§ 93–101, и «Расул Джафаров против Азербайджана», §§ 121–134). Самого по себе этого было недостаточно для того, чтобы признать нарушение статьи 18 Конвенции, но доказательство скрытой цели – заставить замолчать или наказать

заявителя в первом случае за критику властей и распространение информации, которую они пытались скрыть, а во втором случае за правозащитную деятельность заявителя, следовало из сопоставления отсутствия подозрительности с контекстуальными факторами. В первом случае это была тесная хронологическая корреляция между записями заявителя в блоге, публичным заявлением властей, осуждающим их, обвинениями и задержанием (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Ильгар Маммадов против Азербайджана», §§ 141–143). Во втором случае речь шла о всё более жестких правилах регулирования деятельности неправительственных организаций и их финансирования в Азербайджане, утверждения официальных лиц, а также проправительственных средств массовой информации о том, что такие активисты, как заявитель, выступают как «пятая колонна», и одновременном заключении под стражу других активистов (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Расул Джафаров против Азербайджана», §§ 156–162).

(b) Необходимость уточнения прецедентной практики

282. Приведенный выше обзор прецедентов по статье 18 Конвенции показывает, что до сих пор в сравнительно редких делах Европейский Суд рассматривал жалобы в соответствии с этим положением Конвенции. Он начал с упоминавшегося выше Постановления Европейского Суда по делу «Ходорковский против Российской Федерации», с общего предположения о том, что власти Высоких Договаривающихся Сторон действуют добросовестно, добавив, что это предположение может быть опровергнуто, если заявитель убедительно доказывает, что цель, ради которой власти ограничили его права, закрепленные в Конвенции или Протоколах к ней, в действительности не та, которая ими указывалась, и она недопустима в соответствии с Конвенцией. Иными словами, тщательное рассмотрение Европейского Суда в таких случаях фокусировалось на проблеме доказывания недобросовестности в этом отношении.

283. Однако поскольку термины статьи 18 Конвенции подчеркивают полноту целей, из-за которых права, закрепленные в Конвенции, могут быть ограничены, они («не должны применяться для иных целей...»), как представляется, способны обеспечить более объективную оценку наличия или отсутствия скрытой цели и, следовательно, злоупотребления властью («*détournement de pouvoir*», как указано в *Travaux Préparatoires* Конвенции, см. § 154 настоящего Постановления). Кроме того, подход, который фокусируется на доказывании недобросовестности, не согласуется с подходом, принятым Европейским Судом в отно-

шении ограничительных положений Конвенции, которые статья 18 Конвенции призвана дополнить. Например, при рассмотрении вопроса о том, является ли вмешательство в права, гарантируемые статьями 8–11 Конвенции, «необходимым в демократическом обществе» для достижения правомерной цели, Европейский Суд всегда настаивает на том, что его надзор не ограничивается установлением того, осуществили ли власти государства-ответчика свои дискреционные полномочия разумно, тщательно и добросовестно (см., например, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Газета “Санди Таймс” против Соединенного Королевства (№ 1)», § 59, а также Постановление Европейского Суда по делу «Олссон против Швеции (№ 1)» (*Olsson v. Sweden*) (№ 1) от 24 марта 1988 г., § 68, Series A, № 130, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Перинчек против Швейцарии» (*Perinçek v. Switzerland*), жалоба № 27510/08¹, § 196(iii), *ECHR* 2015 (извлечения)). По делам в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции добрая воля властей также является только одним из элементов, доказывающим отсутствие произвола (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саади против Соединенного Королевства», §§ 69–74). Кроме того, хотя «недобросовестность» и «скрытая цель» являются связанными понятиями, они необязательно эквивалентны в каждом случае.

284. Кроме того, в делах по статье 18 Конвенции подход Европейского Суда к доказыванию не был полностью последовательным, поскольку некоторые, но не все, из недавно вынесенных постановлений предусматривали наличие необходимых «бесспорных и прямых доказательств» скрытой цели (см. §§ 278 и 281 настоящего Постановления).

285. Наконец, и, пожалуй, самое главное, вышеприведенный обзор прецедентной практики свидетельствует о том, что Европейский Суд до сих пор неясно отделил вопрос о том, как скрытая цель может быть установлена, от вопроса, как ограничение, характеризуемое множественностью целей, должно быть проанализировано в соответствии со статьей 18 Конвенции.

286. Таким образом, необходимо, чтобы Европейский Суд разъяснил эти аспекты и в более общем плане подробно изложил подход к толкованию и применению статьи 18 Конвенции.

(c) Толкование и применение статьи 18 Конвенции

287. Как и статья 14 Конвенции, статья 18 Конвенции не имеет самостоятельного значения (см. в отношении статьи 14 Конвенции, Постановление

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 4 (примеч. редактора).

Европейского Суда по делу «Маркс против Бельгии» (Marckx v. Belgium) от 13 июня 1979 г., § 32, Series A, № 31, Постановление Европейского Суда по делу «Ван дер Мюсселе против Бельгии» (Van der Musselle v. Belgium) от 23 ноября 1983 г., § 43, Series A, № 70, Постановление Европейского Суда по делу «Расмуссен против Дании» (Rasmussen v. Denmark) от 28 ноября 1984 г., § 29, Series A, № 87, Постановление Европейского Суда по делу «Абдулазиз, Кабалес и Балкандали против Соединенного Королевства» (Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. United Kingdom) от 28 мая 1985 г., § 71, Series A, № 94, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Тхлимменос против Греции» (Thlimmenos v. Greece), жалоба № 34369/97, § 40, ECHR 2000-IV, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Константин Маркин против Российской Федерации» (Konstantin Markin v. Russia), жалоба № 30078/06¹, § 124, ECHR 2012 (извлечения). Она может применяться только во взаимосвязи со статьей Конвенции или Протоколов к ней, в которых излагаются или ограничиваются права и свободы, которые Высокие Договаривающиеся Стороны обязались гарантировать тем, кто находится под их юрисдикцией (см. упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам «Камма против Нидерландов», с. 9, «Гусинский против Российской Федерации», § 73, «Чеботари против Республики Молдова», § 49, «Ходорковский против Российской Федерации», § 254, «ОАО “Нефтяная компания “ЮКОС” против Российской Федерации», § 663, «Луценко против Украины», § 105, «Тимошенко против Украины», § 294, «Ильгар Маммадов против Азербайджана», § 137, «Расул Джафаров против Азербайджана», § 153, «Чанкотадзе против Грузии», § 113, в которых была высказана та же идея, что статья 18 Конвенции «не играет автономной роли»). Данное правило следует из его формулировки, которая дополняет такие положения, как, например, второе предложение пункта 1 статьи 5 Конвенции и вторые пункты статей 8–11 Конвенции, которые допускают ограничение этих прав и свобод, и его места в Конвенции в конце Раздела I, который содержит статьи, определяющие и ограничивающие эти права и свободы.

288. Однако статья 18 Конвенции не служит лишь для разъяснения сферы действия этих ограничительных положений. Она прямо запрещает Высоким Договаривающимся Сторонам ограничивать права и свободы, закрепленные в Конвенции, для целей, не предусмотренных самой Конвенцией, и в этом смысле она является автономной (см., *mutatis mutandis*, в отношении статьи 14 Конвенции, упоминавшиеся выше

Постановления Европейского Суда по делам «Расмуссен против Польши», § 29, «Абдулазиз, Кабалес и Балкандали против Соединенного Королевства», § 71, «Тхлимменос против Греции», § 40, а также упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда «Константин Маркин против Российской Федерации», § 124). Поэтому, как и в отношении статьи 14 Конвенции, может быть установлено нарушение статьи 18 Конвенции, даже если нет нарушения статьи, во взаимосвязи с которой она применяется (см. упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам «Камма против Нидерландов», с. 9, «Гусинский против Российской Федерации», § 73, а также «Чеботари против Республики Молдова», § 49).

289. Наконец, осознавая, как уже подчеркивалось, определенную непоследовательность в своих предыдущих постановлениях, касавшихся использования терминов «самостоятельный» и «автономный» в этих контекстах, Европейский Суд воспользуется возможностью, предлагаемой в настоящем деле, согласовать формулировки, используемые в отношении статьи 18 Конвенции в связи со статьей 14 Конвенции, как это было сделано выше.

290. Из условий статьи 18 Конвенции следует, что нарушение может иметь место только в том случае, если рассматриваемое право или свобода относятся к ограничениям, допускаемым Конвенцией (см. упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам «Камма против Нидерландов», с. 10, «Гусинский против Российской Федерации», § 73, «Чеботари против Республики Молдова», § 49, а также «ОАО “Нефтяная компания “ЮКОС” против Российской Федерации», § 663).

291. Сам по себе тот факт, что ограничение того или иного права или той или иной свободы, закрепленной в Конвенции, не отвечает всем требованиям положения, разрешающего их, необязательно поднимает вопрос согласно статье 18 Конвенции. Отдельное рассмотрение жалобы в соответствии с этой статьей Конвенции будет оправдано только в том случае, если утверждение о том, что ограничение было применено в целях, не предусмотренных Конвенцией, представляется основополагающим аспектом дела (см., *mutatis mutandis*, в отношении статьи 14 Конвенции Постановление Европейского Суда по делу «Эйри против Ирландии» (Airey v. Ireland) от 9 октября 1979 г., § 30, Series A, № 32, Постановление Европейского Суда по делу «Даджен против Соединенного Королевства» (Dudgeon v. United Kingdom) от 22 октября 1981 г., § 67, Series A, № 45, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Шассаньо и другие против Франции» (Chassagnou and Others v. France), жалоба № 25088/94 и две другие, § 89, ECHR 1999-III, Постановление Европейского Суда по делу «Азиз против Кипра» (Aziz v. Cyprus), жалоба № 69949/01, § 35, ECHR 2004-V, Постановление

¹ Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 6 (примеч. редактора).

Европейского Суда по делу «Тимишев против Российской Федерации» (Timishev v. Russia), жалобы №№ 55762/00 и 55974/00¹, § 53, ECHR 2005-XII, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Оршуш и другие против Хорватии» (Oršuš and Others v. Croatia), жалоба № 15766/03, § 144, ECHR 2010).

(i) Множественность целей

292. Право или свобода иногда ограничивается исключительно в целях, не предусмотренных Конвенцией. Однако в равной степени возможно, что ограничение применяется как для скрытой цели, так и для цели, предписанной Конвенцией, иными словами, оно преследует множественность целей. Вопрос в таких ситуациях заключается в том, всегда ли предписанная цель исключает скрытую цель, противоречит ли само наличие скрытой цели статье 18 Конвенции или же существует какой-либо промежуточный ответ.

293. При оценке этого аспекта Европейский Суд начнет с учета формулировки статьи 18 Конвенции и ее места в общей схеме Конвенции. Как уже отмечалось, она дополняет положения, предусматривающие ограничения прав и свобод, закрепленных в Конвенции. Ее формулировка («не должны применяться для иных целей, нежели те...») близко соответствует формулировке этих положений (например, второго предложения пункта 1 статьи 5 Конвенции: «иначе как в следующих случаях»; пункта 2 статьи 8 Конвенции: «не допускается вмешательство... за исключением случаев, когда... необходимо в интересах...»; пункта 2 статьи 9 Конвенции: «подлежит лишь тем ограничениям, которые... необходимы... в интересах»; а также пункта 2 статьи 11 Конвенции: «никаким ограничениям, кроме тех, которые... необходимы... в интересах...»). Сходство еще яснее в тексте Конвенции на французском языке (статья 18 Конвенции: «*que dans le but*»; пункт 1 статьи 5 Конвенции: «*sauf dans les cas suivants*»; пункт 2 статьи 8 Конвенции: «*Il ne peut y avoir ingérence... que pour autant que*»; пункт 2 статьи 9 Конвенции: «*d'autres restrictions que celle qui*»; пункт 2 статьи 11 Конвенции: «*ne peut faire l'objet d'autres restrictions que celles qui*»). Поскольку Конвенция должна толковаться таким образом, чтобы способствовать гармонии между ее положениями (см. среди прочих примеров Постановление Европейского Суда по делу «Класс и другие против Германии» (Klass and Others v. Germany) от 6 сентября 1978 г., § 68, Series A, № 28, Решение Большой Палаты Европейского Суда по делу «Стек и другие против Соединенного Королевства» (Stec and Others v. United Kingdom), жалобы №№ 65731/01 и 65900/01, § 48, ECHR 2005-X, а также Поста-

новление Большой Палаты Европейского Суда по делу «А и В против Норвегии» (A and B v. Norway), жалобы №№ 24130/11 и 29758/11, § 133, ECHR 2016), и поскольку при использовании одних и тех же терминов ее различные положения, как правило, должны иметь в виду одну и ту же концепцию (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Перинчек против Швейцарии», §§ 134 и 146, с дальнейшими ссылками), при толковании статьи 18 Конвенции Европейскому Суду, таким образом, необходимо учитывать его обычный подход к этим пунктам ограничения.

294. Перечни правомерных целей, для достижения которых статьи 8–11 Конвенции допускают вмешательство в гарантируемые ими права, являются исчерпывающими (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Голдер против Соединенного Королевства», § 44, а также Постановление Европейского Суда по делу «Шнеерсоне и Кампанелла против Италии» (Šneersones and Campanella v. Italy) от 12 июля 2011 г., жалоба № 14737/09², § 90, в отношении пункта 2 статьи 8 Конвенции; Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «S.A.S. против Франции» (S.A.S. v. France), жалоба № 43835/11, § 113, ECHR 2014 (извлечения), в отношении пункта 2 статьи 9 Конвенции; упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Газета “Санди Таймс” против Соединенного Королевства (№ 1)», § 65, в отношении пункта 2 статьи 10 Конвенции; Постановление Европейского Суда по делу «Сидиропулос и другие против Греции» (Sidiropoulos and Others v. Greece) от 10 июля 1998 г., § 38, Reports 1998-IV, в отношении пункта 2 статьи 11 Конвенции; см. также в целом в отношении статей 8–11 Конвенции Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Жданок против Латвии» (Ždanoka v. Latvia), жалоба № 58278/00, § 115(b), ECHR 2006-IV, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Йумак и Садак против Турции» (Yumak and Sadak v. Turkey), жалоба № 10226/03, § 109(iii), ECHR 2008, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ситаропулос и Гиакумопулос против Греции» (Sitaropoulos and Giakoumopoulos v. Greece), жалоба № 42202/07, § 64, ECHR 2012).

295. Всё же в делах по этим положениям, а также согласно статьям 1–3 Протокола № 1 к Конвенции или пунктам 3 и 4 статьи 2 Протокола № 4 к Конвенции перед государством-ответчиком, как правило, стоит сравнительно простая задача: убедить Европейский Суд в том, что вмешательство государства в осуществление прав человека преследовало правомерную цель, даже когда заяви-

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 8 (примеч. редактора).

² См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 1 (примеч. редактора).

тели убедительно доказывают, что оно в действительности преследовало необозначенную скрытую цель (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Вебер против Швейцарии» (Weber v. Switzerland) от 22 мая 1990 г., §§ 44–45, Series A, № 177, Постановление Европейского Суда по делу «Компания “Информационсфереин Лентиа” и другие против Австрии» (Informationsverein Lentia and Others v. Austria) от 24 ноября 1993 г., §§ 31 и 33, Series A, № 276, Решение Европейского Суда по делу «Федерация профсоюзов работников морских нефтяных промыслов и другие против Норвегии» (Federation of Offshore Workers' Trade Unions v. Norway), жалоба № 38190/97, ECHR 2002-VI, а также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Объединенная македонская организация “Илинден-ПИРИН” и другие против Болгарии (№ 2)», §§ 85–90).

296. Дел, в которых Европейский Суд выразил сомнения по поводу указанной цели без вынесения решения по этому вопросу (см., например, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Канджов против Болгарии», § 73, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Тэнасе против Республики Молдова» (Tănase v. Moldova), жалоба № 7/08, §§ 164–170, ECHR 2010, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Баятыан против Армении» (Bayatyan v. Armenia), жалоба № 23459/03¹, § 117, ECHR 2011, а также Постановление Европейского Суда по делу «Стамосе против Болгарии» (Stamose v. Bulgaria), жалоба № 29713/05, § 32, ECHR 2012), оставили вопрос открытым (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Христианско-демократическая народная партия против Республики Молдова (№ 1)» (Christian Democratic People's Party v. Moldova) (№ 1), жалоба № 28793/02, § 54, ECHR 2006-II, Постановление Европейского Суда по делу «Христианско-демократическая народная партия против Республики Молдова (№ 2)» (Christian Democratic People's Party v. Moldova) (№ 2) от 2 февраля 2010 г., жалоба № 25196/04, § 19, а также Постановление Европейского Суда по делу «Алексеев против Российской Федерации» (Alekseyev v. Russia) от 21 октября 2010 г., жалоба № 4916/07 и две других², § 69) или отклонил одну или несколько из указанных целей, мало, и они редко встречаются (см., например, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Сидиропулос и другие против Греции», §§ 37–38, Постановление Европейского Суда по делу «Союз изобразительных искусств против

Австрии» (Vereinigung Bildender Künstler v. Austria) от 25 января 2007 г., жалоба № 68354/01, § 31, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Штолль против Швейцарии» (Stoll v. Switzerland), жалоба № 69698/01, §§ 54–55, ECHR 2007-V, упоминавшиеся выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «S.A.S. против Франции», §§ 118–120, «Перинчек против Швейцарии», §§ 146–154). Дела, в которых Европейский Суд установил нарушение статьи 18 Конвенции исключительно ввиду отсутствия правомерной цели, встречаются еще реже (см. Постановление Европейского Суда по делу «Хужин и другие против Российской Федерации» (Khuzhin and Others v. Russia) от 23 октября 2008 г., жалоба № 13470/02³, §§ 117–118, Постановление Европейского Суда по делу «Нолан и К. против Российской Федерации» (Nolan and K. v. Russia) 12 февраля 2009 г., жалоба № 2512/04⁴, §§ 73–74, Постановление Европейского Суда по делу «Р. и S. против Польши» (P. and S. v. Poland) от 30 октября 2012 г., жалоба № 57375/08, § 133, а также Постановление Европейского Суда по делу «Караянов против Македонии» (Karajnov v. the former Yugoslav Republic of Macedonia) от 6 апреля 2017 г., жалоба № 2229/15, §§ 75–77), хотя в недавно рассмотренном деле Большая Палата Европейского Суда установила отсутствие правомерной цели и всё же продолжила изучать, было ли необходимо вмешательство (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бака против Венгрии» (Baka v. Hungary), жалоба № 20261/12⁵, §§ 156–157, ECHR 2016).

297. Европейский Суд действительно признавал, что в большинстве случаев он рассматривает данный вопрос в упрощенном порядке (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «S.A.S. против Франции», § 114). Даже когда он исключает из анализа некоторые из указанных целей, если он признает, что вмешательство преследует хотя бы одну из них, он не углубляется в этот вопрос и продолжает оценивать, было ли оно необходимо в демократическом обществе для достижения этой цели (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Компании “Оупен Дор” и “Даблин Уэлл Вумэн” против Ирландии» (Open Door and Dublin Well Woman v. Ireland) от 29 октября 1992 г., §§ 61–63, Series A, № 246-A, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Сидиропулос и другие против Греции», §§ 39–47, Постановление Европейского Суда по делу «Никюла против Финляндии» (Nikula v. Finland), жало-

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 5 (примеч. редактора).

² См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 11 (примеч. редактора).

³ См.: Российская хроника Европейского Суда. 2009. № 3 (примеч. редактора).

⁴ См.: там же. 2010. № 1 (примеч. редактора).

⁵ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 10 (примеч. редактора).

ба № 31611/96, § 38, *ECHR* 2002-II, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Союз изобразительных искусств против Австрии», §§ 29 и 32–39, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Штолль против Швейцарии», §§ 56–62 и 101–162, Постановление Европейского Суда по делу «А.А. против Соединенного Королевства» (*A.A. v. United Kingdom*) от 20 сентября 2011 г., жалоба № 8000/08, §§ 52–71, а также упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Перинчек против Швейцарии», §§ 155–157 и 196–281).

298. Перечень ситуаций, в которых пункт 1 статьи 5 Конвенции допускает лишение свободы, также является исчерпывающим (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Энгель и другие против Нидерландов», § 57, Постановление Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (*Ireland v. United Kingdom*) от 18 января 1978 г., § 194, *Series A*, № 25, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Винтерверп против Нидерландов», § 37, а также упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саади против Соединенного Королевства», § 43), за исключением случаев, когда оно применяется в контексте международного вооруженного конфликта к заключению под стражу военнопленных или гражданских лиц, представляющих угрозу для безопасности (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Хассан против Соединенного Королевства» (*Hassan v. United Kingdom*), жалоба № 29750/09, § 104, *ECHR* 2014). Если какой-либо конкретный случай лишения свободы не относится к сфере действия какого-либо из подпунктов этого положения Конвенции, как оно толкуется Европейским Судом, то это не может быть сделано в порядке обращения к необходимости сбалансировать интересы государства с интересами задержанного лица (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «А. и другие против Соединенного Королевства» (*A. and Others v. United Kingdom*), жалоба № 3455/05, § 171, *ECHR* 2009, а также Постановление Европейского Суда по делу «Байсуев и Анзоров против Грузии» (*Baisuev and Anzorov v. Georgia*) от 18 декабря 2012 г., жалоба № 39804/04, § 60).

299. Хотя только подпункты «с» и «d» ссылаются на «цель» видов лишения свободы, которые они охватывают, из их формулировки и общей структуры пункта 1 статьи 5 Конвенции следует, что это требование подразумевается во всех подпунктах указанной статьи Конвенции. Хотя это относится к вопросам, которые Европейский Суд проверяет в каждом деле (см. Постановление Европейского Суда по делу «Стоичков против Болгарии» (*Stoichkov v. Bulgaria*) от 24 марта 2005 г., жалоба № 9808/02,

§ 52, в отношении подпункта «а»; Постановление Европейского Суда по делу «Гатт против Мальты» (*Gatt v. Malta*), жалоба № 28221/08, §§ 42 и 48, *ECHR* 2010; Постановление Европейского Суда по делу «Остендорф против Германии» (*Ostendorf v. Germany*) от 7 марта 2013 г., жалоба № 15598/08, § 97; упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Байсуев и Анзоров против Грузии», §§ 57–58, в отношении подпункта «b»; упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Энгель и другие против Нидерландов», § 69, и постановления, упоминаемые в § 185 настоящего Постановления в отношении подпункта «с»; Постановление Европейского Суда по делу «Буамар против Бельгии» (*Bouamar v. Belgium*) от 29 февраля 1988 г., § 50, *Series A*, № 129, в отношении подпункта «d»; упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Эшингдейн против Соединенного Королевства», § 48, а также Постановление Европейского Суда по делу «Энхорн против Швеции» (*Enhorn v. Sweden*), жалоба № 56529/00, § 35, *ECHR* 2005-I, в отношении подпункта «e»; Постановление Европейского Суда по делу «Чahal против Соединенного Королевства» (*Chahal v. United Kingdom*) от 15 ноября 1996 г., § 112, *Reports* 1996-V, а также упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саади против Соединенного Королевства», §§ 77 и 79, в отношении подпункта «f»). Европейский Суд обычно не отделяет его четко от других элементов, влияющих на совместимость содержания под стражей с пунктом 1 статьи 5 Конвенции.

300. Кроме того, по такого рода делам, если Европейский Суд признает, что заключение под стражу было осуществлено с целью, санкционированной одним подпунктом, то он обычно далее не проверяет, не преследовало ли оно также и другую цель (см., например, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делам «Винтерверп против Нидерландов», § 42, *in fine*, «Броган и другие против Соединенного Королевства», § 53, а также «К.-Ф. против Германии», § 62). Кроме того, достаточно соблюдения одного подпункта, чтобы узаконить заключение под стражу: когда государство-ответчик настаивает на применении нескольких подпунктов, Европейский Суд рассматривает каждое утверждение в индивидуальном порядке при том, что для акта заключения под стражу достаточно попадать под действие одного подпункта, чтобы быть совместимым с пунктом 1 статьи 5 Конвенции (см., например, упоминавшиеся выше Постановления Европейского Суда по делам «Энгель и другие против Нидерландов», §§ 67–69, «Чулла против Италии», §§ 35–40, «Гатт против Мальты», §§ 36 и 44–45, а также «Остендорф против Германии», §§ 48, 76 и 89).

301. С другой стороны, если имеется какое-то явное нарушение, которое, как следует из контекста, доказывает, что лишение свободы в основном предназначалось для скрытой цели, например, когда заявители заключаются под стражу по неясным или сфабрикованным обвинениям, чтобы предотвратить их участие в митингах или наказать за участие в них (см. Постановление Европейского Суда по делу «Шимоволос против Российской Федерации» (*Shimovolos v. Russia*) от 21 июня 2011 г., жалоба № 30194/09¹, §§ 52–57, Постановление Европейского Суда по делу «Хакобян и другие против Армении» (*Hakobyan and Others v. Armenia*) от 10 апреля 2012 г., жалоба № 34320/04, § 123, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Немцов против Российской Федерации», § 103, Постановление Европейского Суда по делу «Гафгаз Маммадов против Азербайджана» (*Gafgaz Mammadov v. Azerbaijan*) от 15 октября 2015 г., жалоба № 60259/11, §§ 107–108, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Каспаров против Российской Федерации», §§ 50–56, Постановление Европейского Суда по делу «Гусейнли и другие против Азербайджана» (*Huseynli and Others v. Azerbaijan*) от 11 февраля 2016 г., жалобы № 67360/11 и две другие, §§ 146–147, а также Постановление Европейского Суда по делу «Ибрагимов и другие против Азербайджана» (*Ibrahimov and Others v. Azerbaijan*) от 11 февраля 2016 г., жалоба № 69234/11 и две другие, §§ 126–127), или власти манипулируют процедурами, чтобы продлить содержание под стражей для тех же целей (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Навальный и Яшин против Российской Федерации», §§ 92–95), или чтобы отсрочить получение судебной санкции на содержание под стражей, как того требует внутригосударственное законодательство (см. Постановление Европейского Суда по делу «Олексий Михайлович Захаркин против Украины» (*Oleksiy Mykhaylovych Zakharkin v. Ukraine*) от 24 июня 2010 г., жалоба № 1727/04, §§ 86–88), или чтобы продолжать замаскированную экстрадицию (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Бозано против Франции», §§ 59–60, Постановление Европейского Суда по делу «Новак против Украины» (*Nowak v. Ukraine*) от 31 марта 2011 г., жалоба № 60846/10, § 58, Постановление Европейского Суда по делу «Азимов против Российской Федерации» (*Azimov v. Russia*) от 18 апреля 2013 г., жалоба № 67474/11², §§ 163 и 165, а также Постановление Европейского Суда по делу «Эшонкулов против Российской Федерации» (*Eshonkulov v. Russia*) от 15 января

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2012. № 1 (примеч. редактора).

² См.: там же. 2014. № 3 (примеч. редактора).

2015 г., жалоба № 68900/13³, § 65), либо заявитель незаконно похищен и передан другому государству (см. Постановление Европейского Суда по делу «Искандаров против Российской Федерации» (*Iskandarov v. Russia*) от 23 сентября 2010 г., жалоба № 17185/05⁴, §§ 109–115 и 148–151), или граждане другого государства подвергаются неизбирательным задержаниями с целью депортации *en masse*⁵ в качестве меры возмездия (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Грузия против Российской Федерации (№ I)» (*Georgia v. Russia*) (№ I), жалоба № 13255/07⁶, §§ 185–186, ECHR 2014 (извлечения)), Европейский Суд устанавливает отсутствие законных оснований для лишения свободы и соответственно нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции.

302. Приведенный обзор показывает, что, хотя правомерные цели и основания, изложенные в ограничительных положениях Конвенции, являются исчерпывающими, они также широко определены и были интерпретированы с определенной степенью гибкости. Основное внимание тщательного рассмотрения Европейского Суда было сосредоточено, скорее, на следующем и тесно связанном вопросе: является ли ограничение необходимым или оправданным, то есть основанным на важных и достаточных причинах и соразмерным достижению целей или оснований, для которых оно разрешено? Эти цели и основания являются критериями, на основе которых измеряется необходимость или обоснование (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Газета “Санди Таймс” против Соединенного Королевства (№ 1)», § 59).

303. Таким подходом к толкованию и применению статьи 18 Конвенции в отношении ситуаций, в которых ограничение преследует более чем одну цель, должен руководствоваться Европейский Суд. Некоторые из этих целей могут быть отнесены к соответствующему положению об ограничении, в то время как другие нет. В подобных ситуациях само по себе наличие цели, которая не попадает под соответствующую ограничительную оговорку, не может привести к нарушению статьи 18 Конвенции. Существует значительная разница между делами, когда предписанная цель была той, которую действительно приводили в действие власти, хотя они и хотели получить какое-то другое преимущество, и делами, когда предписанная

³ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 6 (примеч. редактора).

⁴ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 6 (примеч. редактора).

⁵ *En masse* (франц.) – массово, в массовом масштабе (примеч. редактора).

⁶ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 12 (примеч. редактора).

цель, хотя и присутствовала, но фактически являлась просто прикрытием, позволяющим властям достичь посторонней цели, которая была основным направлением их усилий. Постановка вопроса о том, что наличие какой-либо другой цели само по себе противоречит статье 18 Конвенции, не оправдывает это фундаментальное различие и будет несовместимо с объектом и целью статьи 18 Конвенции, которая заключается в запрещении злоупотребления властью. Действительно, это может означать, что каждый раз, когда Европейский Суд исключает из рассмотрения цель или основание, на которые ссылается государство-ответчик согласно материально-правовому положению Конвенции, он должен установить нарушение статьи 18 Конвенции, поскольку доводы государства-ответчика будут являться доказательством того, что власти преследуют не только цель, которую Европейский Суд принимает в качестве правомерной, но и другую цель.

304. По той же причине вывод о том, что ограничение преследует цель, предписанную Конвенцией, необязательно исключает и нарушение статьи 18 Конвенции. Более того, в противном случае это положение было бы лишено своего автономного характера.

305. Таким образом, Европейский Суд считает, что ограничение может быть совместимо с материально-правовым положением Конвенции, которое разрешает его, поскольку оно преследует цель, допустимую в соответствии с этим положением, но всё же нарушает статью 18 Конвенции, поскольку оно главным образом предназначалось для другой цели, которая не предписана Конвенцией, иными словами, если эта другая цель была преобладающей. И наоборот, если предписанная цель является основной, ограничение не противоречит статье 18 Конвенции, даже если оно преследует другую цель.

306. Эта интерпретация согласуется с практикой судов Договаривающихся Государств и Суда Европейского союза (см. §§ 156 и 168 настоящего Постановления), которую Европейский Суд может принимать во внимание при толковании Конвенции (см., *mutatis mutandis*, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Дэмир и Байкара против Турции» (*Demir and Baykara v. Turkey*), жалоба № 34503/97, §§ 76–77, *ECHR* 2008, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Опуз против Турции» (*Opuz v. Turkey*), жалоба № 33401/02, §§ 184–190, *ECHR* 2009). Это особенно уместно в настоящем деле, поскольку подготовительные работы к Конвенции ясно демонстрируют, что статья 18 Конвенции должна была стать ее вариантом административно-правового понятия «злоупотребление властью» (см. § 154 настоящего Постановления).

307. Какая цель преобладает в конкретном деле, зависит от всех его обстоятельств. При оценке

этого Европейский Суд будет учитывать характер и степень предосудительности предполагаемой скрытой цели и учитывать, что Конвенция была разработана для поддержания и поощрения идеалов и ценностей демократического общества, основанного на верховенстве права.

308. В делящихся ситуациях нельзя исключать, что оценка того, какая цель была преобладающей, может со временем изменяться.

(ii) Вопросы доказывания

309. Внимательное изучение Постановлений, приведшихся в §§ 275, 276 и 279 в свете вышеприведенных разъяснений, показывает, что Европейский Суд действительно имел в виду, когда говорил о строгом стандарте доказывания в соответствии со статьей 18 Конвенции: по его мнению, цель, предписанная Конвенцией, была неизменным прикрытием для скрытой цели. Но если эти два момента четко различаются, то вопросы в отношении доказывания становятся теми, как можно установить, была ли скрытая цель, и была ли она преобладающей.

310. При этом Европейский Суд считает, что он может и должен придерживаться своего обычного подхода к доказыванию, а не специальных правил (см. в качестве противоположного примера Постановление Европейского Суда, упомянутое в §§ 275 и 278, а также см. § 316 настоящего Постановления).

311. Первый аспект данного подхода, впервые изложенного в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (§§ 160–161) и недавно подтвержденного в упомянутых выше Постановлениях Европейского Суда по делам «Кипр против Турции» (§§ 112–113 и 115) и «Грузия против Российской Федерации (№ 1)» (§§ 93 и 95), состоит в том, что по общему правилу бремя доказывания не несет ни одна, ни другая сторона в деле, поскольку Европейский Суд исследует весь материал, находящийся в его распоряжении, независимо от его происхождения, и потому что он может при необходимости получить материал по собственной инициативе. Еще в своем Постановлении по делу «Артико против Италии» (*Artico v. Italy*) (от 13 мая 1980 г., § 30, Series A, № 37) Европейский Суд указал, что такова общая позиция не только в межгосударственных делах, но и в делах, вытекающих из индивидуальных жалоб. С тех пор он ссылался на такую концепцию бремени доказывания в определенных конкретных контекстах. В ряде случаев он признал, что строгое применение принципа *affirmanti incumbit probatio*¹, то есть что бремя доказывания в отношении того или иного утверж-

¹ *Affirmanti incumbit probatio* (лат.) – бремя доказывания лежит на том, кто утверждает (примеч. редактора).

дения лежит на той стороне, которая заявляет его, не представляется возможным, особенно когда это обосновано конкретными трудностями заявителей в получении доказательств (см., например, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Акдивар и другие против Турции», § 68, в отношении исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бака против Венгрии», §§ 143, *in fine*, 149, и приведенные в них примеры, упомянутые в отношении различных материально-правовых статей Конвенции, а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «J.K. и другие против Швеции» (J.K. and Others v. Sweden), жалоба № 59166/12, §§ 91–98, *ECHR* 2016, в отношении опасности жестокого обращения в стране назначения в случаях высылки в соответствии со статьей 3 Конвенции).

312. Действительно, хотя он ссылается на доказательства, которые стороны приводят самостоятельно, Европейский Суд регулярно по своей инициативе просит заявителей или государства-ответчиков предоставить материал, который может подтвердить или опровергнуть утверждения, сделанные по рассматриваемому им делу. Если государство-ответчик не выполняет эту просьбу, Европейский Суд не может заставить его выполнить ее, но может, если оно должным образом не объясняет свое непредоставление материалов или свой отказ, сделать соответствующие выводы (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Яновец и другие против Российской Федерации» (Janowiec and Others v. Russia), жалобы №№ 55508/07 и 29520/09¹, § 202, *ECHR* 2013, с дальнейшими отсылками). Он может также комбинировать такие выводы с контекстуальными факторами. Пункт 1 правила 44С Регламента Суда предоставляет ему значительную свободу действий по данному вопросу.

313. Возможность Европейского Суда делать выводы из поведения государства-ответчика при производстве по делу в Европейском Суде особенно уместна в ситуациях, например, лиц, содержащихся под стражей, когда только государство-ответчик имеет доступ к информации, способной подтвердить или опровергнуть утверждения заявителя (см. среди прочих примеров упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Тимурташ против Турции», § 66, Постановление Европейского Суда по делу «Акташ против Турции» (Aktaş v. Turkey), жалоба № 24351/94, § 272, *ECHR* 2003-V (извлечения), а также Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Эль-Масри против Македонии» (El-Masri v. the former Yugoslav Republic of Macedonia), жало-

ба № 39630/09, § 152, *ECHR* 2012). Эта возможность, вероятно, будет иметь особое значение в отношении утверждения о наличии скрытой цели.

314. Второй аспект подхода Европейского Суда – это стандарт доказывания по делам, находящимся в его производстве, «вне разумного сомнения». Вместе с тем данный стандарт не дополняет собой стандарт доказывания, применяемый в правовых системах государств. Во-первых, такие доказывания могут следовать из сосуществования достаточно сильных, четких и согласующихся выводов или аналогичных неопровержимых презумпций факта. Во-вторых, уровень убеждения, необходимый для того, чтобы прийти к выводу, неразрывно связан со спецификой фактов, характером сделанного утверждения и конвенционным правом, находящимся под угрозой нарушения. Европейский Суд неизменно подчеркивал эти моменты (см. среди прочих примеров Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Начова и другие против Болгарии» (Nachova and Others v. Bulgaria), жалобы №№ 43577/98 и 43579/98, § 147, *ECHR* 2005-VII, упоминавшиеся выше Постановления Большой Палаты Европейского Суда по делам «Эль-Масри против Македонии», § 151, и «Хассан против Соединенного Королевства», § 48).

315. Третий аспект подхода Европейского Суда, также изложенный еще в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» (§ 210), состоит в том, что Европейский Суд может оценивать не только допустимость и относимость, но и доказательную ценность каждого представленного ему довода. В упомянутом выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Начова и другие против Болгарии» (§ 147) Европейский Суд далее разъяснил этот момент, отметив, что при оценке доказательств он не связан формулами и принимает выводы, подкрепленные свободной оценкой всех доказательств, включая такие выводы, которые могут вытекать из фактов и доводов сторон. Европейский Суд указал, что он с пониманием относится к любым потенциальным доказательственным трудностям, с которыми сталкивается та или иная сторона. Европейский Суд последовательно придерживается этой позиции, применяя ее к жалобам по различным статьям Конвенции (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бака против Венгрии», § 143, с дальнейшими отсылками).

316. Следовательно, отсутствуют основания для Европейского Суда ограничивать себя прямым доказыванием в отношении жалоб по статье 18 Конвенции или применять специальный стандарт доказывания этих утверждений.

317. Однако следует подчеркнуть, что косвенные доказательства в данном контексте означают

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 7 (примеч. редактора).

информацию о первичных или контекстуальных фактах или последовательности событий, которые могут служить основой для выводов о первичных фактах (см. упоминавшиеся выше Постановление Европейского Суда по делам «Ильгар Маммадов против Азербайджана», § 142, и «Расул Джафаров против Азербайджана», § 158). Доклады или заявления международных наблюдателей, неправительственных организаций либо средств массовой информации или решения внутригосударственных или международных судов часто принимаются во внимание, чтобы, в частности, прояснить факты или подтвердить выводы, сделанные Европейским Судом (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Бака против Венгрии», § 148).

(d) Применение вышеизложенных принципов в настоящем деле

318. Европейский Суд уже установил, что задержание заявителя и его содержание под стражей до суда были произведены с целью, предписанной подпунктом «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции (см. §§ 188 и 206 настоящего Постановления). Не утверждалось, что эти меры представляли собой ограничение каких-либо других прав заявителя, предусмотренных Конвенцией. Отсюда следует, что, даже если будет признано, что ограничение его права на свободу также преследовало цель, не предусмотренную подпунктом «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, будет установлено только нарушение статьи 18 Конвенции, если эта другая цель является преобладающей.

319. Европейский Суд должен, соответственно, определить, так ли это в отношении каждой из двух целей, указанных заявителем.

(i) Утверждение о том, что задержание заявителя и его содержание под стражей означали, что его хотели устранить из политической жизни

320. Учитывая контекст событий в Грузии между 2012 и 2014 годами, время задержания и содержания заявителя под стражей до суда, характер преступлений, в совершении которых его обвинили, очевидно, что есть некоторое подозрение в том, что за обвинениями был политический мотив, хотя сами обвинения не были открыто политическими. Это также правда, что, когда дело доходит до утверждения о скрытой цели уголовного преследования, трудно отделить содержание под стражей от уголовного преследования (см. упоминавшиеся выше Постановление Европейского Суда по делам «Луценко против Украины», § 108, «Тимошенко против Украины», § 298, а также «Чанкотадзе против Грузии», § 114). Однако в соответствии с Конвенцией нет права как такового

не подвергаться уголовному преследованию (см. Постановление Европейского Суда по делу «I.J.L. и другие против Соединенного Королевства» (I.J.L. and Others v. United Kingdom), жалоба № 29522/95 и две другие, § 101, ECHR 2000-IX, Постановление Европейского Суда по делу «Пацурия против Грузии» (Patsuria v. Georgia) от 6 ноября 2007 г., жалоба № 30779/04, § 42, Решение Европейского Суда по делу «Мустафа (Абу Хамза) против Соединенного Королевства» (Mustafa (Abu Hamza) v. United Kingdom) от 18 января 2011 г., жалоба № 31411/07, § 34, а также Постановление Европейского Суда по делу «Международный банк торговли и развития АД и другие против Болгарии» (International Bank for Commerce and Development AD and Others v. Bulgaria) от 2 июня 2016 г., жалоба № 7031/05, § 129, равно как и, *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Артнер против Австрии» (Artner v. Austria) от 28 августа 1992 г., § 21, Series A, № 242-A). Европейский Суд, следовательно, в основном рассмотрит цель, лежащую в основе содержания под стражей, назначенного Кутаисским городским судом 22 мая 2013 г. и продленно-го 25 сентября и 7 октября 2013 г.

321. Европейский Суд должен оценить, достаточно ли фактов, которые, по словам заявителя, свидетельствовали о том, что заключение под стражу было главным образом направлено на то, чтобы устранить его из политической жизни Грузии, в совокупности или по отдельности, чтобы установить это.

322. Факторы, вытекающие из более широкого политического контекста, в котором было возбуждено уголовное дело в отношении заявителя, не являются достаточными доказательствами в этом отношении.

323. Хотя уголовные преследования ряда бывших министров и других высокопоставленных официальных лиц из партии «Единое национальное движение», члены которой не могли быть привлечены к ответственности, пока они находились у власти, могут навести на мысль о желании устранить эту партию или причинить ей вред, они могут равным образом выражать намерение бороться с предполагаемыми нарушениями закона, имевшими место при предыдущем правительстве. Сам факт уголовного преследования политического деятеля, даже во время избирательной кампании, не является автоматически нарушением его права баллотироваться на должность (см. Постановление Европейского Суда по делу «Успаскич против Литвы» (Uspaskich v. Lithuania) от 20 декабря 2016 г., жалоба № 14737/08, §§ 90–100). Еще более важно то, что эти уголовные преследования не могут сами по себе привести к выводу, что суды, которые рассматривали вопрос о том, будет или нет заявитель заключен под стражу до суда, руководствовались этой целью.

324. То же самое касается и заявлений об уголовных делах в отношении членов партии «Единое национальное движение», сделанных официальными лицами правительства, сформированного политическим объединением «Грузинская мечта» (см. § 127 настоящего Постановления, см. для сравнения упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Чанкотадзе против Грузии», § 114). Такие заявления можно рассматривать только как доказательство скрытой цели судебного решения, если есть доказательства того, что суды не были достаточно независимы от органов исполнительной власти. В данном случае подобных доказательств представлено не было. Напротив, во многих делах, как представляется, в отношении бывших официальных лиц партии «Единое национальное движение», включая дело в отношении обвиняемого заявителя, З.Ч., суды отклонили ходатайства обвинения назначить содержание под стражей до суда, и что по состоянию на сентябрь 2013 года 14 из 35 бывших высокопоставленных лиц из партии «Единое национальное движение», которые были обвинены в совершении преступлений, находились под стражей, а 14 других были освобождены из-под стражи под залог (см. §§ 39, 131 и 134 настоящего Постановления). Наконец, следует отметить, что Конституционный суд Грузии вынес постановление в пользу Г.У. (см. § 150 настоящего Постановления).

325. То, как проводилось уголовное разбирательство в отношении заявителя, также не раскрывает преимущественно политическую цель его содержания под стражей.

326. Большое количество свидетелей, которых обвинение хотело вызвать в суд, не чрезмерно затянули судебный процесс и содержание заявителя под стражей. Судебный процесс начался 7 октября 2013 г. и закончился осуждением заявителя четыре месяца и 11 дней спустя, 17 февраля 2014 г., непосредственно перед истечением максимального срока в девять месяцев, в течение которого он мог содержаться под стражей (см. §§ 50, 53 и 148 настоящего Постановления). При таких обстоятельствах это вряд ли можно считать необоснованным сроком.

327. Заявитель настаивал на том, что судебное разбирательство, проходившее в г. Кутаиси, а не в г. Тбилиси, предполагало поиск органами прокуратуры «удобного» суда, а значит, и скрытую цель. Однако не вдаваясь в вопрос о том, соответствовало ли это уголовно-процессуальному законодательству, который не затрагивался ни одной из сторон в их замечаниях, Европейский Суд не убежден, что это был поиск «удобного» суда по двум причинам. Во-первых, хотя он заключил заявителя под стражу до суда, Кутаисский городской суд вынес решение об освобождении под залог его обвиняемого, З.Ч., который также был видным членом партии «Единое национальное движение». Во-вторых, 30 мая

2013 г., всего через восемь дней после этого решения, Тбилисский городской суд также заключил заявителя под стражу до суда в связи с отдельными обвинениями, выдвинутыми против него 28 мая 2013 г. (см. § 56 настоящего Постановления).

328. Действительно, четыре месяца спустя, во время досудебного заседания 25 сентября 2013 г., Кутаисский городской суд не сообщил о причинах своего решения об отклонении ходатайства заявителя об освобождении из-под стражи, и что он ненадлежащим образом рассмотрел его повторное ходатайство об освобождении из-под стражи 7 октября 2013 г. (см. §§ 49 и 51 настоящего Постановления). Однако эти недостатки, хотя и несовместимые с требованиями пункта 3 статьи 5 Конвенции (см. §§ 233 и 234 настоящего Постановления), не являются сами по себе доказательствами политической цели, скрытой за решениями этого суда.

329. Кратко говоря, хотя содержание заявителя под стражей проходило на фоне ожесточенного политического антагонизма между партией «Единое национальное движение» и политическим объединением «Грузинская мечта», различные доводы, приведенные им, между которыми существует определенная степень дублирования, недостаточны, чтобы доказать, что преобладающая цель этого содержания под стражей состояла в том, чтобы воспрепятствовать его участию в политической жизни Грузии, а не в том, чтобы обеспечить надлежащее производство по уголовному делу в отношении него.

330. Кроме того, верно то, что суды Франции, Греции и Соединенного Королевства отклонили запросы властей Грузии о выдаче двух высокопоставленных бывших официальных лиц партии «Единое национальное движение» на том основании, в частности, что уголовные преследования против них были политически мотивированными (см. §§ 138–140 настоящего Постановления). Тем не менее, как отмечалось в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Ходорковский против Российской Федерации» (§ 260), это необязательно определяет оценку Европейского Суда такого момента по двум причинам. Во-первых, факты дел, рассмотренных этими судами, хотя и связаны с фактами дела в Европейском Суде, поскольку подобные дела также касались утверждений в отношении других известных членов партии «Единое национальное движение», не были одинаковыми. Во-вторых, суды по делам об экстрадиции по существу оценивали будущий риск, в то время как Европейский Суд занимается прошлыми фактами, это подчеркивает их соответствующую оценку неубедительных контекстуальных доказательств.

331. Аналогичные доводы применимы и к решениям Интерпола в отношении Саакашвили и Д.К. (см. § 142 настоящего Постановления).

332. Ввиду вышеизложенного Европейский Суд не считает установленным, что содержание заявителя под стражей в основном означало его устранение из политической жизни Грузии.

(ii) Утверждение о том, что в декабре 2013 года власти пытались использовать содержание заявителя под стражей как рычаг для получения информации от него

(а) *Может ли это утверждение считаться доказанным*

333. Утверждения заявителя о его тайном вывозе из тюремной камеры 14 декабря 2013 г. были целиком оспорены властями Грузии. В таких случаях Европейский Суд неизбежно сталкивается с теми же трудностями, что и суд первой инстанции (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Эль-Масри против Македонии», § 151). Он внимательно относится к своей субсидиарной роли и признает, что он должен проявлять осторожность, принимая на себя роль суда по первичному установлению фактов. Тем не менее, когда он сталкивается с такими утверждениями серьезного свойства, как те, которые были сделаны заявителем, который в соответствующее время находился под стражей, Европейский Суд должен применять особенно тщательный контроль, даже если, как в настоящем случае, имели место внутренние расследования. При этом Европейский Суд может учитывать качество этих расследований и любые возможные недостатки в процессе принятия решений (см. *ibid.*, § 155).

334. Первый момент, который необходимо подчеркнуть – это то, что рассказ заявителя о том, как он был тайно вывезен из тюрьмы № 9 на встречу с генеральным прокурором, был, как подчеркивалось Палатой Европейского Суда, подробным и конкретным и оставался последовательным (см. §§ 60–63, 81 и 99, и, *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Эль-Масри против Македонии», § 156). Тот факт, что заявитель озвучил свои утверждения только через три дня после указанной встречи, не ослабляет их достоверности. Даже если предположить, что он мог бы сделать это раньше, неудивительно, что, находясь под стражей, он решил озвучить их таким образом, чтобы добиться максимальной огласки. Предположительная встреча состоялась рано утром в субботу, и заявитель сообщил об этом на очередном публичном слушании по его делу, которое состоялось в следующий вторник.

335. Это правда, что нет никаких прямых доказательств в поддержку его рассказа. Однако следует признать, что находящийся под стражей заявитель вряд ли был в положении представить такие доказательства. Тем не менее есть несколько кос-

венных элементов, которые подтверждают его утверждения.

336. Во-первых, есть некоторые доказательства того, что в соответствующее время власти оказывали давление на других высокопоставленных членов партии «Единое национальное движение», чтобы они дали показания против своих бывших коллег (см. § 141 настоящего Постановления).

337. Во-вторых, два свидетеля, допрошенных в ходе следствия Генеральной прокуратурой Грузии, Г.Ц. и И.П., сообщили, что они несколько раз слышали, как Г.Г., который в соответствующее время был руководителем сил специального назначения Министерства по исполнению наказаний, пробации и юридической помощи Грузии, говорил, что он был одним из тех, кто перевозил заявителя на встречу с генеральным прокурором (см. §§ 108 и 109 настоящего Постановления). Действительно, заявления Г.Ц. и И.П. являются показаниями с чужих слов, и их надежность может быть поставлена под сомнение с учетом позиций подчинения заявителю, которые они ранее занимали (см. § 96 настоящего Постановления). Однако в случае с Г.Ц. данный фактор был несколько нивелирован тем обстоятельством, что заявитель уволил его с занимаемой должности и стал причиной его заключения под стражу (см. § 108, *in fine*, настоящего Постановления). Кроме того, будучи рассмотрены на фоне того факта, что в декабре 2013 года Г.Г. были выплачены необычайно высокие премиальные, видимо, на основании решения другого должностного лица, предположительно сыгравшего главную роль в событиях 14 декабря 2013 г., заявления Д.Д. (см. § 93 настоящего Постановления), Г.Ц. и И.П. не могут быть сразу исключены, даже если такие премиальные были выплачены другим официальным лицам тюрем. Власти, как представляется, не пытались проверить эти заявления объективными средствами, например, получив видеозапись досудебного слушания, в ходе которого Г.Г. говорил о своей роли в событиях 14 декабря 2013 г., или доказательства третьей стороны о местонахождении Г.Г. в ранние часы 14 декабря 2013 г. Вместо этого власти сосредоточили свои усилия на опросе Г.Г., И.М. (другой сотрудник сил специального назначения, с которым он действовал сообща), и их бывшие коллеги из сил специального назначения Министерства внутренних дел, с которыми они делили камеру в тюрьме № 9 (см. §§ 110 и 111 настоящего Постановления). Тот факт, что во время таких опросов они отрицали свою причастность, вряд ли удивителен.

338. Наконец, в мае 2014 года Л.М., старшее должностное лицо Департамента исполнения наказаний, дважды сказала в интервью средствам массовой информации, что заявитель был доставлен на встречу с генеральным прокурором, и вскоре после этого была уволена со своей должности

своим начальником, Д.Д., которого также непосредственно касались эти утверждения (см. § 95 настоящего Постановления). Несмотря на то, что она отказалась от своих слов при допросе в ходе последующего уголовного расследования, она, по-видимому, не представила достоверного объяснения своих противоречий (см. § 117 настоящего Постановления).

339. Еще одним доказательством в поддержку рассказа заявителя является утверждение К.Т., который в соответствующее время содержался в камере в крыле заявителя в тюрьме № 9 (см. § 112 настоящего Постановления). Европейский Суд, однако, не может полагаться на эту информацию. Ее надежность несколько ослаблена предыдущей подчиненности К.Т. заявителю, а также теми фактами, что осмотр, проведенный следователями, показал, что тюремный коридор нельзя было видеть из камеры К.Т., потому что в двери не было щели, а также нежеланием К.Т. принимать участие в последующем эксперименте, который должен был проверить эти слова, и противоречивыми утверждениями всех сокамерников К.Т. (см. §§ 113–115 настоящего Постановления).

340. С другой стороны, было несколько частей рассказа заявителя, которые поддавались проверке объективными средствами. Однако эти направления не были изучены. Например, не было предпринято никаких попыток проверить, могли заявитель узнать Г.Г. или И.М., хотя оба они, как утверждали Г.Ц. и И.П., были среди тех лиц, кто перевозил его из тюрьмы № 9 в Департамент исполнения наказаний, и заявитель указал, что он смог бы опознать двух мужчин, которые его перевозили (см. §§ 81, 99, 108 и 109 настоящего Постановления). Кроме того, не было принято никаких мер, чтобы проверить записи мобильных телефонов Г.Г. и И.М. и данные вышки сотовой связи в ранние часы 14 декабря 2013 г., несмотря на то, что у одного из мужчин, находившихся с ним в машине, состоялись два мобильных телефонных разговора (см. § 81 настоящего Постановления).

341. В то же время доказательства, представленные властями Грузии в подтверждение их утверждения о том, что заявителя не вывозили из его камеры в тюрьме и не доставляли к генеральному прокурору, не являются достаточно убедительными.

342. Эти доказательства были собраны в ходе проверки, проводившейся Генеральной инспекцией Министерства по исполнению наказаний, пробации и юридической помощи Грузии, и расследования, проводившегося Генеральной прокуратурой Грузии. Однако к выводам, сделанным в ходе этих двух процедур, следует подходить с осторожностью. Первая проходила на фоне твердых и постоянных отрицаний утверждений заявителя премьер-министром и министром по исполнению наказаний, пробации и юридической помощи 17 и 18 декабря 2013 г. (см. §§ 68 и 70 настоящего

Постановления) и была проведена официальными лицами этого министерства. Вторая проверка началась только после вынесения Постановления Палатой Европейского Суда по настоящему делу и явно была связана с ходатайством властей Грузии о передаче дела на рассмотрение Большой Палаты Европейского Суда (см. § 97 настоящего Постановления). Действительно, она была завершена всего за 25 дней до того, как Большая Палата Европейского Суда провела свое слушание по делу (см. §§ 7 и 125 настоящего Постановления), и материал, полученный в ходе указанного расследования, послужил основанием для представлений властей Грузии в Большую Палату Европейского Суда.

343. Помимо этих общих соображений, существует ряд конкретных элементов, которые ставят под сомнение утверждения властей Грузии.

344. Самое главное, есть несколько элементов, ставящих под сомнение утверждение властей Грузии о том, что записи с камер видеонаблюдения в тюрьме № 9 и здании Департамента исполнения наказаний, которые могли бы неопровержимо доказать или опровергнуть утверждения заявителя, были автоматически удалены через 24 часа. Министр по исполнению наказаний, пробации и юридической помощи, по-видимому, не знал этого, когда говорил о деле 18 декабря 2013 г. (см. § 70, *in fine*, настоящего Постановления). Заместитель руководителя Генеральной инспекции Министерства по исполнению наказаний, пробации и юридической помощи Грузии тоже не знал этого, когда он запросил данные записи двумя днями позже, 20 декабря 2013 г. (см. § 73 настоящего Постановления). Заместитель министра по исполнению наказаний, пробации и юридической помощи, который отвечал за реформирование системы видеонаблюдения в тюрьмах Грузии два года назад, в 2011 году, утверждал, что записи хранились в течение месяца (см. § 77 настоящего Постановления). Действительно, поразительно, что записи видеонаблюдения в таком учреждении, подверженном насилию и несчастным случаям, как тюрьма, сохраняются в течение более короткого времени, чем записи видеокamer дорожного движения, которые были всё еще доступны через 20 дней после предполагаемого инцидента (см. § 84 настоящего Постановления).

345. Точный метод, используемый для изучения записей частных камер видеонаблюдения и камер дорожного движения, остается неясным, кроме того, записи не были предоставлены адвокату заявителя, несмотря на его просьбы (см. §§ 79, 84, 107, 120 и 121 настоящего Постановления).

346. Нельзя придавать какой-либо значимой ценности показаниям заместителя Д.Д. и показаниям начальника и заместителя начальника тюрьмы № 9 и сотрудников этой тюрьмы (см. §§ 82, 85, 86, 100–104, 106 и 116 настоящего Постановления). Во-первых, и люди, которые давали показания,

и инспекторы, и следователи, которые их брали, были подчиненными предполагаемых нарушителей. Во-вторых, любое признание авторами показаний своей причастности к тайному вывозу заявителя из его камеры могло бы поставить под сомнение их собственное поведение.

347. То же самое касается показаний бывшего генерального прокурора, О.П., и бывшего руководителя Департамента исполнения наказаний, Д.Д. (см. §§ 118 и 119 настоящего Постановления). Оба они явно имели веские причины отрицать утверждения заявителя. Достоверность их показаний ослабил тот факт, что они не давали их до второго расследования, начавшегося в сентябре 2016 года, почти через три года после событий, поскольку никаких показаний от них не было взято во время первоначальной проверки (см. § 88 настоящего Постановления).

348. Данные, доказывающие, что 14 декабря 2013 г., между приблизительно 1.00 и 1.25, О.П. вошел в систему документооборота прокуратуры (см. выше, § 124 настоящего Постановления), предполагая, что они подлинные и подтверждающие его присутствие в своем кабинете, а не в здании Департамента исполнения наказаний, не отменяют утверждения заявителя, учитывая, что, как отмечалось, встреча между ним и О.П. продолжалась от 20 до 30 минут после 1.25 и что расстояние между офисом О.П. и Департаментом исполнения наказаний было всего несколько сотен метров.

349. Европейский Суд не может придать какого-либо значения отсутствию записей, свидетельствующих о вывозе заявителя из его камеры и тюрьмы № 9 в соответствующих тюремных журналах (см. §§ 83, 87 и 123 настоящего Постановления). Ввиду скрытого характера предположительно состоявшейся операции, вряд ли можно ожидать, что она была зафиксирована в любом из этих журналов (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Аль Нашири против Польши» (*Al Nashiri v. Poland*) от 24 июля 2014 г., жалоба № 28761/11, § 411, и Постановление Европейского Суда по делу «Хусаин (Абу Зубайдах) против Польши» (*Husayn (Abu Zubaydah) v. Poland*) 24 июля 2014 г., жалоба № 7511/13, § 411).

350. Ввиду вышеизложенного Европейский Суд считает, что он может сделать выводы из имеющихся материалов и поведения властей, и считает, что факт его тайного вывоза из тюремной камеры является достаточно убедительным и, следовательно, доказанным.

(β) Можно ли считать желание властей получить информацию от заявителя преобладающей целью ограничения его права на свободу

351. Отсутствуют какие-либо доказательства того, что до 14 декабря 2013 г., спустя почти семь

месяцев после того, как заявитель был заключен под стражу, власти пытались использовать его содержание под стражей в качестве средства давления на него, чтобы он предоставил информацию о смерти Жвани или банковских счетах Саакашвили. Таким образом, если рассматривать ограничение его права на свободу в целом, то трудно рассматривать попытку использовать это ограничение в качестве средства получения такой информации в качестве его преобладающей цели. Однако в тех случаях, когда ограничение конвенционного права становится, как и в данном случае, постоянной ситуацией с тем, чтобы оно не противоречило статье 18 Конвенции, его главная цель должна оставаться той, которая предписана Конвенцией на протяжении всего срока его действия, и нельзя исключать, что первоначальная цель будет со временем заменяться другой целью (см. § 308 настоящего Постановления).

352. Есть несколько элементов, которые приводят Европейский Суд к выводу, что в данном случае это так. Прежде всего к тому времени, когда на заявителя оказали давление, чтобы он предоставил информацию о смерти Жвани или банковских счетах Саакашвили, оснований для его содержания под стражей стало меньше, что привело Европейский Суд к установлению нарушения пункта 3 статьи 5 Конвенции в отношении периода с 25 сентября 2013 г. и далее, что произошло незадолго до инцидента в декабре 2013 года (см. §§ 233–235 настоящего Постановления). Затем, в декабре 2013 года, Саакашвили, который с тех пор стал фигурантом нескольких уголовных расследований, только что покинул Грузию после окончания своего президентского срока (см. §§ 13 и 126 настоящего Постановления). Со своей стороны, расследование смерти Жвани, которое было возобновлено в конце 2012 года, по-видимому, не добилось значительного прогресса (см. § 61 настоящего Постановления). Очевидно, что обе темы имели для властей большое значение. Утверждение властей Грузии в ходе слушания в Большой Палате Европейского Суда о том, что имелся еще «большой вопрос» к заявителю по поводу смерти Жвани, является особенно показательным в этом отношении (см. § 61 настоящего Постановления). В то же время органы прокуратуры имели право снять все обвинения с заявителя в любой момент без судебного контроля, в результате чего судам пришлось бы прекратить уголовное дело в отношении него (см. § 153 настоящего Постановления) и тем самым освободить его из-под стражи, как ему было обещано генеральным прокурором О.П., если бы заявитель предоставил требуемую информацию. Значение, которое власти придавали этому вопросу, также очевидно из того, как весь инцидент 14 декабря 2013 г. развивался, и как позднее он был прокомментирован и расследован. Заявителя тайно и явно незаконно в ходе секретной опера-

ции, проведенной посреди ночи, доставили на встречу с О.П., который был назначен на эту должность за три недели до того (см. § 60 настоящего Постановления). Первоначальная реакция властей на утверждения заявителя в этой связи заключалась в решительном отрицании (см. §§ 68 и 70 настоящего Постановления), а последующие проверка и расследование, как уже отмечалось, характеризовались рядом недостатков, из которых можно сделать вывод о том, что власти стремились, чтобы эта история осталась неизвестна. Итак, главные действующие лица этой истории, О.П. и Н.Д., не были опрошены в ходе проверки, а только в ходе расследования в сентябре 2016 года, спустя почти три года после событий, и важнейшие доказательства по делу, записи с камер тюремного видеонаблюдения, не были получены.

353. Принимая во внимание все обстоятельства дела, Европейский Суд полагает, что во время содержания под стражей, которое должно рассматриваться как дрящящая ситуация, преобладающая цель ограничения свободы заявителя изменилась. Если вначале это было расследование преступлений на основе обоснованного подозрения, то позже она стала попыткой получить информацию о смерти Жвани и банковских счетах Саакашвили, как показал инцидент 14 декабря 2013 г.

(iii) Заключение

354. Следовательно, властями Грузии было допущено нарушение статьи 18 Конвенции во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 5 Конвенции.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

355. Статья 41 Конвенции гласит:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. УЩЕРБ

356. При производстве по делу в Палате Европейского Суда заявитель требовал выплаты 15 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

357. Палата Европейского Суда установила, что заявитель испытывал страдания и разочарование в связи с нарушениями пункта 3 статьи 5 Конвенции и статьи 18 Конвенции и что эти нарушения не могут быть устранены исключительно на основе ее выводов о нарушении Конвенции. Проведя свою оценку на основе принципа справедливости, Палата Европейского Суда присудила заявителю 4 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

358. При производстве по делу в Большой Палате Европейского Суда заявителю было сообщено, что его требование в этой части остается в том виде, как оно было первоначально представлено, и заявитель не выразил намерения вносить в него изменения.

359. Власти Грузии указали, что требование заявителя было чрезмерным, и отметили, что в упомянутом выше Постановлении Европейского Суда по делу «Гусинский против Российской Федерации» (§ 84) Европейский Суд постановил, что установление факта нарушения Конвенции представляет собой достаточную справедливую компенсацию.

360. Европейский Суд считает, что заявитель, по-видимому, испытал определенный стресс и тревогу в результате нарушений пункта 3 статьи 5 Конвенции и статьи 18 Конвенции по своему делу. Вынося свое решение на основе принципа справедливости, Европейский Суд присуждает заявителю 4 000 евро в качестве компенсации испытанных им стресса и тревоги.

В. СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ И ИЗДЕРЖКИ

1. При производстве по делу в Палате Европейского Суда

361. При производстве по делу в Палате Европейского Суда заявитель требовал присудить ему 39 390 долларов США в качестве возмещения адвокатского вознаграждения Кахидзе за 202 часа работы по делу при ставке 195 долларов США в час, 4 350 фунтов стерлингов в качестве возмещения адвокатского вознаграждения Лича за 29 часов работы по делу при ставке 150 фунтов стерлингов в час, а 720 долларов США и 90 фунтов стерлингов в качестве возмещения расходов по переводу и канцелярских расходов, понесенных соответственно в Грузии и Соединенном Королевстве. В поддержку этого требования заявитель представил таблицы учета отработанных Кахидзе и Личем часов и две описи административно-хозяйственных расходов.

362. Палата Европейского Суда отметила, что не было представлено копий контрактов на юридические услуги, счетов-фактур, расписок или любых других подтверждающих финансовых документов. Тем не менее Палата Европейского Суда сочла обоснованным присудить заявителю 8 000 евро в качестве возмещения гонораров Кахидзе и Лича, но отклонила требование в отношении других расходов, сославшись на отсутствие каких-либо подтверждающих документов.

2. Требования заявителя при производстве по делу в Большой Палате Европейского Суда

363. После передачи дела в Большую Палату Европейского Суда заявитель был уведомлен о том,

что его требование осталось таким, как оно было первоначально представлено, но он может изменить его, чтобы учесть производство по делу в Большой Палате Европейского Суда.

364. Он добивался дополнительных выплат в размере 4 251 доллара США в качестве возмещения адвокатского вознаграждения Кахидзе за 21,8 часа работы по делу при ставке 195 долларов США в час и 10 050 фунтов стерлингов в качестве возмещения адвокатских вознаграждений Лича и Сойер из Европейского центра защиты прав человека (*European Human Rights Advocacy Centre*) при Миддлсекском университете за 67 часов работы на письменной стадии производства по делу в Большой Палате Европейского Суда при ставке 150 фунтов стерлингов в час на каждого из них. В поддержку этого требования заявитель представил таблицы учета отработанных Кахидзе, Личем и Сойер часов по делу. В таблице учета отработанных Кахидзе часов упоминалось соглашение, заключенное между его адвокатской фирмой BGI Legal и заявителем, в соответствии с которым оплата адвокатского вознаграждения будет предметом присуждения Европейского Суда, и отмечалось, что Европейский центр защиты прав человека присоединился к адвокатской фирме BGI Legal для работы по делу в декабре 2014 года. Однако само соглашение представлено не было, равно как и соглашение между адвокатской фирмой BGI Legal и Европейским центром защиты прав человека или заявителем и Европейским центром защиты прав человека. В табелях учета отработанных Личем и Сойер часов не делается никакой ссылки на порядок расчетов между ними и заявителем.

365. Заявитель добивался дополнительно 15 375 фунтов стерлингов в качестве возмещения адвокатского вознаграждения Личу и Сойер за соответственно 44 и 58 часов работы над подготовкой к слушанию дела в Большой Палате Европейского Суда и за участие в нем при ставке 150 фунтов стерлингов в час на каждого из них. Заявитель также требовал выплатить 150 фунтов стерлингов в качестве возмещения расходов за пять часов канцелярской работы по делу, выполненной сотрудником Европейского центра защиты прав человека, 31,61 фунта стерлингов за расходы на канцелярские принадлежности, а также 584,80 фунта стерлингов и 333 евро за дорожные расходы и расходы на проживание Лича и Сойер в связи с их участием в слушании дела. В обоснование этого требования заявитель представил таблицы учета рабочего времени Лича и Сойер, билеты на поезд и квитанции поездок на такси при их поездке в г. Страсбург, счета-фактуры за проживание в г. Страсбурге за ночь до слушания, квитанцию из ресторана за вечер до слушания и счет-фактуру за шесть скоросшивателей с арочным зажимом, приобретенных для

них Миддлсекским университетом. Заявитель просил, чтобы деньги по всем этим пунктам были бы выплачены напрямую Европейскому центру защиты прав человека.

3. Замечания властей Грузии в отношении требований заявителя

366. Власти Грузии указали, что заявитель не представил каких-либо доказательств, таких как соглашение между ним и его представителями или квитанции, подтверждающие, что он фактически оплатил или был юридически обязан выплатить им какие-либо адвокатские вознаграждения за их работу. То же самое относится и к расходам, понесенным его представителями в связи с настоящим делом. Это позволяет предположить, что по некоторым из этих пунктов расходы должен был нести Европейский центр защиты прав человека, и ничто не доказывало, что заявитель был обязан возместить их.

367. В отношении производства по делу в Палате Европейского Суда власти Грузии отметили, что отсутствовали доказательства того, что Лич проделал какую-либо работу в связи с этим производством. Что же касается Кахидзе, то его почасовая ставка и количество часов, которые он, как утверждается, потратил на работу по этому делу, были чрезмерными.

368. Что касается производства по делу в Большой Палате Европейского Суда, то власти Грузии высказали сомнение относительно необходимости в услугах более чем одного представителя. Власти Грузии также поставили под вопрос почасовые ставки, взимаемые представителями заявителя, и количество часов, которые, по их словам, они потратили на работу по этому делу. Они далее указали, что, поскольку доверенность, позволяющая Сойер представлять заявителя, была выдана только 28 февраля 2017 г., вся работа, проделанная ею до этой даты, не должна приниматься в расчет для оплаты.

369. В отношении слушания дела в Большой Палате Европейского Суда власти Грузии высказали сомнение относительно необходимости в дополнительных представителях, кроме Кахидзе. Власти Грузии также указали, что время, затраченное Личем и Сойер на подготовку своих устных представлений Большой Палате Европейского Суда от имени заявителя, было несоразмерно ограниченной сложности дела. В любом случае эти представления были во многом идентичны письменным представлениям, которые они сделали ранее от имени заявителя. Соответственно, власти Грузии не согласились с большим количеством часов, предположительно затраченных на подготовку устных представлений, которое даже превышает количество часов, заявленных в отношении письменных представлений.

4. Мнение Большой Палаты Европейским Судом

370. Согласно устоявшейся прецедентной практике Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение судебных издержек и расходов лишь в той части, в которой было доказано, что они были фактически понесены, необходимы и не превышали разумных пределов (см. в качестве недавнего примера упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бузаджи против Республики Молдова», § 130).

371. Расходы на адвокатское вознаграждение представителя были фактически понесены, если заявитель оплатил или должен оплатить их (см. Постановление Европейского Суда по делу «Людикке, Белкасем и Коч против Германии» (Luedicke, Belkacem and Koç v. Germany) (применение статьи 50 Конвенции) от 10 марта 1980 г., § 15, Series A, № 36, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Артико против Италии», § 40, а также Постановление Европейского Суда по делу «Эйри против Ирландии» (Airey v. Ireland) (применение статьи 50 Конвенции) от 6 февраля 1981 г., § 13, Series A, № 41). Соответственно, расходы на адвокатское вознаграждение представителя, который работал бесплатно, фактически не были понесены (см. Постановление Европейского Суда по делу «Маккэнн и другие против Соединенного Королевства» (McCann and Others v. United Kingdom) от 27 сентября 1995 г., § 221, Series A, № 324). Противоположная ситуация наблюдается в отношении адвокатского вознаграждения представителя, который, не отказываясь от него, просто не предпринял никаких шагов для получения его или отложил его получение (см. Постановление Европейского Суда по делу «Х. против Соединенного Королевства» (X v. United Kingdom) (по вопросу о применении статьи 50 Конвенции) от 18 октября 1982 г., § 24, Series A, № 55, а также Постановление Европейского Суда по делу «Пакелли против Германии» (Pakelli v. Germany), 25 апреля 1983 г., § 47, Series A, № 64). Расходы на адвокатское вознаграждение, подлежащее выплате представителю по соглашению об условном вознаграждении, фактически понесены только в том случае, если это соглашение подлежит исполнению в соответствующей юрисдикции (см. Постановление Европейского Суда по делу «Даджен против Соединенного Королевства» (Dudgeon v. United Kingdom) (применение статьи 50 Конвенции) от 24 февраля 1983 г., § 22, Series A, № 59, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Камасински против Австрии», § 115, Постановление Европейского Суда по делу «Жентильом, Шаф-Бенхаджи и Зеруки против Франции» (Gentilhomme, Schaff-Benhadjj and Zerouki v. France) от 14 мая 2002 г., жало-

ба № 48205/99 и две другие, § 27, Постановление Европейского Суда по делу «Пшеничный против Российской Федерации» (Pshenichnyy v. Russia) от 14 февраля 2008 г., жалоба № 30422/03¹, § 38, Постановление Европейского Суда по делу «Сагателян против Армении» (Saghatelyan v. Armenia) от 20 октября 2015 г., жалоба № 7984/06, § 62, а также Постановление Европейского Суда по делу «Иванова и Черкезов против Болгарии» (Ivanova and Cherkezov v. Bulgaria) от 21 апреля 2016 г., жалоба № 46577/15, § 89).

372. В настоящем деле заявитель не предоставил документов, свидетельствующих о том, что он заплатил или был юридически обязан заплатить адвокатское вознаграждение, взимаемое его представителями из Грузии или Соединенного Королевства, либо оплатил расходы, понесенные ими, будь то при производстве по делу в Палате Европейского Суда или в Большой Палате Европейского Суда (см. упоминавшиеся выше Постановление Европейского Суда по делам «Людикке, Белкасем и Коч против Германии», § 15, и «Артико против Италии», § 40, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Эйри против Ирландии» (применение статьи 50 Конвенции), § 13, а также Постановление Европейского Суда по делу «Кэмпбелл и Косанс против Соединенного Королевства» (Campbell and Cosans v. United Kingdom) (применение статьи 50 Конвенции) от 22 марта 1983 г., § 14 (а), Series A, № 60). В отсутствие таких документов Европейский Суд не вправе оценить элементы, упомянутые в предыдущем пункте. Следовательно, он не находит оснований, чтобы признать, что заявленные расходы и издержки были фактически понесены заявителем.

373. Отсюда следует, что настоящее требование должно быть отклонено.

С. ПРОЦЕНТНАЯ СТАВКА ПРИ ПРОСРОЧКЕ ПЛАТЕЖЕЙ

374. Европейский Суд полагает, что процентная ставка при просрочке платежей должна определяться исходя из предельной кредитной ставки Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Большая Палата Суда:

1) отклонила единогласно возражение властей Грузии в связи с неисчерпанием заявителем внутригосударственных средств правовой защиты в отношении части жалобы по пункту 3 статьи 5 Конвенции;

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека 2009. № 4 (примеч. редактора).

2) *отклонила* единогласно возражение властей Грузии по поводу несоблюдения заявителем шестимесячного срока подачи жалобы в Европейский Суд в отношении части жалобы по статье 18 Конвенции;

3) *постановила* единогласно, что по делу не было допущено нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции в отношении задержания заявителя;

4) *постановила* единогласно, что по делу не было допущено нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции в отношении содержания заявителя под стражей до суда;

5) *постановила* единогласно, что по делу властями не было допущено нарушения пункта 3 статьи 5 Конвенции в отношении первоначального заключения заявителя под стражу;

6) *постановила* единогласно, что по делу властями было допущено нарушение пункта 3 статьи 5 Конвенции, поскольку, по меньшей мере, с 25 сентября 2013 г. и далее содержание заявителя под стражей не было обосновано достаточными основаниями;

7) *постановила* единогласно, что отсутствует необходимость рассматривать жалобу в части, касающейся пункта 4 статьи 5 Конвенции;

8) *постановила* девятью голосами «за» при восьми – «против», что по делу было допущено нарушение статьи 18 Конвенции, взятой во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 5 Конвенции;

9) *постановила* девятью голосами «за» при восьми – «против», что:

(а) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев выплатить заявителю 4 000 евро (четыре тысячи евро) плюс любые налоги, которые могут подлежать взысканию, с переводом этой суммы в валюту государства-ответчика по курсу, действующему на день выплаты, в качестве компенсации морального вреда;

(б) с даты истечения указанного трехмесячного срока и до момента выплаты на эти суммы должны начисляться простые проценты по ставке, равной предельной кредитной ставке Европейского центрального банка, действующей в период неуплаты, плюс три процента;

10) *отклонила* единогласно оставшуюся часть требований заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском и французском языках, оглашено на публичном слушании дела во Дворце прав человека в г. Страсбурге 28 ноября 2017 г.

Сёрен ПРЕБЕНСЕН
Заместитель Секретаря
Большой Палаты
Суда

Гвидо РАЙМОНДИ
Председатель
Большой Палаты
Суда

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоя-

щему Постановлению прилагаются следующие отдельные мнения судей:

(а) совместное совпадающее мнение судей Анны Юджовской, Ноны Цоцория и Фариса Вехабовича;

(b) совпадающее мнение судьи Георгия А. Сергидеса;

(с) совместное частично особое мнение судей Гвидо Раймонди, Роберта Спано, Йона Фридрика Кьельбро, Йонко Грозева, Жоржа Раварани, Пере Пастора Вилановы, Алёны Полачковой и Латифа Гусейнова.

СОВМЕСТНОЕ СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЕЙ АННЫ ЮДКОВСКОЙ, НОНЫ ЦОЦОРИЯ И ФАРИСА ВЕХАБОВИЧА

«Лучше славная кончина,
Чем позорное житье!»

*Шота Руставели. Витязь в тигровой шкуре*¹

«Храбрость нужна потому, что в политике на карту поставлена не жизнь, но весь мир».

Ханна Арендт. Между прошлым и будущим

I. ВСТУПЛЕНИЕ

1. Мы одобряем вывод о нарушении статьи 18 Конвенции в настоящем деле. Однако мы не согласны с введением критерия «преобладающая цель» для толкования статьи 18 Конвенции или с выводом о том, что содержание заявителя под стражей не было предназначено для того, чтобы устранить его из политической жизни Грузии. Настоящее дело предоставило Большой Палате Европейского Суда уникальную возможность разработать впервые в истории Европейского Суда комплексный и конструктивный подход к единственному измерительному инструменту демократии у нас – статье 18 Конвенции. На наш взгляд, Большой Палате Европейского Суда не удалось уделить должное внимание основным угрозам для демократии, заложенным в злоупотреблениях государственных органов в отношении граждан.

¹ Перевод на английский язык Л. Коффина, публикация Н. Алхазишвили, 2015 год.

² Ханна Арендт (*Hannah Arendt*) родилась 14 октября 1906 г., Ганновер, Германская империя – умерла 4 декабря 1975 г., Нью-Йорк, США) – немецко-американский философ еврейского происхождения, политический теоретик и историк, основоположница теории тоталитаризма (*примеч. редактора*).

II. ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

2. Настоящее дело вращается вокруг понятия политических процессов¹. Однако всеобъемлющее обсуждение этой концепции в целом выходит за рамки настоящего мнения. Не существует единого определения или типологии политических процессов². Хотя так называемые уничтожительные судебные процессы³ (то есть предвзятые судебные процессы, направленные на ликвидацию политического противника) являются одной из основных категорий подобных дел, в существующей литературе по данному вопросу отмечается, что приравнивать все политические судебные процессы к этой категории было бы неверно⁴. Некоторые указывают, что это понятие также охватывает оба процесса в рамках верховенства права и вне его⁵. Кроме того, определенные политические процессы могут «стать кристаллами для общества»⁶, помогая человечеству преодолеть всеохватывающие трудности и распутать сложное наследие (например, Нюрнбергский процесс). В этом случае вряд ли можно утверждать, что такие судебные процессы несовместимы с верховенством права⁷.

3. В текущем контексте речь пойдет о классическом, узком понимании политического правосудия, во многом основанном на определении данного термина Отто Кирхгеймером, согласно

которому⁸ «суды устраняют политического противника режима по каким-то заранее установленным правилам»⁹, или «судебный иск призван оказывать влияние на распределение политической власти»¹⁰. Даже на этом фоне мы не хотим говорить о том, что *каждый* судебный процесс с участием политически активного лица носит политический характер. Скорее, уничтожительные судебные процессы, иллюстрацией которых является настоящее дело, носят политический характер, поскольку с их помощью добиваются в первую очередь устранения политического противника¹¹ или нанесения ему вреда (символически, морально и (или) физически) посредством судебного разбирательства. Особое значение имеет использование судебных процедур по политическим мотивам. Посредством легитимации политическое правосудие «расширяет сферу политических действий» и служит «аутентификации» политических целей¹².

4. Некоторые указывают, что «мы можем распознать политические процессы, когда они перед глазами»¹³. Однако выявление таких судебных процессов на практике остается весьма труднодостижимым делом¹⁴, поскольку власти располагают сложными методами формирования и демонстрации законной цели своих действий. Такие примеры хорошо известны на протяжении всей истории. Даже в демократическом сообществе, приверженном ценностям свободы слова и открытых дебатов, как в исторических Афинах, общественное недовольство было направлено в русло расплывчатых обвинений в аморальном поведении и в отрицании богов на суде над Сократом в 399 году до нашей эры¹⁵. Следовательно, Европейский Суд в данном контексте имеет особую функцию: найти подходящий способ решения указанных дел. В про-

¹ В этом мнении термины «политический процесс» и «политическое правосудие» используются в качестве синонимов.

² Для обсуждения понятия и определения политического процесса см.: *Kirchheimer O. Political Justice: The Use of Legal Procedure for Political Ends* // Princeton Legacy Library (1961); *Shklar J.N. Legalism: Law, Morals, and Political Trials* // Harvard University Press (1986); *Christenson R. A Political Theory of Political Trials* // 74 *Journal of Criminal Law and Criminology* 547 (1983) // <http://scholarlycommons.law.northwestern.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=6373&context=jclc>; *Posner E.A. Political Trials in Domestic and International Law* // *Duke Law Journal* / Vol. 55 (2005); *Meierhenrich J. and Pendas D.O. «The Justice of My Cause is Clear, but There's Politics to Fear»: Political Trials in Theory and History* // *Meierhenrich Jens and Pendas Devin O. (eds.) Political Trials in Theory and History*, Cambridge University Press (2016).

³ См.: *Meierhenrich J. and Pendas D.O. Political Trials in Theory and History*. P. 48–50, 56–60; *Shklar J.N. Legalism: Law, Morals, and Political Trials*. P. 149.

⁴ См.: *Meierhenrich J. and Pendas D.O. Ibid.* P. 4, 13, 15, 27.

⁵ См.: *Christenson R. A Political Theory of Political Trials*. P. 547, 551, 554.

⁶ См.: *Christenson R. Political Trials: Gordian Knots in the Law* (second edition) // Transaction Publishers, New Brunswick, USA (1999). P. 5; *Christenson R. What is a Political Trial?* // *Society*. Vol. 23 (1986). P. 26.

⁷ См.: *Meierhenrich J. and Pendas D.O. Political Trials in Theory and History*. P. 13 and 25; *Christenson R. A Political Theory of Political Trials*. P. 573; *Shklar J.N. Legalism: Law, Morals, and Political Trials*. P. 143–179.

⁸ Здесь и далее текст выделен курсивом/полужирным шрифтом авторами особых мнений (*примеч. редактора*).

⁹ См.: *Kirchheimer O. Political Justice...* P. 6.

¹⁰ См.: *Op. cit.* P. 49; см. также: *Shklar J.N. Legalism: Law, Morals, and Political Trials*, p. 149: «В конце концов, что такое политический процесс? Это судебный процесс, в ходе которого сторона обвинения, обычно представляющая интересы находящегося у власти режима, которому оказывает содействие сотрудничающая с ним судебная власть, пытается устранить своих политических неприятелей. Обвинение проводит очень конкретную политику – уничтожение или, по крайней мере, предание позору и дурной славе политического оппонента».

¹¹ См.: *Meierhenrich J. and Pendas D.O. Political Trials in Theory and History*. P. 56.

¹² См.: *Kirchheimer O. Political Justice...* P. 6 and 419–420.

¹³ См.: *Christenson R. A Political Theory of Political Trials*. P. 548.

¹⁴ См.: *Meierhenrich J. and Pendas D.O. Political Trials in Theory and History*. P. 3.

¹⁵ См.: *Ober J. The Trial of Socrates as a Political Trial: Explaining 399 BCE* // *Jens Meierhenrich and Devin O. Pendas (eds.) // Political Trials in Theory and History*. P. 65–87.

тивном случае статья 18 Конвенции утратит свою полезность¹.

5. Чтобы выявить скрытые мотивы и понять запутанные политические процессы и их внутриполитические измерения, Европейскому Суду следует рассмотреть широкий спектр факторов (см. для сравнения Постановления Европейского Суда по делам «Ильгар Маммадов против Азербайджана» (Ilgar Mammadov v. Azerbaijan) от 22 мая 2014 г., жалоба № 15172/13, §§ 90–99, и «Расул Джафаров против Азербайджана» (Rasul Jafarov v. Azerbaijan) 17 марта 2016 г., жалоба № 69981/14, §§ 156–162, см. также §§ 281 и 317 настоящего Постановления). Даже в тех случаях, когда есть основания полагать, что имело место преступное деяние, необходимо проверить, используют ли власти свои возможности со скрытыми мотивами для достижения своих политических целей. Это объясняется тем, что такие намерения сами по себе неправомерны и представляют собой посягательство на демократические институты².

6. Вышеизложенная пропозиция особенно актуальна в настоящем деле. Его обстоятельства не просто влияют на заявителя или демонстрируют элементы судебного фарса. Они характеризуют конкретную нацию, период и режим и демонстрируют месть, которая считается «одним из самых древних и стойких политических мотивов»³. В рамках предвзятого судебного процесса ни один подсудимый не является обычным заключенным⁴, и «происходящее в залах суда не может быть отделено от социальной динамики – политической, культурной, иной – окружающей их»⁵. Таким образом, дело следует рассматривать с учетом специфики исторических и политических процессов в государстве-ответчике, в результате чего в центре внимания оказались утверждения против бывшей правящей партии и желание привлечь ее к ответственности⁶.

7. Политические процессы сами по себе не подразумевают нарушения правовых процедур⁷. Именно их стремление к политической цели, а не несправедливость таких судебных процессов делает их целью политической⁸. Обвиняемые могут быть обвинены в нарушениях закона, но привлечены к ответственности за их политический статус или политическую деятельность⁹. Хотя даже либеральные демократии не застрахованы от появления политических процессов¹⁰, шансы использования этих процессов выше в странах, переживающих периоды политических преобразований.

8. В этом контексте статья 18 Конвенции имеет особое значение в государствах, в которых отсутствуют традиции мирной передачи власти или эти традиции ограничены. Любая долгосрочная демократическая стабильность требует послушного списка ротации в должности и приверженности ей¹¹. Данный аспект особенно проблематичен для новых демократий, большинство из которых, спустя более двух десятилетий после распада Советского Союза, по-прежнему характеризуются своей почти неизменно сугубо хрупкой природой, с политическими структурами, губчатыми для впитывания антидемократических элементов¹². Хотя соответствующие законы страны могут отвечать стандартам Совета Европы и другим международным стандартам, их применение как исполнительными, так и судебными органами зачастую не соответствует таким стандартам. В частности, это касается статьи 5 Конвенции «Право на свободу и личную неприкосновенность», которая относится к основным правам первой категории и имеет первостепенное значение в демократическом обществе (см. § 181 настоящего Постановления). Весьма вероятной перспективой в этих обстоятельствах является нестрогое толкование законодательства с целью оправдания содержания под стражей до суда¹³ или его использования на правонарушающих основаниях¹⁴ для того, чтобы содержать политиче-

¹ См.: Satzger H., Zimmermann F. and Eibach M. Does Art. 18 ECHR grant protection against politically motivated criminal proceedings? (Part 2) – Prerequisites, questions of evidence and scope of application // European Criminal Law Review (2014), vol. 4, № 3.

² Harris D., O'Boyle M., Bates E. and Buckley C. Law of the European Convention on Human Rights (third edition). Oxford University Press (2014). P. 858.

³ См.: Christenson R. Political Trials: Gordian Knots in the Law. P. 4.

⁴ См.: Christenson R. A Political Theory of Political Trials. P. 576.

⁵ См.: Meierhenrich J. and Pendas D.O. Political Trials in Theory and History. P. 33; Shklar J.N. Legalism: Law, Morals, and Political Trials. P. 144.

⁶ См., например: «The Regime Should be Prosecuted»: The Name of the Resolution to be considered in Parliament (на грузинском языке) // <http://radio1.ge/ge/news/view/96584.html>; Interior Minister Says UNM Plans to Stir «Destabilization» // <http://civil.ge/eng/article.php?id=27112>; Secret Service Investigates Alleged Coup Plot After Phone Call Leak // <http://www.tabula.ge/en/story/112491-secret-service-investigates-alleged-coup-plot-after-phone-call-leak>

⁷ См.: Meierhenrich J. and Pendas D.O. Political Trials in Theory and History. P. 59.

⁸ См.: Kirchheimer O. Political Justice. P. 49.

⁹ См.: Posner E.A. Political Trials in Domestic and International Law. P. 81.

¹⁰ См. также: Meierhenrich J. and Pendas D.O. Political Trials in Theory and History. P. 13, 25 and 51; см. также: Christenson R. A. Political Theory of Political Trials. P. 547, 551, 554.

¹¹ Issacharoff S. Fragile Democracies: Contested Power in the Era of Constitutional Courts. Cambridge University Press (2015). P. 134.

¹² Ibid. P. 124.

¹³ Парламентская Ассамблея Совета Европы, Резолюция № 2077(2015) о злоупотреблении досудебным заключением под стражу в государствах – участниках Европейской конвенции о правах человека, пункт 6 // <http://www.assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-EN.asp?fileid=22206&lang=en>

¹⁴ Ibid., пункты 4 и 7.

ских оппонентов в заключении неопределенный срок. В этой связи необходимо сохранить статью 18 Конвенции в качестве эффективного и действенного механизма защиты в целях запрещения злоупотребления политической властью и ограничения применения конкретных ограничительных мер в ненадлежащих целях¹.

9. Уголовное право, возможно, имеет неограниченный потенциал для злоупотребления в отношении политических оппонентов, диссидентов и активистов. Как отметила Венецианская комиссия, такие преступления, как «*злоупотребление служебным положением*» и «*злоупотребление властью*», представляют собой особенно проблемную категорию, открытую для политического маневрирования². Симптомом этого является тот факт, что во всех предыдущих делах по статье 18 Конвенции, в которых Европейским Судом было установлено нарушение, предъявлялось обвинение или состоялось осуждение за присвоение или растрату имущества и (или) злоупотребление служебными полномочиями, которые использовались для преследования политических оппонентов, а не для устранения подлинных угроз обществу³.

10. Политический статус лица не может быть охранной грамотой от уголовной ответственности за общеуголовные преступления⁴. Однако от-

дельные лица не должны становиться жертвами уголовной и судебной системы только по причине их политически активного статуса. Статья 18 Конвенции четко запрещает ограничение свободы на недопустимых основаниях. Вместе с тем это не исключает возможности возбуждения уголовного дела или назначения содержания под стражей до суда (очевидно, когда совершено преступление и человек опасен для общества). В качестве примера можно привести недавние случаи судебного преследования высокопоставленных политических лидеров в Западной Европе и Соединенных Штатах Америки. Следует отметить, что никто из этих лиц не был заключен под стражу.

11. Крайне важно, чтобы Европейский Суд, колеблясь, рассматривал весьма чувствительные политические контексты⁵. В противном случае это поставит под угрозу демократию⁶ и может даже рассматриваться в качестве возможного подтверждения существования и признания политических преследований. Не имеет значения, обнаруживаются ли доказательства ненадлежащего мотива (будь то политического или иного) на начальной или на более поздних стадиях дела, поскольку государство может легко манипулировать ими. Такие дела становятся «отравленными», коль скоро выявляются «деструктивные» политические мотивы, и это должно привести к неоспоримому выводу о нарушении статьи 18 Конвенции. Как предупреждал Альбер Камю: «Зло, существующее в мире, почти всегда результат невежества, и любая добрая воля может причинить столько же ущерба, что и злая, если только эта добрая воля недостаточно просвещена» (*Камю Альбер. «Чума»*).

12. Европейский Суд считается совестью Европы⁷ и символом и практическим выражением стремления общества к эффективной демократии, экономическому процветанию и самореализации личности⁸, обеспечивая тем самым

¹ Совместное совпадающее мнение судей Юнгвирта, Нюсбергер и Потоцкого, приложенное к Постановлению Европейского Суда по делу «Тимошенко против Украины» (*Tymoshenko v. Ukraine*) от 30 апреля 2013 г., жалоба № 49872/11.

² См.: доклад Европейской комиссии за демократию через право (Венецианская комиссия) о взаимосвязи между политической и уголовной ответственностью министров, принятый Венецианской комиссией на ее 94-м пленарном заседании (Венеция, 8–9 марта 2013 г.), пункт 113 // [http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2013\)001-e](http://www.venice.coe.int/webforms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2013)001-e); см. также: Парламентская Ассамблея Совета Европы, Резолюция № 1950(2013) о разделении политической и уголовной ответственности // <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=20016&lang=en>. В пункте 3.5 Резолюции подчеркивается, что «*внутригосударственные положения, касающиеся «злоупотребления служебным положением», должны толковаться узко» и «на них следует ссылаться только в отношении политических деятелей в качестве крайней меры, а уровень санкций должен быть соразмерен правонарушению и не зависеть от политических соображений»*. Кроме того, Парламентская Ассамблея призывает законодательные органы тех государств-членов, уголовное законодательство которых по-прежнему содержит широкие положения о злоупотреблении служебным положением, «*рассмотреть вопрос об отмене или переформулировании таких положений с целью ограничения их сферы применения в соответствии с рекомендациями Венецианской комиссии»* (пункт 4.2).

³ См.: *Posner E.A. Political Trials in Domestic and International Law*. P. 81.

⁴ См. Постановление Европейского Суда по делу «Ходорковский против Российской Федерации» (*Khodorkovskiy v. Russia*) от 31 мая 2011 г., жалоба № 5829/04, § 258 (см.: Российская хроника Европейского Суда. 2012. № 3 (*примеч. редактора*)).

⁵ *Keller H. and Heri C. Selective Criminal Proceedings and Article 18 ECHR: The European Court of Human Rights' Untapped Potential to Protect Democracy* // 36 (1-6) *Human Rights Law Journal* (2016). P. 10, Satzger H., Zimmermann F. and Eibach M. Does Art. 18 ECHR grant protection against politically motivated criminal proceedings? (Part 1) – Rethinking the interpretation of Art. 18 ECHR against the background of new jurisprudence of the European Court of Human Rights // *European Criminal Law Review* (2014), vol. 4, № 2. P. 112.

⁶ См. выше совместное совпадающее мнение, приложенное к упоминавшему выше Постановлению Европейского Суда по делу «Тимошенко против Украины».

⁷ Collected Edition of the «*Travaux Préparatoires*» of the European Convention on Human Rights // *Martinus Nijhoff*. The Hague (1975–1985). Vol. II. P. 174. См., общим образом: *The Conscience of Europe: 50 Years of the European Court of Human Rights*, Third Millennium Publishing Limited (2010).

⁸ Выступление Люциуса Вильдхабера, бывшего Председателя Европейского Суда, на торжественном заседании Европейского Суда по случаю открытия судебного года 19 янва-

укрепление демократии и верховенства права¹. Важность статьи 18 Конвенции была очевидной еще до присоединения к Конвенции посттоталитарных восточноевропейских и центральноевропейских государств, поскольку высказывались опасения, что демократия может быть извращена. Таким образом, эта статья была наделена властью, позволяющей «Европейскому Суду отсекал недемократические почки из правовых систем государств-членов до того, как они смогут зацвести и принести плоды, которые представляют собой более серьезную проблему»². Эта опасность актуальна и сегодня. Спустя несколько десятилетий после декоммунизации, падения тоталитаризма и широкого возникновения новых конституционных демократий, которые возродили период эйфории в Европе³, появились новые значительные риски для демократического будущего. Следующие слова, прозвучавшие при составлении Конвенции, сохраняют свое значение и в наше время:

«Сегодня мы должны опасаться не захвата власти тоталитаризмом с помощью насилия, а того, что тоталитаризм попытается поставить себя в власти псевдозаконными средствами»⁴.

13. Как красноречиво отметил Пьер-Анри Тетжен в 1949 году⁵:

«Законно и необходимо ставить пределы индивидуальным свободам, иногда даже ограничивать их, дабы предоставлять каждому возможность мирного осуществления своей свободы и обеспечивать поддержание нравственности общего благосостояния, общего блага и общественной необходимости. Когда государство определяет, организует, регулирует и ограничивает свободы по таким причинам, оно лишь выполняет свой долг. Это допустимо, это законно.

Но когда оно вмешивается, чтобы подавлять, сдерживать и ограничивать эти свободы, на этот раз по причинам, выдвинутым государством:

ря 2007 г. // http://www.ECHR.coe.int/Documents/Speech_20070119_Wildhaber_JY_ENG.pdf

¹ *Ibid*; см. также выступление Жан-Поля Коста на тему «Иммиграция и права человека в прецедентном праве Европейского Суда по правам человека» (г. Лондон, 23 марта 2009 г.) // http://www.ECHR.coe.int/Documents/Speech_20090323_Costa_London_ENG.pdf

² См.: Keller H. and Heri C. Selective Criminal Proceedings and Article 18 ECHR... P. 3.

³ См.: Issacharoff S. Fragile Democracies... P. 2 and 269.

⁴ Заявление Лодовико Бенвенути (Италия) на второй сессии Консультативной ассамблеи Совета Европы // Collected Edition of the «Travaux Préparatoires» of the European Convention on Human Rights // Martinus Nijhoff. The Hague (1975–1985). Vol. II. P. 136.

⁵ Заявление Пьер-Анри Тетжена (Франция) на первой сессии Консультативной ассамблеи Совета Европы // Collected Edition of the «Travaux Préparatoires» of the European Convention on Human Rights // Martinus Nijhoff. The Hague (1975–1985). Vol. I. P. 130.

защищать себя в соответствии с политической тенденцией, которую оно представляет, против оппозиции, которую оно считает опасной, для уничтожения основных свобод, за координацию и обеспечение которых оно должно принять на себя ответственность, то это против общественного интереса, если оно вмешивается в осуществление свобод».

III. НОВЫЙ ПОДХОД

14. Настоящее дело выявило необходимость уточнения прецедентной практики по статье 18 Конвенции (см. §§ 264–286 настоящего Постановления). Задачей Европейского Суда является содействие последовательной интерпретации этой статьи, включая разрешение ситуаций, характеризующихся множественностью целей, и сведение к минимуму опасности противоречивой прецедентной практики. Перспективы достижения данных целей в свете предлагаемого решения представляются туманными.

15. Настоящее Постановление вводит «критерий преобладающей цели», которым должен руководствоваться Европейский Суд при толковании и применении статьи 18 Конвенции в отношении ситуаций, в которых ограничение прав может иметь скрытые цели, помимо цели, разрешенной Конвенцией (множественность целей). Новый подход представляет собой позитивное явление лишь в том смысле, что он не требует наличия «бесспорных и прямых доказательств» жалоб по статье 18 Конвенции, хотя и одобряет возможность учета косвенных доказательств (см. §§ 316–317 настоящего Постановления). Данное дело также подтверждает устоявшуюся прецедентную практику, в соответствии с которой может иметь место нарушение статьи 18 Конвенции, даже если нет нарушения статьи Конвенции, во взаимосвязи с которой она применяется (см. § 288 настоящего Постановления).

16. Несмотря на то, что мы согласны с результатами применения этого нового критерия, мы считаем его весьма проблематичным. Наша главная озабоченность связана с тем, что он затмевает основную цель статьи 18 Конвенции, а именно что не должно быть злоупотребления ограничениями, налагаемыми на права и свободы, изложенные в Конвенции. Например, даже тогда, когда задержание и содержание под стражей какого-либо лица преследуют скрытую цель, новый критерий позволяет такому случаю соответствовать статье 18 Конвенции, если не доказано, что скрытая цель была преобладающей причиной действий властей. Практические последствия нового критерия оставляют за государствами широкое усмотрение для осуществления незаконных ограничений, сочетая их с законными целями. Это приведет к снижению значения остаточной защиты, предусмотренной в статье 18 Конвенции.

17. Кроме того, суть критерия преобладающей цели является двусмысленной. Неясно, **какие критерии Европейский Суд будет использовать для определения «преобладающей» цели ограничения.** Данный критерий также не помогает определять, как проводить различие между общеуголовными преступлениями и, например, злоупотреблением уголовным правосудием в политических целях. Подход к вопросу о том, «какая цель является преобладающей в конкретном деле, зависит от всех его обстоятельств» (см. § 307 настоящего Постановления), делает содержание критерия амбивалентным. Единственное конкретное указание на то, что настоящее Постановление предусматривает в этом отношении, заключается в том, что в определенных ситуациях Европейский Суд будет учитывать «характер и степень предосудительности» предположительно скрытой цели при оценке того, какая цель является преобладающей (см. *ibid.*), и будет иметь в виду, что Конвенция предназначена для поддержания и поощрения идеалов и ценностей демократического общества, руководствующегося принципами верховенства права. В свете отсутствия системных знаний и эмпирических или описательных сведений о феномене политических процессов¹ возрастает необходимость разъяснения сути критерия. Отношение к ограничениям конвенционных прав **по ненадлежащим политическим причинам (и здесь снова «уничтожительный» политический процесс является ярким примером) или с дискриминационными мотивами** (поскольку эти два основания злоупотребления властью подрывают основы системы Конвенции) по умолчанию как к преобладающим целям немного смягчило бы неопределенности, связанные с новым критерием.

18. Применение понятия «основополагающий аспект дела» не будет способствовать определению «преобладающей цели» (см. § 291 настоящего Постановления). Практика Европейского Суда богата примерами, когда несогласные судьи и юристы-ученые критиковали ее за то, что она упустила из виду понятие «основополагающий аспект дела»², и дело «Грузия против Российской Федерации

(№ I)» является тому подтверждением. Указанное дело касалось коллективной высылки грузин из Российской Федерации на основании их этнического или национального происхождения (в качестве средства политического возмездия) и было оставлено Европейским Судом без рассмотрения по статье 14 Конвенции (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Грузия против Российской Федерации (№ I)» (*Georgia v. Russia*) (№ I), жалоба № 13255/07, §§ 220–221, *ECHR* 2014 (извлечения)). По той же причине вывод большинства судей о том, что не следовало рассматривать статью 18 Конвенции, подвергся критике со стороны меньшинства судей по упоминаемому выше делу «Грузия против Российской Федерации (№ I)» в Постановлении Европейского Суда по делу «Каспаров против Российской Федерации» (*Kasparov v. Russia*) от 11 октября 2016 г., жалоба № 53659/07³, в Постановлении Европейского Суда по делу «Навальный против Российской Федерации» (*Navalnyy v. Russia*) от 2 февраля 2017 г., жалоба № 29580/12 и четыре других⁴, а также в Постановлении Европейского Суда по делу «Каспаров и другие против Российской Федерации (№ 2)» (*Kasparov and Others v. Russia*) (№ 2) 13 декабря 2016 г., жалоба № 51988/07.

19. Новый критерий также **имеет сходство с** оспариваемым подходом в деле «Ходорковский и Лебедев против Российской Федерации» (жалобы № 11082/06 и 13772/05, 25 июля 2013 г.). Оба подхода предполагают наличие хотя бы одной цели, соответствующей Конвенции, в действиях властей. В последнем Постановлении Европейский Суд подчеркнул, что наличие «скрытой повестки дня» недостаточно для установления нарушения статьи 18 Конвенции. Необходимо, чтобы была продемонстрирована пародия на правосудие (выше, § 906). Если в деле имеется «здоровое ядро», то нарушение статьи 18 Конвенции будет трудно установить (выше, § 907)⁵. Как полагает одно из ведущих изданий по Конвенции, дело «Ходорковский и Лебедев против Российской Федерации» подразумевает, что «Европейский Суд готов согласиться с тем, что государственное обвинение не может быть полностью свободно от политической повестки дня, но что такое тлетворное влияние, если оно существует, должно иметь решающее значение в вопросах, которое оно не имело бы, если основные намерения властей были бы законными, при этом недостаточно, что дело в отношении заявителей

¹ См.: *Meierhenrich J. and Pendas D.O. Political Trials in Theory and History*. P. 5 and 7.

² См., общим образом, частично особое мнение судьи Цоцория, приложенное к Постановлению Европейского Суда по делу «Грузия против Российской Федерации (№ I)» (*Georgia v. Russia*) (№ I), жалоба № 13255/07, *ECHR* 2014 (извлечения) (см.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2014. № 12 (примеч. редактора)). См. также: *Pecorella Giulia. A missing piece in the European Court of Human Rights' judgment «Georgia v. Russia (I)»* // <https://aninternationallawblog.wordpress.com/2014/10/27/a-missing-piece-in-the-european-court-of-human-rights-judgment-georgia-v-russia-i/>; а также особое мнение судьи Гюлумян, приложенное к Постановлению Европейского Суда по делу «Аксу против Турции» (*Aksu v. Turkey*), жалоба №№ 4149/04 и 41029/04, *ECHR* 2012.

³ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2017. № 4 (примеч. редактора).

⁴ В настоящее время это дело находится на рассмотрении Большой Палаты.

⁵ Оба уголовных дела в отношении Ходорковского считаются примерами политических процессов. См., например: *Sakwa Richard. The Trials of Khodorkovsky in Russia* // *Jens Meierhenrich and Devin O. Pendas (eds.). Political Trials in Theory and History*. P. 369–394.

имело “здоровое ядро”». Новый критерий, даже с его смягченным стандартом доказывания и его общим подходом к тому, что преобладающая цель зависит от всех обстоятельств дела и в делящихся ситуациях может меняться с течением времени (см. §§ 307–308 настоящего Постановления), **допускает и, возможно, принимает уголовные преследования со скрытыми мотивами, в первую очередь уголовные преследования с политической повесткой дня**, в манере, подобной подходу со ссылкой на «здоровое ядро».

20. Европейский Суд имеет давнюю традицию заимствования гипотез из других юрисдикций при разработке новых концепций. Настоящее дело не является исключением. Постановление содержит подробное освещение имеющих отношение к делу международных и сравнительно-правовых материалов (см. §§ 155–168 настоящего Постановления) относительно понятия «злоупотребление властью» и невыдачи по делам о политически мотивированных преступлениях. Хотя понятие «злоупотребление властью» (см. §§ 283, 303 и 306 настоящего Постановления) с готовностью воспринимается Европейским Судом в его интерпретации статьи 18 Конвенции, подход в настоящем Постановлении к прецедентной практике в отношении экстрадиции и практике Интерпола (статья 3 Устава Интерпола прямо запрещает вмешательство в дела политического характера, см. §§ 330–331 настоящего Постановления) отличается. Можно утверждать, что рассмотрение судами страны и международных организаций политических мотивов в запросах об экстрадиции отличается от оценки Европейского Суда на основе статьи 18 Конвенции (см. § 330 настоящего Постановления). Данный аргумент, однако, не является достаточным, чтобы заключить, что выводы органов, принимающих решение по запросам об экстрадиции, не имеют никакого отношения к оценке на основании статьи 18 Конвенции, особенно ввиду тщательного и обширного анализа, например, различных судов государств-членов всех обстоятельства дел об экстрадиции, связанных с настоящим делом, с участием бывших высокопоставленных официальных лиц. Источники, связанные с экстрадицией, имеют важное значение, поскольку они не предполагают невиновности лица, которое подвергается политическим преследованиям. Это именно та ситуация «множественности целей», с которой столкнулся Европейский Суд в настоящем деле (см. §§ 292–308 настоящего Постановления). Ожидалось, что Европейский Суд изучит все возможные варианты в этом отношении. Недвусмысленный отказ от хорошо разработанных механизмов экстрадиции, которые помогли бы Европейскому Суду установить наличие замаскированного судебного преследования по политическим мотивам, является достойным сожаления выбором, особенно в свете ограниченных руководящих указаний по этому поводу.

21. В свете всех вышеизложенных аргументов введение критерия, который терпит сравнение законной цели с незаконной для того, чтобы определить преобладающую цель властей, является заметным шагом назад и не окажет помощь Европейскому Суду в разъяснении сути статьи 18 Конвенции.

IV. КОНКРЕТНЫЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА НАСТОЯЩЕГО ДЕЛА

22. Ядром настоящего дела является отстранение заявителя, известного в Грузии политика, который является бывшим премьер-министром, и в соответствующее время был Генеральным секретарем партии «Единое национальное движение», основной и крупнейшей оппозиционной партии и бывшей правящей партии страны, от политической жизни посредством его заключения под стражу.

23. Благодаря различным высоким должностям, которые заявитель занимал в течение длительного периода времени, а также его важного положения в правительстве, которое пришло к власти после «Революции роз» и управляло страной в течение девяти лет (см. §§ 9–12 настоящего Постановления), его роль в новейшей истории Грузии является значительной. Заявитель был очень влиятельной и, что неудивительно, спорной фигурой. Он представлял собой ценный актив его партии, особенно в условиях, когда практически всё руководство партии «Единое национальное движение» было затронуто мерами, осуществляемыми политическим объединением «Грузинская мечта», а представители руководства партии были вынуждены бежать из Грузии или были заключены в тюрьму. Вполне вероятно, что правительство воспользовалось содержанием заявителя под стражей в целях достижения своей главной политической цели – уничтожить партию «Единое национальное движение»¹. Тот факт, что его обвиняемый З.Ч., несомненно, еще один видный член партии «Единое национальное движение», и другие бывшие официальные лица партии «Единое национальное движение» (см. §§ 324 и 327 настоящего Постановления соответственно) были освобождены под залог, не имеет значения для оценки того, что власти преследовали политические цели, заключив заявителя под стражу. Его заключение под стражу имело особое символическое значение.

24. Основным аспектом данного дела является анализ фактического контекста в соответствии со статьей 18 Конвенции. Постановление по делу правильно определяет сферу предела рассмотрения дела, отмечая, что утверждения относительно тайного вывоза заявителя из его тюремной камеры не составляют отдельной части жалобы по статье 18 Конвенции, а являются «еще одним аспектом

¹ См. сноску 1 на с. 83 настоящего номера.

или еще одним аргументом в поддержку уже представленной части жалобы» (см. § 250 настоящего Постановления). Иными словами, все факты по делу должны быть проанализированы в свете жалобы заявителя о том, что целью уголовного дела против него и его содержания под стражей было исключить его из политической жизни и не дать ему баллотироваться на президентских выборах в Грузии в октябре 2013 года (см. § 241 настоящего Постановления). Следовательно, разные пункты жалобы заявителя образуют неразделимое целое, и делить их на две части, как это предлагается в Постановлении (см. § 319 настоящего Постановления), нелогично и искусственно.

25. Заявитель, как и заявители в некоторых других делах по статье 18 Конвенции, был осужден за злоупотребление должностными полномочиями, что является одной из категорий преступлений, уязвимых для политического злоупотребления, как упоминалось выше¹. В настоящем Постановлении скорее переоценивается тот факт, что задержание заявителя и его содержание под стражей были осуществлены в целях, предусмотренных подпунктом «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, при понимании того, что дела в отношении него имели «здоровое ядро» (см. § 318 настоящего Постановления; здесь опять вышеупомянутое обсуждение сходства между новым подходом и подходом, который применялся в деле «Ходорковский и Лебедев против Российской Федерации», становится актуальным). Европейский Суд считает, что «разумное подозрение» имеется до тех пор, пока власти могут доказать, что у них имелась, по крайней мере, некоторая информация, связывающая заявителя с преступлением. В целом по делам о содержании под стражей до суда прецедентная практика предусматривает очень низкий уровень проверки (см., например, § 191 настоящего Постановления, в котором говорится, что полномочия Европейского Суда в отношении пункта 1 статьи 5 Конвенции первоначально ограничены, и § 193 настоящего Постановления, в котором указывается, что Европейский Суд «не может с легкостью отходить от выводов внутригосударственных властей и судов относительно применения внутреннего законодательства»).

26. Вывод об отсутствии нарушения пункта 1 статьи 5 Конвенции означает, что заявитель не застрахован от привлечения к уголовной ответственности. В то время как проявления бездействия, отмеченные в Постановлении (см. §§ 192 и 227–228 настоящего Постановления), не могут привести к нарушению Конвенции по вышеуказанным причинам, у нас остаются серьезные сомне-

ния в истинности всех предъявленных обвинений и обоснованности задержания заявителя и его продолжающегося содержания под стражей до суда. Большая Палата Европейского Суда также признает (см. § 320 настоящего Постановления), что могло иметь место подозрение относительно политических мотивов, стоящих за обвинениями. В этой связи показательно, что в докладе Комитета по правовым вопросам и правам человека Парламентской Ассамблеи Совета Европы, который привел к принятию Резолюции Ассамблеи № 2077(2015) о злоупотреблении досудебным содержанием под стражей в государствах – участниках Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, отмечено в отношении Грузии «поразительное количество отдельных примеров избирательного и предположительно неправомерного использования досудебного содержания под стражей в отношении политических оппонентов»². В этой резолюции содержание заявления под стражей конкретно упоминалось в качестве примера давления на заключенных с целью заставить их сознаться в совершении преступления или сотрудничать с государственным обвинением³ (см. § 135 настоящего Постановления).

27. После того, как Большая Палата Европейского Суда тщательно проанализировала имеющиеся в ее распоряжении материалы, она пришла к выводу, что утверждения заявителя о его тайном вывозе из тюремной камеры 14 декабря 2013 г. для встречи с генеральным прокурором были достаточно убедительными и доказанными (см. §§ 333–350 настоящего Постановления)⁴. **Это означает, что сам государственный аппарат был задействован сначала для того, чтобы вывезти такого высокопоставленного заключенного из камеры, а затем – чтобы скрыть этот случай.**

28. Незаконный вывоз бывшего премьер-министра из тюрьмы не является легкомысленным поступком и не происходит без определенной причины. Важнейшими аспектами дела были реак-

¹ Европейский Суд в данном деле озабочен двумя уголовными обвинениями, в связи с которыми заявителю было назначено досудебное содержание под стражей 22 мая 2013 г. и продлено 25 сентября и 7 октября 2013 г., см. §§ 170 и 320 настоящего Постановления.

² Доклад Комитета по правовым вопросам и правам человека о злоупотреблении досудебным заключением под стражу в государствах – участниках Европейской конвенции по правам человека от 7 сентября 2015 г., документ № 13863, § 72 // <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-DocDetails-EN.asp?FileID=21992&lang=EN>

³ Резолюция Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 2077(2015), пункт 7.1.

⁴ Недавнее интервью с бывшим руководителем Департамента по связям с общественностью Министерства по исполнению наказаний, пробации и юридической помощи Грузии также подтверждает выводы Европейского Суда. Иракий Корзая заявил, что вывоз Мерабишвили из тюрьмы сотрудниками Департамента исполнения наказаний, по меньшей мере, был согласован с премьер-министром Гарибашвили и что власти вмешались в ход расследования и уничтожили доказательства. Эксклюзивное интервью (на грузинском языке) средству массовой информации «Другие акценты» от 15 июля 2017 г. см.: <http://rustavi2.ge/en/video/26486?v=2>

ции властей на это событие (см. §§ 67–70 настоящего Постановления) и, в частности, одобрение премьер-министром Гарибашвили заявления, сделанного ранее бывшим премьер-министром Иванишвили: «Итак, что произошло после того, как [О.П.] похитил [заявителя]? Что он тогда сделал с [ним], изнасиловал его или что?» (см. § 92 настоящего Постановления). Большинство утверждений, сделанных в этом контексте, называли слова заявителя абсурдными, неправдивыми, лживыми, провокационными и смехотворными, было сказано, что они не только не требуют расследования, но и требуют оценки психологами и психиатрами (см. § 68 настоящего Постановления). Разглашение таких утверждений следует рассматривать как свидетельство существующих политических предубеждений, а именно что заявителю как представителю ранее правящей партии нельзя доверять, по умолчанию его следует считать лжецом и, в целом, следует полностью оградить его не только от политической жизни, но и от доступа к государственной системе защиты.

29. Хорошо задокументировано то, что до и после парламентских выборов 2012 года политическая ситуация в Грузии была поляризована и раздроблена (см. среди прочих ссылок §§ 127–137 и 329 настоящего Постановления)¹. В стране была атмосфера острого политического противостояния политического объединения «Грузинская мечта» и партии «Единое национальное движение». Ключевые фигуры объединения «Грузинская мечта» заявили о своем стремлении ликвидировать партию «Единое национальное движение» как политическую силу². Независимые источники, описывавшие политические события и уголовные дела против бывших официальных лиц правительства, в том числе в отношении заявителя, указывали, что они сталкивались с двойными стандартами и избирательным правосудием³. Имеющиеся материалы

¹ См., например, Парламентская Ассамблея Совета Европы, Резолюция № 2015(2014) о функционировании демократических институтов в Грузии // <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=21275&lang=EN>; PACE Debates on Georgia // <http://www.civil.ge/eng/article.php?id=27697>; Polish MFA «Concerned over Possible Selective Justice in Georgia» // http://www.civil.ge/eng_old/article.php?id=27551

² См. выше доклад о злоупотреблении досудебным заключением под стражу в государствах-участниках, пункт 75; GEO PM: We Must Drive UNM out of Government Once and For All // <http://www.tabula.ge/en/story/84242-geo-pm-we-must-drive-unm-out-of-government-once-and-for-all>; Head of ISFED: Tsulukiani's Comment about Destroying UNM Unacceptable // <http://www.tabula.ge/en/story/75721-head-of-isfed-tsulukianis-comment-about-destroying-unm-unacceptable>

³ Парламентская Ассамблея Совета Европы, Резолюция № 2015(2014) о функционировании демократических институтов в Грузии, пункт 10; доклад Комиссара по правам человека Совета Европы по итогам его визита в Грузию с 20 по 25 января 2014 г., г. Страсбург, 12 мая 2014 г., CommDH (2014)9, с. 3, 12–15 // <https://rm.coe.int/16806db81a>; см. также Замечания Комиссара Совета Европы по правам человека

также свидетельствуют о том, что содержание под стражей было использовано чрезмерно против членов и руководителей партии «Единое национальное движение», видимо, специально для того, чтобы дискредитировать или иным образом нейтрализовать политических оппонентов⁴. По словам председателя Вестминстерского магистратского суда, который вынес решение против экстрадиции бывшего министра обороны Грузии из Соединенного Королевства в Грузию в 2016 году: «Нынешняя власть продемонстрировала... сильную заинтересованность в уголовном преследовании бывших политических деятелей партии “Единое национальное движение”. Количество официальных лиц партии “Единое национальное движение”, привлеченных к уголовной ответственности или заключенных под стражу, было весьма значительным» (см. также §§ 140–141 настоящего Постановления). Дел официальных лиц партии «Единое национальное движение», экстрадиция которых была отклонена государствами – членами Совета Европы, было в переизбытке, помимо упомянутых в настоящем деле (см. §§ 138–139 настоящего Постановления). Многие из этих официальных лиц уже получили политическое убежище⁵.

30. Демократия и верховенство права не могут быть предписаны каким-либо текстом, но

о положении в области прав человека в Грузии: обновленная информация о реформах в области правосудия, терпимости и недискриминации, г. Страсбург, 12 января 2016 г., CommDH(2016)2, с. 3 // [https://rm.coe.int/ref/CommDH\(2016\)2](https://rm.coe.int/ref/CommDH(2016)2); EU warns Georgia against Political Revenge on Former Officials // <http://www.reuters.com/article/us-georgia-eu-idUSBRE8APOU420121126>; Международный доклад организации «Хьюман райтс уотч» за 2014 год: Грузия // <http://www.hrw.org/world-report/2014/country-chapters/georgia?page=1>

⁴ См. также упоминавшуюся выше Резолюцию Парламентской Ассамблеи Совета Европы № 2077(2015), пункт 7.2; Замечания о положении в области прав человека в Грузии, а также доклад Комиссара Совета Европы по правам человека по итогам его визита в Грузию с 20 по 25 января 2014 г., с. 12–15. См. также ссылку на дело Александра Нинуа, отмечающую, что на него оказывали давление, чтобы он дал показания против Давита Кезерашвили, в докладе организации «Демократическая инициатива Грузии»: Politically Biased Justice in Georgia (2015). P. 67–69 // <http://gdi.ge/uploads/other/0/241.pdf>; см. также доклад Комитета по правовым вопросам и правам человека о злоупотреблении досудебным заключением под стражу в государствах – участниках Европейской конвенции по правам человека от 7 сентября 2015 г., документ № 13863, и упоминавшийся выше доклад Венецианской комиссии о взаимосвязи между политической и уголовной ответственностью министров.

⁵ См. среди прочих примеров: Statement by the Office of the Chief Prosecutor in Connection with the Extradition of M. Saakashvili and Z. Adeishvili // http://pog.gov.ge/eng/news?info_id=637; Prosecutor's Office Explains the Reasons for Annulling Interpol Red Notice, International Search Warrant against Z. Adeishvili and S. Kavtaradze // http://pog.gov.ge/eng/news?info_id=674; Ex-official wanted in Georgia given asylum in EU // <http://dfwatch.net/ex-official-wanted-in-georgia-given-asylum-in-eu-23468-23281>

нуждаются в институциональных гарантиях¹. Поляризованная и раздробленная политическая жизнь подвержена высокому риску применения возмездия против политических соперников. Шансы использования уголовного правосудия для достижения этой цели высоки. Только хорошо функционирующие демократии могут обеспечить разделение политической и уголовной ответственности². Беспристрастность и независимость прокуроров и судов являются основной гарантией против злоупотребления властью³. Однако состояние системы уголовного правосудия Грузии на протяжении многих лет вызывает озабоченность. Несмотря на то, что был признан некоторый прогресс этой системы, размывание общественного доверия, отсутствие независимости судебных органов (в частности, из-за такой практики, как перевод судей из суда в суд и распределение дел между судьями в отсутствие полностью прозрачного порядка реализации этой процедуры и таким способом, который оставляет простор для манипуляций и вмешательства), значительная роль политики в процессе возбуждения уголовного дела и выборочного правосудия были названы в качестве основных проблем, особенно в отношении политически чувствительных дел (см. также §§ 132–137 настоящего Постановления)⁴. В этой связи слова Докладчика Парламентской Ассамблеи Совета Европы в отношении содержания под стражей поучительны: *«мне также были предоставлены конкретные примеры давления на судей [в Грузии], которые отказывались назначать досудебное содержание под стражей, и искать “удобных” судей, призванных обеспечить, чтобы ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении бывших официальных лиц разрешались судьями положительно для обвинения»*. Комиссар Совета Европы по правам человека даже призвал,

чтобы утверждения об избирательном правосудии были рассмотрены на «системном уровне» (см. § 132 настоящего Постановления). Согласно недавно опубликованному «Докладу о глобальной конкурентоспособности» ситуация с независимостью судебной системы в стране еще больше ухудшилась в 2017 году⁵.

31. Описанные выше обстоятельства усиливают определенность политического измерения действий властей в отношении заявителя, особенно ввиду расследования смерти бывшего премьер-министра Зураба Жвани и предположительно секретных оффшорных банковских счетов бывшего президента Михаила Саакашвили, в отношении которых на заявителя оказывалось давление с целью принудить его к сотрудничеству с властями.

32. Значение этих двух случаев для внутривнутриполитической ситуации Грузии можно резюмировать следующим образом.

1. Расследование по факту смерти бывшего премьер-министра Жвани

33. Смерть Зураба Жвани, выдающейся фигуры в грузинской политике, активно обсуждается в Грузии уже более 10 лет (см. § 61 настоящего Постановления). В ходе предвыборной кампании и после прихода к власти политическое объединение «Грузинская мечта» заявило, что расследование этого дела «входит в число его главных приоритетов»⁶. Возобновленное расследование было начато в 2012 году и, как полагают, активно набирает обороты, тем самым повышая ожидания в обществе. В этом контексте рвение О.П.⁷, назначенного генеральным прокурором 21 ноября

¹ См.: Issacharoff S. *Fragile Democracies*. P. 1.

² См. упоминавшийся выше доклад Венецианской комиссии о взаимосвязи между политической и уголовной ответственностью министров, пункт 105.

³ *Ibid.*

⁴ Бюро Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе по демократическим институтам и правам человека, доклад о мониторинге судебных процессов в Грузии, 2014 год, пункты 51 и 63 // <http://www.osce.org/odihr/130676?download=true>; см. также доклад организации «Международная амнистия» за 2016–2017 годы: состояние прав человека в мире, выпущенный 22 февраля 2017 г. // <https://www.amnesty.org/en/documents/pol10/4800/2017/en/>. В последнем докладе отмечается: «12 января Комиссар Совета Европы по правам человека сообщил, что суды склонны назначать заключение под стражу или назначать наказание в виде лишения свободы членам партии “Единое национальное движение”, по сравнению с залогом и штрафом, назначаемым проправительственным активистам по аналогичным делам». См. также доклад Государственного департамента США о правах человека в Грузии 2016 года // <https://www.state.gov/documents/organization/265634.pdf>

⁵ Всемирный экономический форум, доклад о глобальной конкурентоспособности за 2017–2018 годы, с. 125 // <http://www3.weforum.org/docs/GCR2017-2018/05FullReport/TheGlobalCompetitivenessReport2017%E2%80%932018.pdf>

⁶ См.: Probe «Resumed» into PM Zhvania’s Death // <http://www.civil.ge/eng/article.php?id=25487>; Ivanishvili’s Incoming Govt’s Program // <http://www.civil.ge/eng/article.php?id=25384>

⁷ Это не единственный случай, когда этот человек был в центре внимания средств массовой информации. Он подал в отставку в результате скандала по поводу судимостей, но до сих пор считается сохраняющим неформальную власть над правоохранительными органами (см. Chief Prosecutor Resigns // <http://civil.ge/eng/article.php?id=26835>; Targamadze: Financial Police is under ownership of Partskhaladze (на грузинском языке) // <http://www.tabula.ge/ge/story/120353-targamadze-finansuri-policia-farcxaladzis-pirad-sakutrebashia>. В 2017 году О.П. был также обвинен в физическом нападении на председателя Счетной палаты Грузии, см.: Georgia’s State Audit Office Chairman Assaulted // <http://www.civil.ge/eng/article.php?id=30099>. Рассмотрение последнего дела властями также являлось предметом критики, см.: Joint Statement of NGOs regarding Assault of Lasha Tordia, Auditor General of Georgia // https://idfi.ge/en/ngos_statement_on_attack_to_general_auditor_lasha_tordia

2013 г., произвести прорыв¹ в расследовании внушает доверие. В те же сроки были задержаны два телохранителя Жваниа вместе с бывшим главным судебным патологоанатомом, который производил вскрытие умершего премьер-министра². Один из телохранителей, Х., был задержан в связи с не связанным с этим делом 16 декабря 2013 г. (накануне заявитель озвучил утверждения о своем тайном вывозе из тюремной камеры). Это немедленно породило предположение о том, что это может быть связано с ведущимся расследованием смерти Жваниа. Премьер-министр Гарибашвили, комментируя утверждения заявителя, среди прочего, отметил, что Мерабишвили, видимо, «запаниковал» после задержания Х.³. На сегодняшний день возобновленное расследование не изменило первоначального вывода о том, что смерть Жваниа была вызвана отравлением угарным газом из-за неправильно вентилируемого газового обогревателя⁴.

2. Дело бывшего президента Саакашвили

34. Бывший президент Грузии Саакашвили является учредителем партии «Единое национальное движение». После окончания срока его полномочий он проживал за пределами Грузии и был лишен гражданства Грузии. Несмотря на это, он по-прежнему считается лидером партии, хотя формально должность председателя партии вакантна. В отношении него было начато несколько расследований, среди прочего, относительно его личных активов и смерти Жваниа, и это привело к тому, что его вызвали на допрос в марте 2014 года⁵. Многие международные наблюдатели выразили

озабоченность по поводу возможной политической мотивации и отсутствия беспристрастности этих расследований⁶.

35. Согласно решению Вестминстерского магистратского суда по делу об экстрадиции, упомянутому выше (см. § 141 настоящего Постановления), обвинение было особенно заинтересовано в получении информации о предположительных финансовых активах бывшего президента Грузии, и заявитель не был единственным политиком, к которому искали подходы для получения такой информации. Кроме того, многие люди дали показания, что на них было оказано давление с целью получения доказательств или добиться осуждения членов партии «Единое национальное движение» и особенно в случае Саакашвили⁷. Это означает, что необходимость получить подобные доказательства имела решающее значение для властей. Период оказания давления на заявителя также представляется важным: Саакашвили завершил свой срок полномочий в качестве президента Грузии в ноябре 2013 года (см. § 13 настоящего Постановления), незадолго до вывоза заявителя из тюрьмы, и, таким образом, Саакашвили больше не обладал неприкосновенностью.

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

36. «Всякий политический режим имеет своих врагов или в свое время создает их»⁸. «Никогда не было золотого века, когда правительство отказыва-

¹ См.: Kbilashvili: There is Progress in the Investigation of the Death of Zurab Zhvania (на грузинском языке) // <http://www.tabula.ge/ge/story/73052-kbilashvili-zurab-zhvanias-gardacvalebis-saqmis-gamodziebashi-progresia>

² См.: Ex-Chief Forensic Pathologist Arrested into Zhvania's Case // <http://www.civil.ge/eng/article.php?id=27053>; PM Comments on Merabishvili's Allegations // <http://www.civil.ge/eng/article.php?id=26792>; Prosecutor's office detains Zhvania's bodyguard // <http://www.tabula.ge/en/story/81293-prosecutors-office-detains-zhvanias-bodyguard>

³ См.: PM Comments on Merabishvili's Allegations; Prison Minister Denies Merabishvili's Allegations as «Utterly False» // <http://www.civil.ge/eng/article.php?id=26797>

⁴ Бывший главный судебный патологоанатом был оправдан Верховным судом 3 декабря 2016 г. в отношении обвинения в служебной халатности (неправильная отчетность) за неизучение травм скончавшегося премьер-министра всесторонне. В 2015 году двое телохранителей были признаны виновными в пренебрежении служебными обязанностями (поскольку они не следовали стандартному протоколу службы безопасности и оставили Жваниа без охраны во время инцидента). См.: Jury Finds Late PM Zhvania's Bodyguards Guilty of Neglect // <http://www.civil.ge/eng/article.php?id=28501>; Expert L.Ch. acquitted on Zhvania case in all three instances court // <http://rustavi2.ge/en/news/62732>

⁵ См.: Prosecutors Summon Saakashvili for Questioning // <http://www.civil.ge/eng/article.php?id=27059>

⁶ См.: Georgia Files Criminal Charges Against Ex-President // <http://www.nytimes.com/2014/07/29/world/europe/georgia-files-criminal-charges-against-ex-president.html>; Prosecutors Offer Saakashvili Questioning via Skype // <http://www.civil.ge/eng/article.php?id=27084>; Georgia: EU concern at criminal charges against former President Saakashvili // <http://www.finchannel.com/~finchannel/world/georgia/38859-georgia-eu-concern-at-criminal-charges-against-former-president-saakashvili>; Georgian PM: Swedish, Lithuanian FMs are from «Club of Saakashvili's Friends» // <http://www.civil.ge/eng/article.php?id=27565>; Bildt: If PM Does Not Want To Listen To Best Friends of His Country, We Take Note // <http://www.tabula.ge/en/story/86622-bildt-if-pm-does-not-want-to-listen-to-best-friends-of-his-country-we-take-note>

⁷ См.: Roland Akhalaia: There is pressure on us to give testimony against Saakashvili» (на грузинском языке) // <http://netgazeti.ge/news/30106/>; Ex-Head of Security of Zurab Zhvania: «They wanted to obtain testimony against Saakashvili, but I was against it» (на грузинском языке) // <http://saqinform.ge/news/25300/zurab+Jvianas+dacvis+yofili+ufrosi%3A+%E2%80%9Czurab+Jvianas+orientacii+shesaxeb+did+vania+vico+di+da+misgan+sheTavazebac+mqonda...+undodaT+mishasTv+is+gadabraleba%2C+Tumca%2C+mis+winaaRmdeg+chvneba+a+ar+miveci...%E2%80%9C.html>; Erekle Kodua was promised reinstatement in the system of the Ministry of Internal Affairs in exchange for testimony against Saakashvili (на грузинском языке) // <http://www.fmabkhazia.com/news/3803-saakashvilis-cinaaghmddeg-chvnebis-micemis-sanacvlod-erekle-koduas-sistemashi-aghdgenas-sthavazobdnen.html>; см. также сноску 3 на с. .

⁸ См.: Kirchheimer O. Political Justice... P. 3.

лось бы кого-то подвергать гонениям, хотя когда-то была надежда, что мы достигнем этой цели»¹. Действительно, настоящее дело не является ни первым, ни последним делом с деликатным политическим контекстом, особенно в рамках статьи 18 Конвенции. Сохраняя свою политически нейтральную позицию, Европейский Суд должен быть особенно внимательным к делам с проявлением признаков политических репрессий. Безусловно, необходимо поддерживать хрупкий баланс, не упрощая статью 18 Конвенции и сохраняя ее в качестве эффективного механизма защиты. Но обращение к нему не должно быть невозможным.

37. Введение критерия преобладающей цели ослабит статью 18 Конвенции в качестве гарантии от необоснованного ограничения прав, предусмотренных Конвенцией. Этот расплывчатый сформулированный новый стандарт не обеспечивает объективных критериев для оценки ситуаций, связанных с множественностью целей, и предоставляет властям широкие возможности для злоупотребления системой уголовного правосудия для достижения политических целей, включая возможность устранения политических оппонентов, маскируя их ненадлежащие программы более изощренным образом. Следовательно, это приведет к новой волне расхождений прецедентной практики, что особенно тревожно в такой чувствительной области конвенционной защиты.

38. Заключение под стражу не может использоваться как средство морального давления на обвиняемого (см. Постановление Европейского Суда по делу «Гусинский против Российской Федерации» (*Gusinskiy v. Russia*), жалоба № 70276/01², §§ 74–77, *ECHR* 2004-IV, и Постановление Европейского Суда по делу «Георгий Николаишвили против Грузии» (*Giorgi Nikolaishvili v. Georgia*) 13 января 2009 г., жалоба № 37048/04, §§ 57–58). Когда задержание и содержание под стражей, пусть даже законные, превращаются властями в инструмент злоупотреблений со скрытыми политическими (и в первую очередь деструктивными) мотивами, с этим нельзя мириться. В противном случае это будет означать предоставление карт-бланша властям страны и будет иметь «сдерживающий эффект» по отношению к демократии³. Это может также привести к сдерживанию широкой общественности от участия

в открытых политических дебатах, что поставит под угрозу функционирование демократических институтов. Поэтому в тех случаях, когда **налицо неправильное использование государственного механизма в ненадлежащих политических целях, Европейский Суд должен считать его по умолчанию преобладающей целью и таким образом установить нарушение статьи 18 Конвенции.**

39. Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, тревожным фактом является тайный вывоз бывшего премьер-министра из тюрьмы для встречи с генеральным прокурором рано утром с целью оказания на него давления по двум политически важным и чувствительным вопросам. Власти Грузии прямо признали в ходе слушания в Большой Палате Европейского Суда, что имелся еще «огромный вопрос» к заявителю, на который он должен ответить в отношении смерти Жвании (см. §§ 61 и 352 настоящего Постановления). **Хронологическая корреляция между вывозом заявителя из его тюремной камеры и событиями вокруг двух чувствительных тем внутренней политики самоочевидна.** В ней раскрывается подлинная скрытая цель властей: извлечь выгоду из задержания заявителя, с одной стороны, полностью препятствуя ему в продолжении его политической деятельности, а с другой стороны, также получая информацию о политически значимых расследованиях.

40. Большая Палата Европейского Суда сама признала в своей мотивировке настоящего Постановления, что содержание заявителя под стражей на более поздних стадиях имело целью получить от него информацию о смерти Жвании и банковских счетах Саакашвили (две темы, которые, по словам Европейского Суда, имели для властей большое значение, см. § 352 настоящего Постановления). Эти две цели, которые, будучи чуждыми для набора допустимых ограничений, содержащихся в пункте 1 статьи 5 Конвенции, послужили основанием для установления нарушения статьи 18 Конвенции в настоящем деле (см. § 354 настоящего Постановления), сами по себе носили явно политический характер. Все эти ясно различимые политические коннотации не оставляют места для каких-либо выводов, кроме того, что преобладающая цель лишения Мерабишвили свободы должна была ослабить его влияние на политическую жизнь в Грузии в нарушение статьи 18 Конвенции.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ГЕОРГИЯ А. СЕРГИДЕСА

1. Мое единственное несогласие с настоящим Постановлением сосредотачивается на толковании и применении статьи 18 Конвенции во взаи-

¹ См.: *Shklar J.N. Legalism: Law, Morals, and Political Trials*. P. 150.

² См.: Российская хроника Европейского Суда. 2005. № 2 (*примеч. редактора*).

³ См., например, Постановление Европейского Суда по делу «Навальный и Яшин против Российской Федерации» (*Navalnyy and Yashin v. Russia*) 4 декабря 2014 г., жалоба № 76204/11, § 74 (см.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2015. № 1 (*примеч. редактора*)), и Постановление Европейского Суда по делу «Фрумкин против Российской Федерации» (*Frumkin v. Russia*), жалоба № 74568/12, § 141 *ECHR* 2016 (извлечения) (см.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2016. № 7 (*примеч. редактора*)).

мосвязи с пунктом 1 статьи 5 Конвенции. Хотя я пришел к такому же выводу, как и в настоящем Постановлении, а именно что по делу было допущено нарушение статьи 18 Конвенции во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 5 Конвенции, я не согласен с тем, каким образом этот вывод был достигнут Европейским Судом.

I. ТОЛКОВАНИЕ И ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 18 КОНВЕНЦИИ – МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ЦЕЛЕЙ ОГРАНИЧЕНИЙ

2. При всем уважении я не разделяю мнение о том, что текст и цель статьи 18 Конвенции несут в себе интерпретации, которые могут различать ограничения, цель которых преимущественно законная, и другие ограничения, цель которых незаконная, но не преимущественно, и наоборот. Иными словами, я не могу согласиться с мнением, принятом в настоящем Постановлении (см. §§ 305, 307, 309, 318, 332 и 351–353), что критерий, подлежащий применению в отношении ограничений прав, предусмотренных в Конвенции, в настоящем деле в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции должен быть основан на преобладании их цели как законной над любой незаконной целью. В этой связи следует отметить, что законность цели ограничений является одним из составных элементов или компонентов их законности или правомерности.

3. При таком подходе я не поддерживаю критерий преобладающей цели, который допускает наличие «множественности целей», одна из которых может быть незаконной, хотя и не доминирующей, в рамках запретительной клаузулы статьи 18 Конвенции. Скорее я поддерживаю линию рассуждений Постановления Палаты Европейского Суда, принятого единогласно, которая не вдавалась в такое различие и формулировки, которым уделено внимание настоящее Постановление. Соответствующие параграфы Постановления Палаты Европейского Суда, §§ 106–107, гласят следующее:

«106. Принимая во внимание вышеустановленные факты, Европейский Суд не может не признать, что содержание заявителя под стражей было использовано не только с целью, чтобы он предстал перед компетентным органом по обоснованному подозрению в злоупотреблении служебным положением и иных правонарушениях, совершенных на государственной службе, в которых он был обвинен, но прокуратура также использовала в качестве дополнительной возможности получить рычаги влияния на несвязанное с его делом расследование смерти бывшего премьер-министра и провести расследование финансовой деятельности бывшего главы государства, две цели, совершенно не относящиеся к подпункту “с” вышеуказанного положения. Действительно, перспектива содержания под стражей не может быть использо-

вана как средство оказания психического давления на обвиняемого...

107. Соответственно, по делу было допущено нарушение статьи 18 Конвенции во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 5 Конвенции».

4. Как я объясню далее, различие, проведенное в настоящем Постановлении между ограничениями в зависимости от того, была ли их преобладающая цель законной или незаконной, не поддерживается никакими методами толкования.

5. Прежде всего следует сказать, что, как предусмотрено в статьях 19 и 32 Конвенции соответственно, Европейский Суд был создан, чтобы функционировать на постоянной основе в целях «обеспечения соблюдения обязательств, принятых на себя Высокими Договаривающимися Сторонами по настоящей Конвенции» и осуществления юрисдикции по «всем вопросам, касающимся толкования и применения положений Конвенции».

A. ТЕКСТ И ХАРАКТЕР СТАТЬИ 18 КОНВЕНЦИИ (ТЕКСТУАЛЬНОЕ ИЛИ БУКВАЛЬНОЕ ТОЛКОВАНИЕ)

6. Толкование того или иного положения Конвенции обычно начинается с текста соответствующего положения и обычного значения его терминов. Неоднократно Европейский Суд использовал понятие «обычное значение» для разъяснения положений Конвенции (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Джонстон и другие против Ирландии» (Johnston and Others v. Ireland) от 18 декабря 1986 г., § 51, Series A, № 112, и Постановление Европейского Суда по делу «Литгоу и другие против Соединенного Королевства» (Lithgow and Others v. United Kingdom) от 8 июля 1986 г., § 114, Series A, № 102).

7. Статья 18 Конвенции, озаглавленная «Пределы использования ограничений в отношении прав», гласит следующее:

«Ограничения, допускаемые в настоящей Конвенции в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться для иных целей, нежели те, для которых они были предусмотрены».

8. Формулировка вышеуказанного положения – «не должны применяться для иных целей, нежели те...» – составлена таким обязательным, простым, ясным и недвусмысленным образом, чтобы не оставлять сомнений в обязательном характере устанавливаемой нормы.

9. Кроме того, фраза «нежели те, для которых они были предусмотрены», ссылаясь на ограничения, предусмотренные в Конвенции, не оставляет сомнений в том, что указанные ограничения предназначены для применения только в целях, предусмотренных в Конвенции, а не в каких-либо иных целях. Цели, установленные в Конвенции, являются единственно законными, и они «образуют *numerus*

*clausus*¹, поскольку охраняемое поведение и интересы прав не могут быть ограничены ни для какой цели, кроме той, которая указана в соответствующем конкретном положении об ограничении»². Статья 18 Конвенции призвана обеспечить защиту от злоупотребления властью. Как справедливо указано в Постановлении (см. § 167 настоящего Постановления), «имеет место злоупотребление властью, когда орган власти использует свои полномочия не для той цели, для которой они были предоставлены». Статья 18 Конвенции относится к любому злоупотреблению властью и не ограничивается злоупотреблением властью по ненадлежащим политическим соображениям или с дискриминационными причинами, которые являются наиболее типичными примерами злоупотребления властью.

10. Четкий и ясный текст статьи 18 Конвенции не оставляет никакого места для незаконных или неправомерных ограничений, независимо от того, являются ли их цели в большей или меньшей степени преобладающими по значению над целями, предусмотренными ограничениями в Конвенции (то есть ограничениями с законной или правомерной целью). Кроме того, следует отметить, что нигде в статье 18 Конвенции или в любом другом положении Конвенции не фигурируют прилагательные «преобладающий», «основной» или «главный», относящиеся к цели ограничения. Главный принцип толкования состоит в том, что при чтении или толковании положения не следует добавлять слова, которых нет в самом тексте, особенно в тех случаях, когда его смысл абсолютно ясен³.

11. Наконец, правило толкования, а именно, что в тех случаях, когда закон не проводит разли-

чия, проводить различие не следует, «*ubi lex non distinguit, nec nos distinguere debemus*»⁴, здесь может быть особенно актуально и полезно. При всем уважении это правило, как представляется, было нарушено выводом, сделанным в Постановлении.

В. ОБЪЕКТ И ЦЕЛЬ СТАТЬИ 18 КОНВЕНЦИИ (ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННОЕ ИЛИ ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ)

12. Далее рассмотрим статью 18 Конвенции в контексте цели, для достижения которой это положение предназначено. Поскольку текст данной статьи ясен и однозначен, ее цель также ясна. Затем я остановлюсь на целевом или телеологическом⁵ толковании статьи 18 Конвенции, то есть на толковании, основанном на объекте и цели указанной статьи.

13. Прежде всего нет сомнений в том, что статья 18 Конвенции была направлена на то, чтобы охранять права человека, а не вредить им. Ее цель заключается в запрещении злоупотребления или злоупотребления властью и произвола и предотвращении нарушений принципа добросовестности со стороны национальных властей. Иными словами, она призвана обеспечить, чтобы внутригосударственные власти никогда и ни в коей мере не отступали от верховенства права и принципа демократии при ограничении прав, гарантируемых Конвенцией. Учитывая весьма четкую связь между Конвенцией и демократией, Европейский Суд в своем Постановлении по делу «Партия «Рефах партиси» (Партия благоденствия) и другие заявители против Турции» справедливо сделал следующее замечание:

«Ввиду четкой связи между Конвенцией и демократией... никому не должно быть дозволено ссылаться на положения Конвенции для того, чтобы ослабить или разрушить идеалы и ценности демократического общества»⁶.

14. Презумпция добросовестности является объективной концепцией, отражающей надлежащий уровень поведения властей государств. Все вышеупомянутые принципы верховенства права, демократии и добросовестности пронизывают объективную цель каждого положения Конвенции, особенно ее статьи 18, которая конкретно касается запрещения ненадлежащего использования и зло-

¹ *Numerus clausus* (лат.) – ограничительное положение (примеч. редактора).

² См.: *Gerhard van der Schyff. Limitation of Rights – A Study of the European Convention and the South African Bill of Rights // Van Der Schyff, Tilburg, 2005, p. 186, § 149.*

³ См.: Bell J. and Sir Engle G. (eds). *Cross Statutory Interpretation*, 2nd edn., London, 1987. P. 14; Wilson R. and Galpin B. (eds). *Maxwell on the Interpretation of Statutes*, 11th edn., London, 1962. P. 3 et seq. Актуальными также являются следующие правовые максимы, касающиеся толкования, основанные на здравом смысле и не оставляющие сомнений по существу вопроса: «*interpretatio cessat in claris*» (толкование останавливается тогда, когда текст ясен), «*quoties in verbis nulla est ambiguitas ibi nulla expositio contra verba fienda est*» (когда в словах нет двусмысленности, тогда не должно быть никакого толкования, противоречащего словам, см.: *Coke. On Littleton*, 147 a; «*verbis standum ubi nulli ambiguitas*» (где нет двусмысленности, слов следует придерживаться – Траупор's Maxims, 612); «*absoluta sententia expositione non indiget*» (ясное значение не требует объяснений, см.: 2 Justinian. *Institutes*, 533, *Emer De Vattel. Law of Nations*, Bk. 2, § 263: «недопустимо толковать то, что не нуждается в толковании»); «*expressio facit cessare tacitum*» (ясно выраженное устраняет то, что подразумевается без слов», то есть не оставляет места произвольным толкованиям, см.: *Coke. On Littleton*, 210 a; *Bennion F.A.R. Bennion on Statutory Interpretation: A Code*, 5th edn, London, 2008, section 389. P. 1249–1250).

⁴ См. 7 *Coke's Reports*, 5.

⁵ Слово «телеологический» происходит от греческого слова «τέλος» (*telos*), что означает цель (см.: *Brown Lesley* (ed.). *The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles*, vol. 2 (N-Z), Oxford, 1993. P. 3239, «teleologia»).

⁶ См. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Партия «Рефах партиси» (Партия благоденствия) и другие против Турции» (*Refah Partisi (the Welfare Party) and Others v. Turkey*), жалоба № 41340/98 и три другие, § 99, *ECtHR* 2003-II.

употребления властью. В этой связи считаю весьма полезным сослаться на то, что сказал бывший председатель Верховного суда Израиля, профессор Аарон Барак об основополагающих конституционных ценностях и целенаправленном толковании правового текста. То, что он говорит в следующем отрывке, касающемся обычного законодательства страны, может *a fortiori*¹ применяться при толковании статьи 18 Конвенции, которая была предназначена для поддержки и укрепления этих ценностей:

«Толкователь любого правового текста должен интегрировать его в конституционную структуру демократии и основополагающие ценности системы. Эти ценности отражают демократический характер Конституции, основные ценности и устремления правовой системы, ее конституционное право. Они составляют ее кредо и окружающую среду каждой части законодательства. Иногда эти ценности являются частью замысла автора текста (субъективная цель). Они всегда являются частью намерения разумного автора и системы (объективная цель). Они отражают предварительное понимание, с которым толкователь подходит к своей работе. Они отражают предпосылки, лежащие в основе правовой системы. Данный подход играет центральную роль в толковании конституций и статутов, однако он применяется к толкованию любого юридического текста. Исходя из различных презумпций цели, мы исходим из того, что статут актуализирует конституционную ценность. Конкретный законодательный орган, желающий отойти от этой основополагающей системы, должен четко и недвусмысленно выразить это желание на языке статута. Толкователь не должен предполагать, что тот или иной текст стремится отойти от основополагающих конституционных принципов. Напротив, толковательная посылка, и она является объективной целью каждого текста, выраженной в презумпциях объективной цели, заключается в том, что текст статута призван реализовать демократию и основополагающие принципы системы, а не отклоняться от них.

Таким образом, статут должен толковаться с учетом институциональных принципов, правосудия и прав человека»².

15. В отличие от толкования, которому следовали в настоящем Постановлении, толкование, которое я предлагаю, полностью согласуется с целью статьи 18 Конвенции. Толкование, которое не учитывает цель статьи 18 Конвенции, а именно, что верховенство права должно поддерживаться во все времена и всеми органами власти, может привести к неопределенности, непредсказуемости и, в конечном счете, к правовому хаосу и анархии. Верховенство права прямо упоминается в Преамбуле Конвенции и имманентно присуще всем ее статьям.

16. *Raison d'être*³ статьи 18 Конвенции состоит в обеспечении принципа правовой определенности. Как Европейский Суд уместно указал в деле «Газета «Санди Таймс» против Соединенного Королевства (№ 1)»: ⁴

«...Норма не может считаться законом, если она не сформулирована с достаточной точностью, чтобы позволить гражданину регулировать свое поведение: он должен иметь возможность, при необходимости с соответствующей консультацией, предвидеть в степени, которая является разумной в обстоятельствах, последствия, которые то или иное его действие может повлечь за собой».

В настоящем деле допущение ограничения в силу пункта 1 статьи 5 Конвенции о праве на свободу и неприкосновенность личности в свете посторонней цели, которая не была доведена до заявителя, не позволит заявителю узнать истинные причины своего задержания, как предусмотрено в пункте 2 статьи 5 Конвенции, и надлежащим образом оспорить законность его заключения под стражу, как это предусмотрено в пункте 4 статьи 5 Конвенции. Вся формулировка и цель статьей 5 и 18 Конвенции базируются на идее о том, что ограничения права на свободу и неприкосновенность личности должны быть законными. В том же духе статья 7 Резолюции № 2077(2015), принятой 1 октября 2015 г. Парламентской Ассамблеей Совета Европы (см. также § 135 настоящего Постановления), осуждает правонарушающее содержание под стражей до суда.

17. Европейский Суд справедливо замечает в § 307 настоящего Постановления, что «Конвенция была разработана для поддержания и поощрения идеалов и ценностей демократического общества, основанного на верховенстве права». Однако он утверждает, что имеет это в виду при принятии критерия относительно того, какая цель, законная или незаконная, является преобладающей в том или ином деле. На мой взгляд, при всем уважении верховенство права и ценности демократического общества не могут быть сохранены, если Европейский Суд признает злоупотребление властью в какой-либо степени. Нельзя утверждать, что верховенство права сохраняется, если оно не всегда остается неизменным по своей сути, а может быть нарушено и проникнуто актом злоупотребления властью. В настоящем Постановлении не объяснено, как можно примирить любое злоупотребление властью со стороны властей с верховенством права, принципом законности и ценностями демократического общества? На мой взгляд, злоупотребле-

¹ *A fortiori* (лат.) – с большим основанием, с большей убедительной силой, тем более (примеч. редактора).

² См.: Barak Aharon. Purposive Interpretation in Law, translated from Hebrew by Sari Bashi, Princeton and Oxford, 2005. P. 256.

³ *Raison d'être* (франц.) – право на существование, смысл существования, разумное основание (примеч. редактора).

⁴ См. Постановление Европейского Суда по делу «Газета «Санди Таймс» против Соединенного Королевства (№ 1)» (The Sunday Times v. United Kingdom) (№ 1) от 26 апреля 1979 г., § 49, Series A, № 30.

ние властью не только подрывает демократию, но и представляет для нее наибольшую угрозу

18. Не желая каким-либо образом преуменьшить ее важное значение¹, укажу, что статья 18 Конвенции является нормой *ex abundanti cautela* (от избытка осторожности), которая намеревается совершенно четко указать, что не должно быть злоупотребления ограничениями прав и свобод, изложенными в Разделе I Конвенции. Даже без этого данная цель ясна из положений, касающихся указанных прав, в настоящем деле из пункта 1 статьи 5 Конвенции, которые сформулированы особенно ясно и содержат исчерпывающий перечень ограничений, которые не оставляют возможности для ненадлежащего использования или злоупотребления властью либо для произвола. Кроме того, согласно прецедентной практике Европейского Суда основной целью пункта 1 статьи 5 Конвенции является предотвращение произвольного или необоснованного лишения свободы (см. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маккей против Соединенного Королевства» (*McKay v. United Kingdom*), жалоба № 543/03, § 30, *ECHR* 2006-X, Постановление Европейского Суда по делу «Витольд Литва против Польши» (*Witold Litwa v. Poland*), жалоба № 26629/95, § 78, *ECHR* 2000-III, а также Постановление Европейского Суда по делу «Винтерверп против Нидерландов» (*Winterwerp v. Netherlands*) от 24 октября 1979 г., § 37, *Series A*, № 33). А.Х. Робертсон и Дж.Г. Мерриллс² сделали нижеследующее уместное замечание:

«...хотя в статье 18 Конвенции в каком-то смысле четко указывается лишь то, что уже подразумевается в Конвенции, она, безусловно, вносит ясность в жизненно важный вопрос ограничений и подкрепляет примат добросовестности в их применении. Как таковая она справедливо была описана как полезная часть Конвенции»³.

19. Согласно латинской максиме исключение доказывает или поддерживает правило в отношении вещей, которые не исключаются, «*exceptio probat regulam de rebus exceptio*»⁴. Предусмотренные в Конвенции ограничения прав, которые образуют исключения из прав, к которым они относятся, в

настоящем деле пункт 1 статьи 5 Конвенции, имеют именно эту цель: сохранить правило и не предавать его, поэтому ничего незаконного не должно быть позволено при введении подобных ограничений, что не имеет ничего общего с содержанием правила или соответствующего права.

20. Следовательно, никакое толкование статьи 18 Конвенции не было бы оправданным, если бы это привело к изменению объема прав и ограничений на них, как это предусмотрено в конкретных положениях Раздела I Конвенции. Включение статьи 18 Конвенции в Конвенцию доказывает, что составители Конвенции были очень обеспокоены тем, что без этого предписанные ограничения гарантированных прав в Конвенции применялись бы неправильно. Таким образом, в статье 18 Конвенции содержится общее предупреждение воздерживаться от злоупотребления властью. Данную статью можно было бы рассматривать как напоминание об опустошительном опыте Второй мировой войны, который побудил составителей Конвенции усилить защиту прав отдельных лиц по отношению к государству, а также как напоминание о том, какова главная цель Конвенции. На мой взгляд, толкование статьи 18 Конвенции, которое допускает злоупотребление властью, противоречило бы «цели Совета Европы», которая заключается в «достижении большего единства между его членами» «и что одним из средств достижения этой цели являются защита и развитие прав человека и основных свобод» (см. Преамбулу к Конвенции). Злоупотребление властью не только не будет способствовать сохранению и дальнейшему осуществлению прав человека и даже не приведет к снижению уровня защиты таких прав, это скорее будет равносильно уничтожению самих прав. Это, конечно, было бы самым серьезным регрессом, с которым могут столкнуться права человека.

21. Возможно, не случайно, что статья 18 Конвенции находится в конце раздела I Конвенции, касающегося «прав и свобод». Она как нормативный зонтик, покрывающий и защищающий все ограниченные или оговоренные права и свободы человека (то есть права и свободы, в отношении которых ограничения предусмотрены, и, следовательно, они не являются абсолютными) от злоупотребления властью, и в совокупности со статьей 1 Конвенции, касающейся «обязательства соблюдать права человека» (которая непосредственно предшествует Разделу I Конвенции), статья 18 Конвенции может рассматриваться в качестве пола и потолка храма Конвенции или кормой и носовой частью корабля Конвенции, охватывающей все положения в области прав человека, содержащиеся в Разделе I Конвенции. Как я уже говорил ранее, цель статьи 18 Конвенции состоит в том, чтобы укрепить, а не ослабить верховенство права и другие основополагающие или базо-

¹ См. о значении статьи 18 Конвенции: *Keller H. and Heri C. Selective Criminal Proceedings and Article 18 of the European Convention on Human Rights' Untapped Potential to Protect Democracy*, 36 (1-6) // *Human Rights Law Journal* (2016). P. 1 et seq.

² См.: *Merrills J.G. and Robertson A.H. Human Rights in Europe – A study of the European Convention on Human Rights*, 4th edn., Manchester, 2001. P. 217.

³ См.: *Merrills J.G. and Robertson A.H. Op. cit.*

⁴ См. 11, *Coke's Reports*, 41. См. похожие максимы: «*exceptio quoque regulam declarat*»: *Vacon's Aphorisms*, 17, означающая, что исключение подтверждает правило. «*Exceptio quae firmat legem, exponit legem*», см.: 2 *Bulstrode's Reports* 189, означающая, что исключение, которое подтверждает закон, разъясняет его.

вые принципы, ценности и чаяния системы, такие как принцип демократии и принцип равенства. Статьи 17 и 18 Конвенции не только не оправдывают злоупотребления властью, но и обеспечивают защиту от любых таких злоупотреблений. Можно было бы сравнить статьи 1, 17 и 18 с тремя стенами или колоннами священного храма, Конвенции, к которой толкователь должен подходить осторожно и достойно, чтобы священный храм не рухнул, и сфера охвата Конвенции не стала предметом насмешки.

22. Кроме того, статья 18 Конвенции помещена сразу после статьи 17 Конвенции, озаглавленной «Запрещение злоупотреблений правами». Хотя ни текст статьи 18 Конвенции, ни статьи 17 Конвенции не используют слово «злоупотребление», статья 18 Конвенции по сути имеет дело с запретом злоупотребления ограничениями, так как статья 17 Конвенции касается запрещения злоупотребления правами. Как уместно сказал Герхард ван дер Шифф:

«Статью 18 Конвенции можно также рассматривать как уточнение принципа, закрепленного в статье 17 Конвенции, согласно которому права не могут ограничиваться в большей степени, чем это предусмотрено Конвенцией, поскольку последний принцип применяется к законным целям, которые могут преследоваться при ограничении прав. Таким образом, Кристин Хенрард¹ справедливо утверждает, что статья 18 Конвенции является инструментом обеспечения эффективной защиты прав, как она стремится осуществлять контроль над возможными целями, которые могут преследоваться при ограничении прав»².

23. При всем уважении, в отличие от толкования, принятого в настоящем Постановлении, мое предлагаемое толкование статьи 18 Конвенции соответствует пунктам 1 и 2 статьи 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года (далее – Венская конвенция), на которую Европейский Суд часто ссылается и которая гласит следующее:

«1. Договор должен толковаться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам договора в их контексте, а также в свете объекта и целей договора.

2. Для целей толкования договора контекст охватывает, кроме текста, включая преамбулу и приложения...».

По делу «Саади против Соединенного Королевства» Европейский Суд резюмировал свой обычный интерпретационный подход, основанный на положениях Венской конвенции следующим образом:

¹ См. ссылку: *Henrard Kristin*. Devising an Adequate System of Minority Protection: Individual Human Rights, Minority Rights and the Right to Self-Determination, the Hague/Boston/London, 2000. P. 140.

² См.: *Gerhard van der Schyff*. Limitation of Rights – A Study of the European Convention and the South African Bill of Rights, loc. cit.

«В силу Венской конвенции о праве международных договоров от Европейского Суда требуется устанавливать обычное значение, которое следует придавать словам в их контексте и в свете объекта и цели положения, из которого они взяты (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу “Голдер против Соединенного Королевства”, § 29, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу “Джонстон и другие против Соединенного Королевства”, § 51, а также пункт 1 статьи 31 Венской конвенции). Европейскому Суду необходимо учитывать тот факт, что контекст этого положения является договором об эффективной защите индивидуальных прав человека и что Конвенцию следует рассматривать в целом и толковать таким образом, чтобы способствовать ее внутренней согласованности и гармонии между ее различными положениями (см. Решение Большой Палаты Европейского Суда по делу “Стек и другие против Соединенного Королевства” (*Stec and Others v. United Kingdom*), жалобы №№ 65731/01 и 65900/01, § 48, *ECHR* 2005-X). Европейский Суд должен также учитывать любые соответствующие нормы и принципы международного права, применимые в отношениях между Договаривающимися Сторонами (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу “Аль-Адсани против Соединенного Королевства”, § 55, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу “Авиакомпания “Босфорские авиалинии” против Ирландии” (*Bosphorus Hava Yolları Turizm ve Ticaret Anonim Şirketi v. Ireland*), жалоба № 45036/98, § 150, *ECHR* 2005-VI, а также подпункт “с” пункта 3 статьи 31 Венской конвенции). Возможно обращение к дополнительным средствам толкования, включая подготовительные работы к Конвенции, либо для подтверждения значения, определенного в соответствии с вышеуказанными мерами, либо для установления значения в тех ситуациях, когда в противном случае оно было бы двусмысленным, неясным или явно абсурдным или необоснованным (статья 32 Венской конвенции)»³.

24. Ни одно толкование статьи 18 Конвенции не будет соответствовать понятию добросовестности, как это предусмотрено в пункте 1 статьи 31 Венской конвенции, если оно соглашается с тем, что статья 18 Конвенции признает, что некоторые злоупотребления властью являются или должны быть приемлемыми. Это очевидно, поскольку злоупотребление властью несовместимо с понятием добросовестности.

25. Толкование, которым я руководствуюсь, следует принципу, на который Европейский Суд часто ссылается, согласно которому Конвенцию следует рассматривать в целом и толковать таким образом, чтобы способствовать ее внутренней согласованности и гармонии между ее различными положениями (см., *inter alia*, Решение Большой Палаты Европейского Суда по делу «Стек и другие против Соединенного Королевства» (*Stec and Others v. United Kingdom*), жалобы №№ 65731/01 и

³ См. Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Саади против Соединенного Королевства» (*Saadi v. United Kingdom*), жалоба № 13229/03, § 62, *ECHR* 2008.

65900/01, § 48, ECHR 2005-X). Следующая правовая максима является также релевантной: *interpretare et concordare legis legibus est optimus interpretandi modus*¹, что означает «толковать и гармонизировать законы – лучший метод толкования». Но еще до римлян Аристотель указывал на то, что предложение должно иметь смысл и что слова в тексте следует толковать не изолированно, а в их контексте, чтобы текст понимался как единое целое².

26. В отличие от предложенного мною варианта толкования, принятый в настоящем Постановлении вариант толкования приведет к расширению ограничений, предусмотренных в Конвенции, в результате чего Конвенция будет применяться не только к законным ограничениям, но и к смешению законных и незаконных ограничений. Данное толкование неизбежно приведет к ограничению сферы охвата затрагиваемых прав и, следовательно, будет препятствовать принципу, согласно которому права, закрепленные в Конвенции, должны толковаться широко, а любые ограничения – узко и строго.

27. Со всем должным уважением толкование, принятое в настоящем Постановлении также противоречит основному принципу системы Конвенции и публичному международному праву, а именно, что любое ограничительное толкование норм в области прав человека противоречит принципу эффективности и не является частью международного права³. Профессор Мерриллс уместно комментирует, что «этот принцип [эффективности], ценность которого признается всеми школами толкования, занимает весьма значительное место в постановлениях Европейского Суда»⁴. Он также справедливо делает следующее замечание:

«В конце концов принцип эффективности это принцип толкования. Следует напомнить, что он требует, чтобы положения толковались “таким образом, чтобы они имели наиболее полное значение и эффект, согласующиеся с обычным смыслом слов и с другими частями текста”. Отсюда следует, что условия любого договора являются основной точкой отсчета, и никакое толкование, которое не соответствует тексту, независимо от его других достоинств, не может рассматриваться как юридически корректное»⁵.

28. То, что сказано в последнем предложении приведенной выше цитаты, особенно важно для рассматриваемого вопроса и поддерживает то, что

сказано выше в отношении текстуального толкования статьи 18 Конвенции.

29. Джейкобс, Уайт и Ови, ссылаясь на вышеуказанный подход толкования, которого придерживается профессор Мерриллс, и особенно на принцип эффективности, указали на следующий важный момент:

«Именно использование положений об объектах и целях Венской конвенции в контексте Европейской конвенции открыло двери для такого подхода к толкованию Конвенции»⁶.

30. Кроме того, согласно прецедентной практике Европейского Суда ограничительное толкование прав, гарантированных положениями Конвенции, не будет соответствовать цели и задаче этих положений (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Делькур против Бельгии» (Delcourt v. Belgium) от 17 января 1970, § 25, Series A, № 11, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Перес против Франции» (Perez v. France), жалоба № 47287/99, § 64, ECHR 2004-I, а также Постановление Европейского Суда по делу «Артико против Италии» (Artico v. Italy) от 13 мая 1980 г., § 33, Series A, № 37)⁷.

Это объясняется тем, что принцип эффективности, который заложен в Конвенции и лежит в основе всех ее положений, касающихся прав человека, требует, чтобы данные положения толковались и применялись надлежащим образом и практически и эффективно с тем, чтобы они соответствовали сфере охвата и цели Конвенции как договора по правам человека без каких-либо отклонений от его положений или сокращений их смысла. Слова Кристин Генрард⁸, а именно, что статья 18 Конвенции является инструментом, обеспечивающим эффективную защиту прав, поскольку она направлена на осуществление контроля за возможными целями, которые могут преследоваться при ограничении прав, здесь абсолютно правильны и актуальны. Обязательный и ясный текст и цель статьи 18 Конвенции не должны игнорироваться.

31. Формулировку статьи 18 Конвенции должно толковать в соответствии с принципом эффективности с тем, чтобы передать ее смысл в соответствии с ее целью, а не идти против нее⁹. Даже если предположительно смысл статьи 18 Конвенции

¹ См. 8 Coke's Reports 169.

² См.: Aristotle. On Interpretation. IV.

³ См.: Lauterpacht H. Restrictive Interpretation and Effectiveness in the Interpretation of Treaties in: BYIL (1949). P. 48 at p. 50–51, 69; Orakhelashvili Alexander. The Interpretation of Acts and Rules in Public International Law. Oxford 2008, перепечатано в 2013 году, с. 414.

⁴ См.: Merrills J.G. The Development of International Law by the European Court of Human Rights. Manchester-New York, 2nd edn., 1993. P. 98.

⁵ См.: Merrills J.G. Op. cit. P. 119–120. См. также с. 98.

⁶ См. Robin C.A. White and Clare Ovey (eds.), Jacobs, White and Ovey. The European Convention on Human Rights, 5th edn., Oxford-New York, 2010. P. 73.

⁷ См. дальнейшее обсуждение этого вопроса: Merrills J.G. The Development of International Law by the European Court of Human Rights. P. 113–119.

⁸ Цитируется выше в выдержке из книги Герхарда ван дер Шиффа (Gerhard van der Schyff).

⁹ См. следующие релевантные максимы, касающиеся толкования: *ut res magis valeat, quam pereat*, означающая, что «лучше для вещи иметь эффект, чем сгинуть» (см. об этой максиме Sir William Blackstone. Commentaries on the Laws of England, 10th edn., London MDCCLXXXVII, § 3. P. 89), и латинская мак-

неясен, что касается вопроса о множественности целей ограничений, и имелись два толкования, одно веское, другое спорное, первое в пользу охраняемых прав, а другое не в такую пользу, будет иметь преимущество первое толкование. Актуальной здесь является доктрина *in dubio, in favorem pro libertate*¹, используемая в самом широком смысле, что является проявлением принципа эффективности.

Статья 18 Конвенции тесно связана с принципом эффективности. Буквальное толкование статьи 18 Конвенции является *sine qua non* эффективной охраны прав человека. Целенаправленное толкование статьи 18 Конвенции совпадает с ее буквальным толкованием. Если статья 18 Конвенции не толкуется в соответствии с одним из этих толкований, то принцип эффективности будет лишен цели и объекта. При всем уважении принцип эффективности, таким образом, приносится в жертву в настоящем Постановлении на алтарь «критерия доминирующей цели», которому оно следует. Статья 18 Конвенции не только служит гарантией принципа эффективности всех прав, в отношении которых Конвенция устанавливает ограничения, но и является превентивной мерой, поскольку она обеспечивает, чтобы не подрывалось верховенство права. Только на основе уважения и защиты прав человека, верховенства права и других демократических ценностей можно предотвратить паразитическое развитие недемократических тенденций, которые, в конечном счете, могут привести к тоталитаризму.

32. Существует латинская правовая максима, согласно которой, когда что-либо прямо запрещено, то это также запрещено и косвенно – *quando aliquid prohibetur ex directo, prohibetur et per obliquum*². Точно так же, согласно другой латинской правовой максиме, когда что-либо запрещено, всё, что относится к нему, также запрещено, *quando aliquid prohibetur prohibetur omne, per quod devenitur ad illud*³. Эти максимы, которые просто утверждают, что, если что-то запрещено, это не может быть разрешено в тайне, могут найти применение в настоящем деле. Если статью 18 Конвенции следует толковать таким образом, чтобы поощрять органы власти государств злоупотреблять своими полномочиями, манипулируя положениями Конвенции, касающимися законных ограничений, и использовать их также в скрытых или посторонних либо

незаконных целях, это позволит не только нарушать статью 18 и пункт 1 статьи 5 Конвенции, но и будет своего рода отрицанием конвенционной системы в целом, которая направлена на обеспечение эффективной защиты прав человека.

33. Еще одним возможным негативным последствием такого толкования могло бы быть то, что власти государств стали бы в состоянии извлекать выгоду или преимущества из своих собственных нарушений, что было бы неприемлемо⁴. Тот же запрет применяется еще более строго, когда кто-то стремится получить право путем собственного мошенничества или злоупотребления властью⁵. Наконец, самое важное заключается в том, что никто не вправе извлекать выгоду из того, что является нарушением закона⁶, и что государство не вправе иметь разумных ожиданий выгоды от противоправности. Все вышеупомянутые принципы применимы, на мой взгляд, не только в отношении частного права, но и в отношении публичного права и особенно публичного международного права, включая, разумеется, Конвенцию. Толкование статьи 18 Конвенции, которое приводит к дозволению ненадлежащего использования власти или злоупотребления властью, может иметь сопутствующий эффект нарушения принципа разделения властей.

34. В задачи судьи не входит установление баланса между законными ограничениями и незаконными ограничениями сообразно его серьезности или преобладающей позиции в деле для того,

сима *verba cum effectu suunt accipienda*, см.: Bacon's Maxims 3, означающая, что слова следует воспринимать по результату.

¹ *In dubio, in favorem pro libertate* (лат.) – сомнение толкуется в пользу свободы (примеч. редактора).

² См.: Coke. On Littleton, 223(b), см. также максиму *nemo potest facere per obliquum quod non potest facere per directum*, означающую, что никто не может сделать окольным путем то, что ему не разрешено сделать прямо, см.: 1 Eden's Reports, 512.

³ См. Coke. On Littleton. 223(b).

⁴ Многочисленные правовые максимы, основанные на здравом смысле и справедливости, запрещают такое поведение, различные способы, которыми они описывают это правило, свидетельствуют о его важности (например, «*commodum ex injuria sua nemo habere debet*», см.: Jenkins' Centuries or Reports, 161, означающую, что никто не должен извлекать выгоду из своей неправоты; «*injuria propria non cadet in beneficium facientis*», см.: Branch's Principia Legis et Equitatis, означающую, что никто не может пользоваться выгодами от совершенного им правонарушения; «*Un ne doit prise advantage de son tort demesne*», см.: 2 Anderson's Reports 38, 40, означающую, что никто не должен извлекать выгоду из своего правонарушения; «*nemo ex suo delicto meliorem suam conditionem facere protest*», см.: Digest, or Pandects of Justinian, 50, 17, 134, 1, означающую, что никто не может улучшать свое положение своим же правонарушением.

⁵ См. соответствующие правовые максимы: «*nemo ex dolo suo proprio relevetur, aut auxilium capiat*» – Corpus Juris Civilis, означающую, что никто не может быть освобожден от ответственности или получить преимущество в результате обмена с его стороны; «*nemo ex proprio dolo consequitur actionem*» – Траупог's maxims 366, означающую, что никто в результате собственного обмана не получает права на иск; «*ex abusu non arguitur ad usum*» – Broom's Legal Maxims, 42, означающую, что во зло употребить не должно ничего.

⁶ См. правовую максиму «*nihil cuiquam expedit quod per leges non licet*» – Halkerston's Maxims 103. См. также правовую максиму *frustra legis auxilium quaerit qui in legem committit* – Fleta, seu Commentarius Juris Agliae, 4, 2, 3; Osborn's Concise Law Dictionary, 7th edn., London, 1983.P. 155; тщетно тот, кто нарушает закон, ищет помощи закона.

чтобы определить, какой из них обладает наибольшим влиянием, и затем установить, действительно ли имело место нарушение статьи 18 Конвенции. Критерий соразмерности, требуемой Конвенцией, относится только к соотношению права и законного ограничения, что необходимо в демократическом обществе. Конвенция не требует применения критерия соразмерности в соотношении законного и незаконного ограничения, что не может допустить ни одно демократическое общество.

35. Если можно доказать, что кажущееся законным ограничение становится незаконным, то первое не может быть освобождено или отделено от второго, в результате законное ограничение будет заменено незаконным ограничением и выведено за рамки соответствующего положения Конвенции. Здесь следует применять третье из кардинальных правил логики, а именно принцип или закон исключенного третьего (третьего не дано), *principium tertii exclusi* или *tertium non datur*, который гласит, что для любой пропозиции либо если эта пропозиция истинна, либо ее отрицание истинно и что никакой другой возможности существовать не может. Как выразился Аристотель¹, невозможно считать или предполагать, что одна и та же вещь существует и не существует. В настоящем деле ограничение права должно рассматриваться как законное или незаконное, и нет другого промежуточного ответа. Незаконность одной из целей ограничения влечет за собой недостаток всего решения соответствующего органа власти страны, в настоящем деле решения о заключении заявителя под стражу.

36. Кроме того, логика подсказывает, что разрешить ненадлежащее использование или злоупотребление властью в одном случае откроет шлюзы для новых злоупотреблений. То же самое относится ко всему разрешенному, что не является разумным, справедливым и правильным, а именно абсурдностью², произволом и несправедливостью. Злоупотребление тесно связано со всем, что может быть использовано, поэтому есть глубокий смысл в максиме, который гласит, что может быть злоупотребление чем-либо, что используется, за исключением одной добродетели³. Злоупотребление властью часто может провоцировать или быть причиной насилия, терроризма и другого экстремально-го поведения.

37. Особое значение для настоящего дела имеет следующее замечание лорда Хардвика, сделанное в 1742 году в знаменитом деле о неуважении к суду:

¹ См.: Aristotle. *Metaphysics* iv, 3, 1005 b, 24; iv, 6 1011 b, 13-20; *On Interpretation*, с. 9.

² См., например, латинскую максиму *uno absurdo dato, infinita sequuntur* – *Coke's 1 Reports*, 102, означающую, что, если одна абсурдность допускается, то бесконечное число их воследует.

³ См.: *omnium rerum quarum usus est, potest esse abusus, virtute solo excepta* в *рabone Davies' Reports* 79.

«Не может быть ничего более важного, чем содержать струи правосудия прозрачными и чистыми»⁴.

На это замечание лорд Деннинг в своей книге, озаглавленной «Надлежащая правовая процедура», сделал следующий комментарий:

«Есть не одна струя правосудия, а много его струй. Что мешает их течениям или мутит воду любой из этих струй, наказуемо...»⁵.

Также тот же судья во введении и в конце своей лекции «Ненадлежащее использование власти»⁶ сказал, соответственно, следующее:

«Вы все знаете знаменитый афоризм великого историка, лорда Актона: «Власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно».

...Единственным приемлемым средством правовой защиты от злоупотребления властью – в цивилизованном обществе – является обращение к закону.

Для обеспечения действенности этого обращения важно, чтобы сам закон предусматривал адекватные и эффективные средства правовой защиты от ненадлежащего использования власти или злоупотреблений властью с любой точки зрения. Независимо от того, кто виновен в злоупотреблении властью или ненадлежащем ее использовании. Будь то власть всей страны или местная... Кто бы это ни был, каким бы могущественным он ни был, закон должен предоставить средство правовой защиты от ненадлежащего использования власти или злоупотребления властью, иначе угнетенные дойдут до той точки, когда они перестанут это терпеть. Они найдут свое собственное средство. Быть анархии...⁷

Вернуться туда, откуда я начал: «Власть развращает». Это я вам уже показал. Именно поэтому в цивилизованном обществе должна быть система сдержек и противовесов – чтобы сдерживать злоупотребления властью»⁸.

38. Я придерживаюсь того мнения, что Конвенция предусматривает систему сдержек и противовесов, то есть систему контроля в цивилизованном обществе, Европе, в том смысле, в каком его понимает лорд Деннинг. Статья 18 Конвенции направлена на достижение этой цели⁹, будучи полностью

⁴ По делу газеты «Сент-Джеймс ивнинг пост» (*The St. James' Evening Post*) (1742) 2 *Atkins* 469, на с. 472.

⁵ См.: *Lord Denning. The Due Process of Law*, Oxford-New York, 1980, repr. 2008, preface с. v.

⁶ См.: *Lord Denning. The 1980 Richard Dimbleby Lecture: Misuse of Power*, которая транслировалась по Би-Би-Си 1 в четверг 20 ноября 1980 г. и опубликована британской радиовещательной корпорацией, г. Нортгемптон, 1980 год.

⁷ *Ibid.* P. 5.

⁸ *Ibid.* P. 19.

⁹ Лукис Лукаидес, бывший судья Европейского Суда, справедливо использует термин «проверка», который обозначает контроль в терминах механизма статьи 18 Конвенции («в соответствии со статьей 18 Конвенции... Европейский Суд обладает полномочиями для проверки причин конкретной ограничительной меры...»), см.: *Loukis G. Loucaides. Restrictions or Limitations on the Rights Guaranteed by the European*

совместимой с идеей о том, что Европейский Суд является «совестью Европы», гарантом прав человека и способствует переходу от тоталитаризма к демократии и верховенству права в Европе. Злоупотребление властью не может сосуществовать с идеей цивилизованного общества и понятием законности. Оно также не может быть примирено с уважением прав человека и человеческого достоинства.

39. Европейский Суд как гарант прав человека и основных свобод играет роль в обеспечении и защиты этих прав и свобод и не должен потворствовать их нарушениям или позволять кому бы то ни было ставить под угрозу эти права и свободы и систему Конвенции в целом. Следовательно, в задачи Европейского Суда не входит «паразитарное» толкование статьи 18 Конвенции, если так можно выразиться, открывая дверь для элементов, которые не только чужды Конвенции, но и противоречат характеру конвенционных прав и мешают сфере действия статьи 18 Конвенции.

40. Неважно, если степень ненадлежащего использования или злоупотребления властью, отраженная в цели наложения ограничений на право, была низкой или высокой. Само существование такого ненадлежащего использования или злоупотребления властью будет достаточно для Европейского Суда, чтобы осудить его путем установления нарушения статьи 18 Конвенции во взаимосвязи с еще одним положением Конвенции, в настоящем деле с пунктом 1 статьи 5 Конвенции. Европейский Суд является международным и наднациональным судом, это маяк не только для Европы, но и для всего мира. Благодаря своей прецедентной практике он выпускает свой путеводный свет и свои лучи на все страны и является судом для более чем 800 миллионов человек из 47 государств – членов Совета Европы. Его прецедентная практика является источником вдохновения для каждого адвоката, судьи и законодателя. Конвенция является катализатором мира и стабильности, и Европейский Суд, таким образом, гарантирует мир посредством поощрения защиты прав человека, демократии и верховенства права. Европейский Суд, следовательно, не должен соглашаться со злоупотреблением властью, когда доказано, что оно имеет место, и не должен принимать его во внимание (как сделано в настоящем Постановлении) при принятии решения, в соответствии с его степенью или мерой, было ли допущено нарушение статьи 18 Конвенции.

41. Хотя само собой разумеется, что злоупотребление властью и произвол противоречат тексту, цели и характеру всех положений Конвенции, важно отметить, что, помимо статей 17 и 18 Конвенции, которые конкретно касаются злоупотре-

бления осуществлением прав и ограничений соответственно, подпункт «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции содержит следующее обязательное к исполнению положение:

«Суд объявляет неприемлемой любую индивидуальную жалобу, поданную в соответствии с положениями статьи 34, если он сочтет, что:

(а) эта жалоба является несовместимой с положениями настоящей Конвенции... или является злоупотреблением правом подачи индивидуальной жалобы...».

42. Кроме того, согласно его прецедентной практике Европейский Суд вмешивается в тех случаях, когда толкование внутрисударственными судами или их вывод по делу являются произвольными или явно необоснованными (см., *inter alia*, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Бочан против Украины (№ 2)» (Bochan v. Ukraine) (№ 2), жалоба № 22251/08¹, § 61, ECHR 2015, Решение Европейского Суда по делу «Хамесевич против Дании» (Hamesevic v. Denmark) от 16 мая 2017 г., жалоба № 25748/15, § 43, Решение Европейского Суда по делу «Алам против Дании» (Alam v. Denmark) от 6 июня 2017 г., жалоба № 33809/15, § 35, Постановление Европейского Суда по делу «Дюлоран против Франции» (Dulaurans v. France) от 21 марта 2000 г., жалоба № 34553/97, §§ 33–34 и 38, Постановление Европейского Суда по делу «Хамидов против Российской Федерации» (Khamidov v. Russia) от 15 ноября 2007 г., жалоба № 72118/01, § 170, а также Постановление Европейского Суда по делу «Анджелкович против Сербии» (Anđelković v. Serbia) от 9 апреля 2013 г., жалоба № 1401/08, § 24). По аналогии, если Европейский Суд путем исключения из правила о своей субсидиарной роли считает оправданным вмешаться, когда суд страны истолковал законодательство произвольным или явно необоснованным образом, то на нем будет лежать еще бóльшая обязанность вмешаться в том случае, когда внутрисударственные власти неправомерно ограничивают права человека в нарушение статьи 18 Конвенции и других положений Конвенции, толковать и применять которые является основной обязанностью Европейского Суда.

43. Толкование, которому следует настоящее Постановление, является, говоря с надлежащим уважением, «вольным» или субъективным толкованием, которое не основывается на каких-либо правилах толкования или объективных критериях. Как справедливо заметил Аарон Барак, «по сути вольный подход вовсе не является толковательным – он отрицает руководящую силу правил толкования»².

Convention of Human Rights // The Finnish Yearbook of International Law, vol. IV (1993), 335. P. 377.

¹ См.: Прецеденты Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2017. № 1 (примеч. редактора).

² См.: Barak Aharon. Purposive Interpretation in Law. P. 297.

44. Ввиду вышеизложенного я придерживаюсь мнения о том, что нет никакой более ответственной роли Европейского Суда, чем обеспечение того, чтобы толкование и применение положений Конвенции были чистыми и незагрязненными любыми злоупотреблениями или политическими соображениями. Статья 18 Конвенции была предназначена для того, чтобы быть гарантией, предохранением и защитой от ненадлежащего использования власти и злоупотребления ею и произвола. Однако я не утверждаю, что каждый раз, когда заявитель настаивает, что его содержание под стражей было осуществлено в незаконных целях, должна применяться статья 18 Конвенции. Такое утверждение должно быть доказано фактами дела. В настоящем Постановлении (см. § 350) данное утверждение считается «достаточно убедительным и, следовательно, доказанным». Тем не менее я не предлагаю изучать степень этой незаконной цели, как это делает настоящее Постановление.

С. АНАЛИЗ ПОДХОДА, ПРИВЕДЕННОГО В НАСТОЯЩЕМ ПОСТАНОВЛЕНИИ

45. Главный вопрос дела обсуждается в §§ 292–308 настоящего Постановления с подзаголовком «(i) Множественность целей».

46. В параграфе 292 настоящего Постановления поднят вопрос «Всегда ли предписанная цель исключает скрытую цель, противоречит ли само наличие скрытой цели статье 18 Конвенции или же существует какой-либо промежуточный ответ». По моему мнению, как я уже объяснял выше, само наличие скрытой цели, если она доказана, противоречит статье 18 Конвенции. Как и статья 17 Конвенции, статья 18 Конвенции запрещает злоупотребление властью, а любое злоупотребление властью нарушает положения Конвенции.

47. Я абсолютно согласен с подходом, приведенным в § 293 настоящего Постановления, а именно с тем, что при оценке вышеуказанного момента «Европейский Суд начнет с учета формулировки статьи 18 Конвенции и ее места в общей схеме Конвенции». В этом пункте также сказано, что формулировка статьи 18 Конвенции «близко соответствует» формулировке других положений Конвенции, включая формулировку пункта 1 статьи 5 Конвенции, второе предложение: «иначе как в следующих случаях». Я могу добавить к этому, что формулировка статьи 18 Конвенции обставлена еще более обязательными терминами, используя глагол «shall» в негативной форме («shall not»).

48. Параграфы 294–297 настоящего Постановления содержат обзор прецедентной практики Европейского Суда, касающейся статей Конвенции, иных, чем пункт 1 статьи 5 Конвенции, а §§ 298–301 – обзор прецедентной практики Европейского Суда, касающейся пункта 1 статьи 5 Конвенции. В

§ 302 говорится, что обзор в вышеуказанных пунктах доказывает, что «правомерные цели и основания, изложенные в ограничительных положениях Конвенции, являются исчерпывающими». Я безоговорочно согласен с этим. В Постановлении затем указывается, что эти правомерные цели и основания «также широко определены и были интерпретированы с определенной степенью гибкости» (см. § 302 настоящего Постановления).

49. Однако, как я сказал ранее, согласно прецедентной практике Европейского Суда ограничения прав следует толковать узко, и, на мой взгляд, еще более актуальным и важным является то, что независимо от ее объема никакая незаконная цель не может быть включена в сферу или смысл законного ограничения. В параграфе 302 настоящего Постановления также указано, что «основное внимание тщательного рассмотрения Европейского Суда было сосредоточено, скорее, на следующем и тесно связанном вопросе: является ли ограничение необходимым или оправданным...». Данный параграф завершается словами: «Эти цели и основания являются критериями, на основе которых измеряется необходимость или обоснование...». Конечно, все эти утверждения верны, но они не поддерживают критерий, предложенный в настоящем Постановлении, в отношении рассматриваемого вопроса, а скорее поддерживают мною предложенный критерий, поскольку ограничения должны быть необходимы в демократическом обществе, которое не принимает или не поддерживает никакую форму злоупотребления властью.

50. В параграфе 303 настоящего Постановления говорится, что «таким подходом, [упомянутым в § 302], к толкованию и применению статьи 18 Конвенции в отношении ситуаций, в которых ограничение преследует более чем одну цель, должен руководствоваться Европейский Суд». И тот же параграф завершается следующим образом:

«Некоторые из этих целей могут быть отнесены к соответствующему положению об ограничении, в то время как другие нет. В подобных ситуациях само по себе наличие цели, которая не попадает под соответствующую ограничительную оговорку, не может привести к нарушению статьи 18 Конвенции. Существует значительная разница между делами, когда предписанная цель была той, которую действительно приволили в действие власти, хотя они и хотели получить какое-то другое преимущество, и делами, когда предписанная цель, хотя и присутствовала, но фактически являлась просто прикрытием, позволяющим властям достичь посторонней цели, которая была основным направлением их усилий. Постановка вопроса о том, что наличие какой-либо другой цели само по себе противоречит статье 18 Конвенции, не оправдывает это фундаментальное различие и будет несовместимо с объектом и целью статьи 18 Конвенции, которая заключается в запрещении злоупотребления властью. Действительно, это может означать, что каждый раз, когда Европейский Суд исключает из рассмотрения цель или основание, на которые ссылается государство-ответчик согласно материально-пра-

вовому положению Конвенции, он должен установить нарушение статьи 18 Конвенции, поскольку доводы государства-ответчика будут являться доказательством того, что власти преследуют не только цель, которую Европейский Суд принимает в качестве правомерной, но и другую цель».

51. Со всем уважением я не согласен с тем, что указано в вышеприведенном отрывке. Я хотел бы подчеркнуть, что в настоящем Постановлении нет ссылки ни на одно дело в отношении любого права Конвенции, в котором Европейский Суд уже имел дело с ситуацией, в которой было доказано, что существуют две цели содержания под стражей, одна из которых незаконна.

Утверждение в § 300 настоящего Постановления о том, что в некоторых делах, «если Европейский Суд признает, что заключение под стражу было осуществлено с целью, санкционированной одним подпунктом [пунктом 1 статьи 5 Конвенции], то он обычно далее не проверяет, не преследовало ли оно также и другую цель, не оказывает нам здесь никакой помощи в поиске решения вопроса. Это так, потому что в делах, в которых Европейский Суд не приступал к проверке целей по другим подпунктам пункта 1 статьи 5 Конвенции, не было никакого утверждения, поэтому не было и никаких доказательств, скрытой цели¹, а только параллельных правомерных целей. Поскольку в соответствии с критерием соразмерности лишь правомерные цели являются эталонными тестами, по которым измеряется необходимость, я задаюсь вопросом: как с учетом этого такие тесты могут привести к сделанному в настоящем Постановлении выводу о том, что простое наличие незаконной цели, которая не попадает под ограничительную оговорку, не может само по себе привести к нарушению статьи 18 Конвенции. «Основополагающее различие», упомянутое в приведенном выше фрагменте из дела (см. § 303 настоящего Постановления), не имеет правовой основы в статье 18 Конвенции.

52. Статья 18 Конвенции запрещает злоупотребление властью полностью, независимо от того, состоит ли посторонняя цель властей страны в «получении какого-либо другого преимущества» или же является «первостепенным средоточием их усилий». Со всем должным уважением цель статьи 18 Конвенции не состоит, как внушает настоящее Постановление, в том, чтобы «оправдать это фундаментальное различие», которое, на мой взгляд, не только не является фундаментальным, но и не имеет отношения к целям статьи 18

¹ См., например, Постановление Европейского Суда по делу «Винтерверп против Нидерландов» (Winterwerp v. Netherlands) от 24 октября 1979 г., Series A, № 33, упомянутое в § 300 настоящего Постановления, в котором Европейский Суд указал, что у него не было оснований сомневаться в объективности и обоснованности медицинских доказательств, на основании которых суды Нидерландов санкционировали заключение заявителя под стражу как душевнобольного (см. *ibid.*, § 42).

Конвенции. Кроме того, я не могу понять, как такое различие, проводимое в Постановлении, позволяющее в определенной степени существование ненадлежащего использования власти и злоупотребления властью, может способствовать цели статьи 18 Конвенции, которая, как правильно говорится в настоящем Постановлении, состоит в том, чтобы «запретить злоупотребление властью». Я абсолютно не согласен со всей логикой настоящего Постановления, которая устанавливает норму на основе различия, которого не делает статья 18 Конвенции, вместо того, чтобы учитывать абсолютный запрет, прямо и с обязательной силой предусмотренный этой статьей. Я не согласен с выводом в настоящем Постановлении о том, что нет ничего юридически проблематичного в том, чтобы признать, что незаконная или скрытая цель, не являющаяся преобладающей, не может привести к установлению нарушения статьи 18 Конвенции путем аннулирования и инактивации законной цели.

53. Как указывалось выше, внутригосударственные власти обязаны соблюдать верховенство права, правовую определенность и надлежащее отправление правосудия и руководствоваться этими принципами, а также обеспечивать каждому находящемуся под их юрисдикцией лицу права, гарантированные Конвенцией, как это предусмотрено в статье 1 Конвенции. Роль Европейского Суда, как предусмотрено в статье 19 Конвенции, заключается в обеспечении соблюдения обязательств по защите прав человека, взятых на себя Высокими Договаривающимися Сторонами Конвенции.

54. Утверждение в § 304 настоящего Постановления, что «вывод о том, что ограничение преследует цель, предписанную Конвенцией, необязательно исключает и нарушение статьи 18 Конвенции...», не поддерживает точку зрения, принятую в Постановлении, и не предусматривает ответа на рассматриваемый вопрос.

55. Со всем уважением следующий вывод, сделанный в § 305 настоящего Постановления, не является обоснованным по причинам, которые я привел в настоящем мнении, и не имеет оснований в Конвенции или прецедентной практике Европейского Суда:

«Таким образом, Европейский Суд считает, что ограничение может быть совместимо с материально-правовым положением Конвенции, которое разрешает его, поскольку оно преследует цель, допустимую в соответствии с этим положением, но всё же нарушает статью 18 Конвенции, поскольку оно главным образом предназначалось для другой цели, которая не предписана Конвенцией, иными словами, если эта другая цель была преобладающей. И наоборот, если предписанная цель является основной, ограничение не противоречит статье 18 Конвенции, даже если оно преследует другую цель.

56. В параграфе 306 настоящего Постановления присутствуют три дополнительных аргумента в

обоснование толкования статьи 18 Конвенции (как обобщено в § 305 настоящего Постановления): (а) упомянутое толкование согласуется с практикой судов Договаривающихся Государств, (б) упомянутое толкование согласуется с прецедентной практикой Суда Европейского союза, а также (с) подготовительные работы к Конвенции ясно показывают, что статья 18 Конвенции должна была стать ее вариантом административно-правового понятия «злоупотребление властью».

57. Я не согласен с приведенными выше аргументами и рассмотрю каждый из них по очереди.

58. Относительно первого аргумента, а именно, что толкование, принятое в настоящем Постановлении, согласуется с практикой судов Договаривающихся Государств, ссылка сделана в § 306 настоящего Постановления, в скобках, на § 168 Постановления. В параграфе 168 настоящего Постановления признается, что «согласно информации, имеющейся у Европейского Суда», внутригосударственные суды придерживаются практики принятия критерия преобладающей цели, не раскрывая, однако, что это за информация. В том же параграфе Постановление ссылается на «суды нескольких Высоких Договаривающихся Сторон», которые приняли эту практику, без, вместе с тем, указания государств, к которым это относится.

59. Ввиду вышеизложенного я нахожу мотивировку настоящего Постановления слабой и расплывчатой, что касается толкования статьи 18 Конвенции на основе сравнительного права. Я хотел бы отметить, что обращение к сравнительному праву должно иметь место, когда толкование того или иного положения Конвенции лишено ясности, но здесь это не тот случай, поскольку формулировка статьи 18 Конвенции недвусмысленна.

60. Слово «несколько», которое относится к количеству Высоких Договаривающихся Сторон, взятых для сравнения, и используется в § 168 настоящего Постановления, буквально означает «больше двух, но не очень много»¹. Таким образом, небольшое количество неназванных государств, которые, как утверждается, применяют такой критерий, не может служить основой для объективного сравнительного исследования и консенсуса между различными законами Высоких Договаривающихся Сторон. Как справедливо указывают Джейкобс, Уайт и Ови, «...толкование Европейской конвенции может на законных основаниях основываться на общей традиции конституционного права и в значительной мере на правовой традиции, общей для стран Совета Европы»². Кроме того, право государства не может быть использовано в сравнитель-

ном исследовании без того, чтобы сначала сделать ссылку на источник информации, указать действительность этого источника, наличие противоречащих друг другу решений или мнений по данному вопросу, а также на то, какое из них преобладает.

61. Не может быть также правильным толковать статью 18 Конвенции, которая должна была стать бастионом в борьбе против злоупотребления властью, в соответствии с практикой, если таковая вообще существует, в некоторых государствах, которая является нарушением буквы и духа этой статьи. Должно было бы произойти прямо противоположное: если есть какие-либо Высокие Договаривающиеся Стороны, которые придерживаются административной практики, потворствующей злоупотреблению властью, то эти государства должны отказаться от такой практики и быть готовыми соблюдать мандаты статей 1, 17 и 18 Конвенции, а также любого другого положения Конвенции о полном уважении прав человека. Таким образом, сравнительное право может использоваться в качестве внешнего источника толкования только с учетом вышеизложенных соображений и с большой осторожностью, осмотрительностью и транспарентностью и только тогда, когда текст и объект положения Конвенции неясны, что к статье 18 Конвенции не относится.

62. Ввиду вышеизложенного заявляю: не было доказано, что материалы сравнительного права способствуют толкованию статьи 18 Конвенции способом, принятым в постановлении.

63. В отношении второго дополнительного аргумента в настоящем Постановлении (см. § 306), а именно, что толкование, принятое в данном деле, согласуется с прецедентной практикой Суда Европейского союза, ссылка сделана в § 306 настоящего Постановления на § 156 настоящего Постановления, в котором говорится, что «согласно устоявшейся прецедентной практике Суда Европейского союза акт становится недействительным ввиду злоупотребления властью, если представляется на основе объективных, актуальных и последовательных доказательств, что он был принят исключительно или в основном для других целей, чем та, ради которой была предоставлена соответствующая власть (см. среди многих прочих примеров...)». Ссылка делается в скобках на три постановления, которые, на мой взгляд, не имеют отношения к целям толкования статьи 18 Конвенции в настоящем деле. Иными словами, я не могу следовать принятому в настоящем Постановлении подходу, согласно которому критерий ненадлежащего использования власти, по мнению Суда Европейского союза, используется в качестве аргумента для поддержки «критерия преобладающей цели» в контексте статьи 18 Конвенции.

64. Критерий ненадлежащего использования власти на уровне Европейского союза, на который делалась ссылка в настоящем Постановлении,

¹ См.: Brown Lesley (ed.). *The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles*, vol. 2, op. cit., p. 2799, статья: «несколько [several]», каковое слово определяется как «2. Больше двух, но очень не много; Право: больше одного».

² См.: Robin C.A. White and Clare Ovey (eds.), *Jacobs, White and Ovey*. Op. cit. P. 77.

не имеет отношения к нарушениям основных прав человека. Даже если упомянутые дела в Суде Европейского союза касались нарушений основных прав человека, Хартия основных прав Европейского союза не содержит положения, аналогичного статье 18 Конвенции. Статья 52 этой хартии, озаглавленная «Пределы гарантированных прав», касается ограничений прав и свобод, закрепленных в хартии, и предусматривает более широкую свободу усмотрения со стороны Договаривающихся Государств. Статья 52 гласит следующее:

«Всякое ограничение на осуществление прав и свобод, признанных в настоящей хартии, должно быть предусмотрено законом и должно уважать сущность названных прав и свобод. При соблюдении принципа пропорциональности ограничения могут налагаться лишь тогда, когда они являются необходимыми и действительно служат общим интересам, признанным Союзом, или потребности в защите прав и свобод других лиц».

65. Обязательные к исполнению положения статьи 18 Конвенции не допускают применения ограничений прав и свобод, предусмотренных Конвенцией, «для иных целей, нежели те, для которых они были предусмотрены» в отличие от более разрешительного положения статьи 52, которое допускает «всякое ограничение на осуществление прав и свобод, признанных в настоящей хартии, должно быть предусмотрено законом».

66. Вышеупомянутые три дела в Суде Европейского союза, указанные в § 156 настоящего Постановления, не касались нарушений прав человека. Точнее, первое упомянутое решение, а именно по делу «Компания “ФЕДЕСА” и другие против Совета» (FEDESA and Others v. Council), дело № C-331/88, поставило под сомнение обоснованность Директивы Европейского союза № 88/146/ЕЕС от 7 марта 1988 г. по вопросу о соответствии целям единой сельскохозяйственной политики, предусмотренной Договором о Европейском экономическом сообществе. Предметом второго упоминаемого решения, а именно Решения по делу «Испания и Италия против Совета» (Spain and Italy v. Council) в объединенных делах №№ C-274/11 и № C-295/11, было разрешение Совета Европейского союза на расширение сотрудничества в области правил конкуренции, необходимых для функционирования внутреннего рынка, тогда как в последнем упомянутом решении, а именно по делу «Комиссия против Совета» (Commission v. Council), дело № C-111/10, Европейская комиссия оспорила Решение Совета Европейского союза от 16 декабря 2009 г. № 2009/983/EU по вопросу о предоставлении государственной помощи властями Литовской Республики на приобретение сельскохозяйственных земель.

67. Утверждениями о злоупотреблении властью Советом Европейского союза в вышеуказанных

случаях не затрагиваются вопросы, которые приводят к ограничению основных прав человека. Так, общий критерий ненадлежащего использования власти по правовым нормам Европейского союза не может применяться по аналогии в качестве сравнительного прецедента или аргумента для толкования статьи 18 Конвенции, поскольку нет ни правовой, ни концептуальной основы, на которой можно провести такую параллель.

68. Третий и последний дополнительный аргумент в настоящем Постановлении (см. § 306) гласит, что «подготовительные работы к Конвенции ясно показывают, что статья 18 Конвенции должна была стать ее вариантом административно-правового понятия “злоупотребление властью”». Я не считаю, что это именно так, но прежде, чем я рассмотрю этот аргумент, важно обратиться к статье 32 Венской конвенции, которая озаглавлена «Дополнительные средства толкования» и предусматривает следующее:

«Возможно обращение к дополнительным средствам толкования, в том числе к подготовленным материалам и к обстоятельствам заключения договора, чтобы подтвердить значение, вытекающее из применения статьи 31, или определить значение, когда толкование в соответствии со статьей 31:

a) оставляет значение двусмысленным или неясным или

b) приводит к результатам, которые являются явно абсурдными или неразумными».

69. В параграфе 306 настоящего Постановления в скобках содержится перекрестная ссылка на § 154 Постановления, в которой содержится дополнительная ссылка на *Travaux Préparatoires* Конвенции, однако в них опять же нет ничего, что подтверждало бы утверждение о том, что статья 18 Конвенции могла бы быть вариантом административно-правового понятия «злоупотребление властью». В любом случае в *Travaux Préparatoires* Конвенции нет ничего, что поддерживало бы критерий, принятый в настоящем Постановлении в отношении множественности целей ограничений.

70. Напротив, из *Travaux Préparatoires* следует, что намерение составителей Конвенции состояло в том, чтобы предотвратить рост тоталитаризма «псевдозаконными средствами»¹. Как уже было сказано выше, это положение является ярким примером риторики «никогда снова», которая сложилась после разрушительного опыта Второй мировой войны. Генезис Конвенции означал попытку Европы противостоять насильственному прошлому и гарантировать неповторение опыта Второй мировой войны. Таким образом, статья 18

¹ См. заявление Людовико Бенвенути (Италия) на первой сессии Консультативной ассамблеи Совета Европы, г. Страсбург, 8 сентября 1949 г. // Collected Edition of the «*Travaux Préparatoires*» of the European Convention on Human Rights, Volume II; 1975. P. 136.

Конвенции выступает в качестве гарантии против тоталитаризма в Европе, и это единственная статья Конвенции, которая регулирует ограничение прав, закрепленных в ней.

71. Кроме того, намерение составителей Конвенции состояло в обеспечении того, чтобы произвольному ограничению прав, закрепленных в Конвенции, никогда не было бы прощения. Все тоталитарные режимы имеют один общий элемент – произвольное ограничение прав человека. Как П.-Х. Тетжен метко выразился:

«...когда диктатура прочно установилась, она подавляет одну за другой свободы, предусмотренные ранее принятыми законами»¹.

Он также заметил следующее:

«Свобода личности в наших демократических странах защищается нашими демократическими институтами. Следовательно, требуемые гарантии также неотделимы от этих учреждений...»

Когда, например, во Франции государственный служащий становится жертвой незаконного злоупотребления властью со стороны своего ведомства, он обращается в Государственный совет. И последний отменяет незаконную меру»².

72. Эти последние два отрывка из выступления П.-Х. Тетжена, возможно, легли в основу сделанного в настоящем докладе вывода о том, что статья 18 Конвенции призвана служить вариантом административно-правового понятия «злоупотребление властью»³. Но эти цитаты не поддаются такому толкованию и ни в коем случае не могут дать ответ на поставленный вопрос, так как они касаются только надзорных полномочий административных судов по отмене незаконных мер.

73. П.-Х. Тетжен предложил следующую формулировку положения, которое впоследствии стало статьей 18 Конвенции:

«При реализации прав и пользовании свободами, гарантированными Конвенцией, каждый человек должен быть субъектом только таких ограничений, которые установлены законом исключительно с целью обеспечения признания и уважения прав и свобод других лиц, и для того, чтобы соответствовать требованиям морали, порядка, общественной безопасности и всеобщего благосостояния в демократическом обществе. Эти права и свободы ни в коем случае не должны осу-

ществляться вопреки целям и принципам Совета Европы»⁴.

Последнее предложение этого проекта положения имеет особое значение, поскольку оно отражает цель статьи 18 Конвенции в ее окончательном варианте.

74. Из вышесказанного очевидно, что *Travaux Préparatoires* подтверждают смысл статьи 18 Конвенции, вытекающий из применения статьи 31 Венской конвенции, упомянутой выше, поэтому *Travaux Préparatoires* могут быть использованы в качестве дополнительного средства толкования статьи 18 Конвенции в силу статьи 32 Венской конвенции. Однако *Travaux Préparatoires* не могут быть использованы в силу статьи 32 Венской конвенции для того, чтобы определить смысл статьи 18 Конвенции, поскольку ее толкование в соответствии со статьей 31 Венской конвенции, как уже говорилось, делает смысл статьи 18 Конвенции ни двусмысленным, ни непонятным и не приводит к результатам, которые являются явно абсурдными или неразумными.

75. В параграфе 307 настоящего Постановления говорится, что «какая цель преобладает в конкретном деле, зависит от всех обстоятельств». «При оценке этого», как гласит следующее предложение этого пункта, «Европейский Суд будет учитывать характер и степень предосудительности предполагаемой скрытой цели и учитывать, что Конвенция была разработана для поддержания и поощрения идеалов и ценностей демократического общества, основанного на верховенстве права». В последнем пункте (см. § 308 настоящего Постановления) и предложении подраздела «(i) Множественность целей» говорится, что «в длящихся ситуациях нельзя исключать, что оценка того, какая цель была преобладающей, может со временем меняться».

76. На мой взгляд, тот факт, что «критерий преобладающей цели», как говорят, «зависит от всех обстоятельств», и тот факт, что в длящихся ситуациях преобладающая цель может меняться с течением времени, делает критерий, принятый в настоящем Постановлении, еще более двусмысленным и неопределенным. На самом деле такое толкование совсем несовместимо со сферой действия статьи 18 Конвенции по причинам, которые я привел. Я уже прокомментировал выше, в пункте 17, отрывок, приведенный в § 307 настоящего Постановления, в котором говорится, что «Конвенция была разработана для поддержания и поощрения идеалов и ценностей демократического общества, основанного на верховенстве права», и я не буду сейчас возвращаться к этому вопросу.

¹ См. заявление Тетжена (Франция) на второй сессии Консультативной Ассамблеи Совета Европы, г. Страсбург, 16 августа 1950 г. // Collected Edition of the «*Travaux Préparatoires*» of the European Convention on Human Rights. Martinus Nijhoff, vol. V. 1979. P. 294.

² *Ibid.* P. 292 (текст на английском языке), p. 293 (текст на французском языке). Высказывание в § 154 настоящего Постановления отсылает к с. 293 тома V *Travaux Préparatoires*.

³ Это может быть так, потому что высказывание в § 154 настоящего Постановления отсылает к с. 293 тома V *Travaux Préparatoires*.

⁴ См. заявление Пьер-Анри Тетжена (Франция) на первой сессии Консультативной ассамблеи Совета Европы, г. Страсбург, 30 августа 1949 г. // Collected Edition of the «*Travaux Préparatoires*» of the European Convention on Human Rights. Martinus Nijhoff, vol. I, 1975. P. 178.

II. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

77. Наконец, со всем уважением, толкование, которые должно допустить дифференциацию ограничений, как это предлагается в настоящем Постановлении, было бы неубедительно: оно не только лишено каких-либо правовых оснований, и, следовательно, оно произвольно и несовместимо с формулировками и целью, и сферой действия Конвенции как договора по правам человека.

78. В отношении утверждения заявителя о том, что в декабре 2013 года власти страны попытались использовать его содержание под стражей в качестве рычага для того, чтобы получить от него информацию, я согласен с выводом о том, что было доказано, в частности, что утверждения заявителя о его тайной встрече и разговоре с О.П. были «достаточно убедительными и, следовательно, доказанными» (см. § 350 настоящего Постановления).

79. В целом государства не должны быть свободны от своих обязательств по пункту 1 статьи 5 Конвенции, истолкованному во взаимосвязи с положениями статьи 1 Конвенции, если их власти заключают человека под стражу с незаконной целью, даже если это не преобладающая цель содержания под стражей. На мой взгляд, если только они полностью и совершенно не выполняют свои обязательства согласно Конвенции, они не должны ожидать, что Европейский Суд проявит к ним какую-либо терпимость. На них лежит конвенционное обязательство соблюдать верховенство права во всей его полноте: не только делать то, что законно, но и воздерживаться от того, что незаконно.

80. Поскольку было доказано, что у содержания заявителя под стражей была иная цель, кроме той, которая была предусмотрена в пункте 1 статьи 5 Конвенции, и, таким образом, имелась скрытая цель, я заключаю, что по делу властями было допущено нарушение статьи 18 Конвенции во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 5 Конвенции. Однако в отличие от вывода в настоящем Постановлении я считаю несущественным, была ли эта цель главной или основной или преобладающей целью содержания под стражей.

**СОВМЕСТНОЕ ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ
МНЕНИЕ СУДЕЙ ГВИДО РАЙМОНДИ,
РОБЕРТА СПАНО, ЙОНА ФРИДРИКА
КЪЁЛЬБРО, ЙОНКО ГРОЗЕВА, ЖОРЖА
РАВАРАНИ, ПЕРЕ ПАСТОРА ВИЛАНОВЫ,
АЛЁНЫ ПОЛАЧКОВОЙ
И ЛАТИФА ГУСЕЙНОВА**

I

1. Мы полностью согласны с важным разъяснением Европейским Судом общих принципов, которые должны применяться при толко-

вании статьи 18 Конвенции, как это изложено в §§ 282–307 настоящего Постановления. Однако мы не согласны с большинством судей в том, что касается применения этих принципов к фактам дела (части II–III). Кроме того, мы считаем важным более подробно остановиться на взаимосвязи между пунктом 1 статьи 5 и статьей 18 Конвенции в свете подхода, принятого Европейским Судом к толкованию последнего положения (часть IV).

II

2. Прежде всего мы подчеркиваем, что статья 18 Конвенции устанавливает очень высокий порог, о чем свидетельствует критерий преобладающей цели, принятый Европейским Судом в сегодняшнем Постановлении. При толковании и применении статьи 18 Конвенции необходимо учитывать тот факт, что те положения Конвенции, которые допускают ограничения, также неизменно обеспечивают определенные гарантии против произвольных и незаконных оснований для ограничения прав. Это относится, в частности, к статье 5 Конвенции о праве на свободу, применимой в данном случае, которую Европейский Суд уже давно решил толковать таким образом, чтобы обеспечить эффективную защиту от произвольного заключения под стражу (см., в частности, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Моорен против Германии» (Mooren v. Germany), жалоба № 11364/03, §§ 72 и 77–81, 9 июля 2009 г.). Кроме того, необходимо принимать во внимание взаимосвязь между статьями 17 и 18 Конвенции, в первой из которых прямо запрещается «злоупотребление правами», а во второй устанавливаются «ограничения» на «использование ограничений прав».

3. Из этого следует, что, по нашему мнению, статья 18 Конвенции может применяться только в наиболее серьезных случаях, когда на основании фактов надлежащим образом доказано, в соответствии со стандартом и бременем доказывания, описанными в §§ 309–317 настоящего Постановления, что основная цель властей заключалась в ограничении конвенционных прав на основе мотивов, которые не могут быть отнесены к ограничениям, допускаемым данным положением Конвенции. Это важное ограничительное условие объема и содержания критерия преобладающей цели по статье 18 Конвенции подчеркивается в § 307 настоящего Постановления, в котором Европейский Суд обоснованно утверждает, что в оценке того, является ли цель для ограничения «преобладающей», будут учитываться «характер и степень предосудительности предполагаемой скрытой цели и учитываться, что Конвенция была разработана для поддержания и поощрения идеалов и ценностей демократического общества, основанного на верховенстве права».

III

4. Исходя из этого и переходя к применению статьи 18 Конвенции к фактам настоящего дела, мы отмечаем, что в § 351 настоящего Постановления большинство судей признают, что отсутствуют доказательства того, что до 14 декабря 2013 г., спустя почти семь месяцев после того, как заявитель был заключен под стражу, власти пытались использовать его содержание под стражей в качестве средства давления на него, чтобы получить информацию о смерти Жвани или банковских счетах Саакашвили. Таким образом, большинство судей согласны с тем, что, если ограничение права заявителя на свободу рассматривалось бы в целом, было бы трудно рассматривать попытку использовать его в качестве средства получения такой информации как его преобладающую цель. Однако большинство судей исходят из того, что в тех случаях, «когда ограничение конвенционного права становится, как и в данном случае, постоянной ситуацией с тем, чтобы оно не противоречило статье 18 Конвенции, его главная цель должна оставаться той, которая предписана Конвенцией на протяжении всего срока его действия, и нельзя исключать, что первоначальная цель будет со временем заменяться другой». Большинство судей затем устанавливают на основе фактов, что ряд элементов, поддерживающих их вывод о том, что именно это и произошло в настоящем деле, а именно, что в тот момент, когда заявитель был вывезен из камеры, преобладающая цель его заключения под стражу изменилась, и эта цель нарушала статью 18 Конвенции.

5. При всем уважении мы не согласны с этим по следующим причинам.

6. На наш взгляд, прежде всего важно иметь в виду, что содержание заявителя под стражей длилось с момента его задержания 21 мая 2013 г., пока он не был осужден судом первой инстанции 17 февраля 2014 г. (см. §§ 26 и 53 настоящего Постановления). Европейскому Суду не было представлено доказательств, свидетельствующих о том, что в течение большей части этого почти девятимесячного периода прокуратура или судебные власти пытались ограничить его право на свободу с тем, чтобы заставить его предоставить информацию о смерти Жвани или банковских счетах Саакашвили. Наоборот, хронологическая последовательность их действий, проведение досудебного заседания, а затем суда, не обосновывает другое толкование событий, чем то, что преобладающая цель содержания заявителя под стражей состояла в том, чтобы обеспечить беспрепятственное производство уголовного дела в отношении него.

7. Встреча с генеральным прокурором О.П. произошла в то время, когда широко разрекламированный судебный процесс по делу заявителя еще продолжался (см. §§ 50 и 60 настоящего

Постановления). Нет различимой связи между этой встречей и процессуальными действиями в производстве по уголовному делу в отношении заявителя и в производстве относительно его содержания под стражей. О.П. вступил в должность всего за три недели до этой встречи и ушел в отставку через две недели после нее по несвязанным со встречей причинам (см. § 60 настоящего Постановления), как представляется, он не играл какой-либо конкретной роли в уголовном деле в отношении заявителя.

8. Согласиться с тем, что преобладающая цель продолжающегося содержания заявителя под стражей после 14 декабря 2013 г. состояла в получении от него доказательств, потребовало бы также согласиться с тем, что власти были готовы снять с него уголовные обвинения. Действительно, согласно частям первой и второй статьи 250 УПК Грузии органы прокуратуры, которые находились под общим контролем О.П., могли снять обвинения против заявителя в любой момент без какого-либо судебного контроля этого своего решения (см. § 153 настоящего Постановления). Однако фактически нет никаких причин, основанных на представленных доказательствах, делать вывод о том, что власти действительно рассматривали этот вариант. Напротив, заявитель был обвиняемым лицом высокого ранга, в широко освещаемое дело которого органы прокуратуры вложили значительные средства и время. Нас не убеждают представленные факты в том, что, даже если бы органы прокуратуры стремились получить информацию, ради предоставления которой генеральный прокурор оказал давление на заявителя, органы прокуратуры были готовы отменить свои действия и снять обвинения против заявителя в середине судебного процесса или что они смогли дать ему надежные гарантии того, что они так поступят. Кроме того, чтобы заявитель вышел на свободу, обвинения по другому уголовному делу в его отношении в г. Тбилиси, которое было еще более громким (см. § 56 настоящего Постановления), также пришлось бы снять.

9. С учетом этих соображений мы не можем сделать вывод о том, что намерение получить информацию от заявителя о смерти Жвани и банковских счетах Саакашвили можно рассматривать как преобладающую цель его содержания под стражей или, действительно, что вывоз заявителя из камеры можно рассматривать как мотив как таковой для его содержания под стражей до, во время или после того, как имел вывоз заявителя из камеры. Даже если предположить, что вывоз заявителя из камеры и попытка получить информацию от заявителя были выгодой, которую власти надеялись извлечь от его нахождения в их распоряжении под стражей, мы не можем согласиться с тем, что его содержание под стражей полностью или частично являлось лишь прикрытием, предназначенным для достижения ими этой цели.

IV

10. Как указывалось выше (см. пункт 4 настоящего мнения), большинство судей основывают свои выводы на оценке ситуации заявителя под стражей как «постоянной» и заключают, что преобладающая цель «должна оставаться той, которая предписана Конвенцией на протяжении всего срока его действия, и нельзя исключать, что первоначальная цель будет со временем заменяться другой целью». Исходя из этого большинство судей, похоже, признают, что содержание заявителя под стражей было изначально и за первые семь месяцев надлежаще обосновано в соответствии с пунктом 1 статьи 5 Конвенции. Однако в тот момент времени, когда заявитель был вывезен из своей камеры, преобладающая цель его заключения под стражу изменилась, и эта цель нарушала статью 18 Конвенции.

11. У нас нет принципиальных оснований спорить с этим пониманием критерия преобладающей цели в соответствии со статьей 18 Конвенции применительно к ситуациям с содержанием под стражей, на которые распространяет свое действие статья 5 Конвенции. Как видно из прецедентной практики Европейского Суда, не может быть исключена возможность как таковая, что содержание под стражей может быть оправдано в силу пункта 1 статьи 5 Конвенции, если человек обоснованно подозревается в совершении уголовного правонарушения, хотя исходя из фактов дела очевидно, что преобладающая цель властей для назначения этой меры пресечения является та, которая попадает под действие статьи 18 Конвенции.

12. Вместе с тем требование Конвенции о том, что содержание под стражей должно быть оправдано на весь срок его действия как опирающееся на законные цели, уже само является основной составляющей пункта 1 статьи 5 Конвенции. По сути Европейский Суд последовательно указывал, что «пункт 1 статьи 5 Конвенции требует... что всякое лишение свободы должно соответствовать цели защиты личности от произвола» (см. упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Моорен против Германии», § 72). Что касается «понятия произвола», то общий принцип, установленный в прецедентной практике, согласно которому содержание под стражей будет «произвольным» в тех случаях, когда, несмотря на соблюдение буквы законодательства страны, «имеет место элемент недобросовестности или обмана

со стороны властей» (см. *ibid.*, § 77). Отсюда следует, что из-за этой деликатной взаимосвязи между понятием произвола как элемента, присущего пункту 1 статьи 5 Конвенции, и понятием преобладающей цели ограничения прав по Конвенции в соответствии со статьей 18 Конвенции установление отсутствия факта нарушения первого, но нарушения последней могут в реальности возникнуть только в исключительных обстоятельствах. Такие исключительные обстоятельства могут возникнуть только в тех случаях, когда порог для применения статьи 18 Конвенции достигается, а именно в наиболее серьезных делах об особо опасном злоупотреблении властью. На наш взгляд, настоящее дело не относится к категории дел по следующим причинам.

13. Мы отмечаем, что большинство судей считают, что весь срок содержания заявителя под стражей по сути соответствовал пункту 1 статьи 5 Конвенции даже после того, как он был вывезен из своей камеры в тюрьме, но в то же время считаем, что вывоз заявителя из камеры сделал его содержание под стражей нарушающим статью 18 Конвенции. Таким образом, исходя из обстоятельств данного дела и принимая во внимание, что большинство судей правильно отклонили утверждение о том, что содержание заявителя под стражей с самого начала главным образом основывалось на цели, которая попадает под действие статьи 18 Конвенции, мы не усматриваем, как вывоз заявителя из камеры сам по себе представляет собой смещение цели настолько серьезно, чтобы оправдать установление нарушения этого положения и в то же время не ставить под сомнение законность как таковую содержания заявителя под стражей в контексте пункта 1 статьи 5 Конвенции.

14. На наш взгляд, больше соответствует фактам, как это было продемонстрировано, что вывоз заявителя из камеры не был рационально связан с содержанием заявителя под стражей до суда, как таковым (будь то до, во время или после события), а скорее являлся спонтанным актом, с помощью которого власти надеялись в лучшем случае получить возможность узнать определенную информацию у заявителя. При взгляде на дело сквозь эту призму становится ясно, что содержание заявителя под стражей до суда было вполне обоснованным на всем протяжении согласно пункту 1 статьи 5 Конвенции и не дает основания говорить о нарушении статьи 18 Конвенции.